

ДНЕВНИК АПОСТОЛА ФОМЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ. АПОСТОЛЫ ПОДОШЛИ К РАЗВИЛКЕ

Содержание

42.	Отрывок из статьи Фомы «Мировой заговор как модель планетарного управления» (март 2009 года)	2
43.	Отрывок из дневника Фомы. Принцип юлы	6
44.	Андрей вразумляет Фому	8
45.	Керим беседует с Колдуном	15
46.	Пенталгин встречается с Лоренцо Медичи	22
47.	Фома знакомится с Глорией.....	30
52.1.	Встреча	30
52.2.	Чувство	32
52.3.	Свидетельство	33
52.4.	Причастность	34
52.5.	Значит, мы хлебали из одного корыта	35
48.	Отрывок из дневника Фомы. Красавица и чудовище.....	36
49.	Две женщины - в одном сердце. Это возможно?	39
50.	Отрывок из дневника Фомы. Жемчужина.....	40
51.	Два соляных креста.....	42
52.	Апостолы ругаются.....	45
53.1.	Павел – Фома (фрагмент ICQ-чата)	45
53.2.	Фома – Павлу (письмо).....	45
53.3.	Фома – Зилот (фрагмент ICQ-чата).....	46
53.	Кронштадт. Дядя Ваня рулез!	47
54.	Глория видит сны – и пересказывает их Фоме	49
55.	Отрывок из дневника Фомы. Фашисты - любовь моя, боль моя	50
56.	На смерть поэта	52
57.1.	Глебов.....	52
57.2.	Васильчиков	52
57.3.	Мартынов.....	54
57.	Письмо с магнолией.....	55
58.	Павел выбрался на волю.....	56
59.	Отрывок из дневника Фомы. Все так умирают?	61
60.	Отрывок из дневника Фомы. Надводная проповедь	63
61.	А тем временем где-то.....	66
	Красная линия (КЛ), линия смерти Фомы.....	68
62.	КЛ. Пенталгин последний раз видится с Фомой	68
63.	КЛ. Гибель Иокасты, жены Лая, матери Эдипа	71
64.	КЛ. Разгром Альянса	72
65.	КЛ. Фома сосчитал число зверя.....	79
66.	КЛ. Гибель Фомы.....	80
67.	КЛ. Бойня на Малой Бронной.....	83
68.	КЛ. Водяное перемирие с Конторой снова в силе	87
69.	КЛ. Вместо эпилога. Отрывок из дневника Фомы. Фома должен умереть	91
	Зеленая линия (ЗЛ), линия жизни Фомы	93
63.	ЗЛ. Фома встречается с настоящей Пифией.....	93

64.	ЗЛ. Апостолы играют в футбол	96
65.	ЗЛ. Из архива Фомы. Свадьба – в жизни только раз. Может, 2, а, может, 3, но это не для нас	97
66.	ЗЛ. Семейный архив. Два готовых писателя.....	100
	66.1. Глория – в «Кронштадский вестник» (1994). На святом острове	100
	66.2. Фома – в «Общую газету» (1998). В тюрьме.....	102
	66.3. Отрывок из книги Фомы и Глории «Риски в компании: идентификация, анализ, управление» (2009). В корпорации «Элефант».....	103
67.	ЗЛ. Нафаня и Фома проектируют империю	105
68.	ЗЛ. Вместо эпилога. Отрывок из дневника Фомы. Любовь никогда не перестает	106
	Приложение 1. Выдержка из аналитического отчета.....	109
	Приложение 2. Фотографии.....	114

*У Любви нет другого желания, кроме как обрести Саму Себя
Халиль Джебран «Пророк»*

42.Отрывок из статьи Фомы «Мировой заговор как модель планетарного управления» (март 2009 года)

Мысль о мировом заговоре, мировом закулисье – не является новой. Более того: эта мысль имеет все основания для того, чтобы быть верной. Чаще всего говорится в этой связи о сионистском заговоре, в авангарде которого находятся 300 самых богатых еврейских банкирских семей - и о мировом масонстве как орудии смещения национальных правительств, с наведением единообразного мирового порядка, основанном на власти денег. У этой сионистской версии есть один дефект. Она полагает, что сионизм как еврейская идея обладает всей палитрой возможностей для учреждения планетарного управления, что завет иудейства с Источником (*или с планетарным эгрегором, что скорее*) так же силен, как и двести три тысячи лет назад (*хотя ясно, что это не так*). В этой гипотезе нет Бога и Его Промысла, нет эгрегориального подхода к управлению планетой. Потеряно некоторое важное логическое звено в рассуждениях, которое мы попытаемся восполнить.

Мы считаем, что планетарный эгрегор, при реализации функции управления планетой, опирается на когорту **профессиональных управляющих** – людей, чьими руками, собственно, и учреждается управление. Этих людей, полагаю, немного – от тысячи до десятка тысяч. Главная их особенность – полное погружение в замысел планетарного эгрегора и согласие с ним. Это возможно лишь в том случае, когда перед этой когортой открыты все тайны мироздания, в том числе и тайны прошлых воплощений этих людей. Мы назвали их Бессмертными.

Во все исторические периоды человечества Бессмертные оккупировали то сословие, которое обладало реальной властью. Они были египетскими жрецами, индийскими брахманами, друидами в древней Гиперборее, первосвященниками в иудейском храме, шаманами первобытных племен, учителями племен арийских. Старые души, они населили эту планету много десятков тысяч лет тому назад. За это время они прошли тысячи воплощений и накопили грандиозный опыт водительства народами, прежде всего, паразитируя на идее страха перед богами. В Египте жрецы управляли фараонами, в Индии брахманы управляли кшатриями. Тот порядок, что служители Бога стоят выше царей, представлялся естественным и никогда не оспаривался (*человеческая религиозность до последних времен*

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

была очень сильна). Жреческое управление всегда было **бесструктурным**, т.е. жрецы не правили самостоятельно; они проводили свою линию, воздействуя на верховных правителей – царей и их заместителей - князей.

Бессмертные всегда обладали большим арсеналом магических практик и целительских приемов. При этом они могли влиять не только и не сколько на тело человека, сколько на его душу (*обладали и обладают компетенциями управления на тонких планах*). Поэтому друидство и жречество не было фикциями. Жрецам достаточно было продемонстрировать ряд чудес (*точно предсказать солнечное затмение, убить человека силой слова или взгляда, исцелить безнадежно больного*), как доверие к жреческой касте, на время утраченное, возвращалось в полном объеме. Об этом – польский фильм «Фараон».

«Разделяй и властвуй» - это формула придумана не в Древнем Риме. Предвидя закат цивилизации Гипербореи, друиды спровоцировали великое арийское переселение и заложение нового культа. Предвосхищая закат цивилизации Египта, жречество санкционировало великий исход евреев, под руководством Моисея и Аарона, с заложением Ветхого завета. Хорошо известно, что Моисей прошел школу египетского жречества и мистерий посвящений в жрецы, а жезл Аарона был выполнен в форме египетского креста «анх». Так что можно считать, что Исход был спровоцирован на самом верху, как заговор жрецов Египта против действующего фараона, направленный на сворачивание этой цивилизации. Потому что из Египта уходил наиболее перспективный, пассионарный, системообразующий этнос. Останься он в Египте – и эта цивилизация пошла бы по иному руслу. Но евреи вырвались из Египта, как пробка из-под шампанского.

Спустя два тысячелетия, когда Ветхий завет перестал греть души евреев, планетарный эгрегор послал миру Христа. Тем самым, были убиты два зайца: а) зона управления расширилась на Европу и Малую Азию; б) был обновлен базис веры, при этом ее сердцевина (*любовь к Богу и ближнему*) не претерпела изменений. Параллельно начал раскручиваться масонский проект (*ровно со времен строительства Соломонова храма; и правильным будет Соломона считать первым учредителем масонства*).

Мне думается, что Христос – один из Бессмертных. Та подлинная миссия, с которой Христос воплотился через Марию, - и то, что написано в евангелиях и апостольских посланиях – имеют между собой мало общего. Главное, с чем пришел Христос в мир – это модификация порядка планетарного управления, путем создания и внедрения новой мировой религии на платформе морально устаревшего иудейского вероучения. Христианство – это апдейт иудаизма. Апостолы не понимали этого замысла – и тем самым были использованы втемную (*как ни печально это осознавать*). Один Иуда Искариот, пожалуй, понимал свое назначение в деталях.

Здесь можно также предположить, что состоялась смена планетарного эгрегора (*или его существенный апдейт*) – в силу того, что зарождение и развитие христианства имело воистину планетарные последствия. Вспоминаем евангельский мотив об искушении Христа. Дьявол готов передать Христу всю полноту управления на Земле, сделать его своим заместителем. Он и вправду обладает полнотой власти, Христос этого не отрицает. Налицо – повадка планетарного эгрегора. Но Христос отказывается от сделки, говоря: «Написано: Богу одному поклоняйся и Ему одному служи». На кого же работает Христос, на какой эгрегор? Вестимо – на новый, обновленный планетарный эгрегор. Итог миссии Христа таков: сделано планетарное дело, произошло цивилизационное обновление. Поверженный дьявол, «падающий с неба, как молния», по слову Христа – это устаревший планетарный эгрегор, на смену которому приходит эгрегор обновленный, перезагруженный.

Можно также считать перенос основной активности христианства из Иудеи в Европу и в Малую Азию аналогом Исхода под руководством Моисея. Это видно по схожести задач: а) дать миру новую религию и новый народ; б) позиционировать эту религию отдельно от морально обветшавшей прежней веры. Обе задачи были с успехом решены, сначала апостолами, затем византийским императором Константином Великим.

Когда же христианская программа начала испытывать трудности как модель личностного роста отдельного человека (*я связываю это с победой догмата Троицы на первом никейском соборе, когда Арий потерпел поражение, а Византия получила новый культ для борьбы с богами Западной Римской Империи*), на исторической авансцене возникли Мохаммед и ислам. То, что ислам – это еще один апдейт иудаизма, сомневаться не приходится. При этом, христианство начало дробиться: арианство, несторианство и другие христианские уклоны одерживали временные победы в Европе и Азии (*так, Теодорих Великий, король Италии, был готом и арианином*). Западная ветвь христианства оформилась как католичество, в противовес восточной ортодоксии. А затем и католичество претерпело расколы в ходе Реформации. Все к тому, что Источник не допускал (*и не допускает*) возможности одной организованной религии получить доминирование в общепланетарном масштабе (*создает систему религиозных противовесов*). Таким образом, обеспечивается конкурирование идеологий и организованных религий как механизм духовной личностной эволюции и свобода вероисповедания как фактор личностной автономии. Это – задание планетарному эгрегору со стороны Источника. Но самому планетарному эгрегору было бы удобнее водить народы на базисе одной веры, одного инструмента для манипуляций. И тут есть противоречие в стратегиях Источника и планетарного эгрегора.

Мы видим, что иудейская программа, санкционированная планетарным эгрегором, является всего лишь одной программой из целого ряда программ в бесконечной их череде. Планетарный эгрегор мастак на такие дела – на массовую штамповку для населения богов и идолов, любых конфигураций и расцветок. При этом он не гнушается перелицовкой старых одежек (*ведь пресловутая Троица есть не что иное, как калька с древнеегипетской триады Ра-Осирис-Ка*).

Поэтому говорить о доминировании сионистской программы в концепции планетарного управления нет оснований. Равно как нет оснований считать, что 300 банкирских семей, манипулирующих финансами планеты, работают на программу сионистского мирового господства. Скорее, они работают только на свое благополучие, на свой карман, и им плевать на мировое господство и на высокие планетарные задачи. «Будем есть и пить, ибо завтра умрем» (Коринфянам 15:32). Этим – своей узостью, своей упрямой горячей любовью к денежным знакам и собственности (деньги – это их бог, инвальтировавший их до состояния одержимости эгрегор) – эти ребята и ценны; и именно в этом узком контексте они и используются Бессмертными и планетарным эгрегором.

Деньги – эта та самая единая вера, на основе которой можно привести все народы к одному знаменателю, и Бессмертные это хорошо понимают. Однажды Бессмертные уловили, что в современных условиях традиционная религиозность населения сходит на нет, и что, манипулируя народами посредством организованных религий, желаемой цели глобализации планетарного управления не добиться. Тогда они сместили фокус управления с религии на планетарные деньги (*это произошло в Средние века*). Люди помешаны на деньгах и собственности, готовы убивать за золото – значит, надо дать им такого всемогущего бога – и дать им новых жрецов для организации культа этого бога. Банкиры – это жрецы богов Мамона и Ганеша, и они сами наведут такой единообразный мировой порядок, где деньги будут править миром и душами людей. Пусть традиционные религии умаются доказывать, что богатство – это беда, а лихва – это грех. Повседневная практика каждый день явочно

докажет обратное: богатство – это сила и безопасность, а лихва – это инструмент воспроизводства капитала. Поэтому религия говорит одно, а жизнь – другое, и жизнь выступает более убедительно.

Тем самым, окончательно оформился мировоззренческий конфликт между Источником, с одной стороны, и планетарным эгрегором и Бессмертными – с другой стороны. Цель Источника – обеспечить духовную эволюцию; цель планетарного эгрегора – обеспечить управляемость планеты, даже ценой духовной деградации народов. Эти цели противоречат друг другу.

Как же Бессмертные управляют мировыми банкирами? Очень просто: они нанимаются к ним советниками (*как робот Даниэль Оливо к императору Клеону, в «Прелюдии к Основанию» Айзека Айзимова*). Хорошо представляя мировую динамику, великолепно прогнозируя состояние мировых рынков, синхронизируя усилия ключевых мировых игроков (*банкиры, промышленники, политики*), Бессмертные дают банкирам рекомендации в плане инвестиций и операций. В подавляющем большинстве случаев эти рекомендации обогащают банкиров. Бессмертные рекомендуют банкирам слияния и поглощения, альянсы, консолидированные действия против той или иной валюты или страны. Они проектируют мировые финансовые кризисы как планы, обязательные к согласованному исполнению всеми банкирами из группы 300 (несмотря на временные потери капитала, которые те же самые банкиры вынуждены нести – во имя будущих слияний и поглощений, еще большей концентрации капитала, во имя будущего роста и будущих сверхприбылей). Бессмертные работают на банкиров – но, фактически, они заставляют банкиров делать то, что нужно Бессмертным для планетарного управления, для глобализации и унификации. Банкиры сеют хаос для установления нового порядка.

Также надо указать, как Бессмертные управляют масонами: они встают на руководство этими тайными орденами (*начиная с Соломона*). Тайная цель масонства (*безотносительно наружной их риторики*) – это создание над-национального правительства, с упразднением национальных аристократий, стоящих у руля соответствующих стран. Обратим внимание на наименование высшей тайной 99-й ступени в масонстве – Архитектор Вселенной. Какая превосходная параллель с «Матрицей», с идеей планетарного эгрегора! Нужно еще указать, что обилие тайных ступеней в масонстве, невозможность пройти весь набор ступеней за одну жизнь – тут прямое указание, что ступени проходятся из воплощения в воплощение, и в этом – главная тайна масонства.

Все мировые революции (*начиная с французской и кончая российской*) были инспирированы масонами. В ходе этих революций, в первую очередь, подлежали истреблению действующие национальные элиты. Масонство ликвидирует аристократический принцип правления страной для того, чтобы привести к власти новую псевдоэлиту – торговцев, под соусом демократической республики. А сами масоны (*и Бессмертные за их спиной*) будут, по замыслу, управлять торговцами по всем земному шару, консолидируя их в транснациональные корпорации. Именно транснациональные корпорации являются правительствами нового образца, где управление ведется не по страновому, а по глобально-отраслевому принципу. Создаются новые империи, и в этих империях нет даже отдаленного намека на демократию. Тем самым, планетарная власть переходит к политикам, находящимся под колпаком у торговцев. Торговцами манипулируют банкиры, банкирами манипулируют Бессмертные, Бессмертными рулит планетарный эгрегор. Такая цепь управления, порочная цепь. И России предстоит эту цепь разорвать, сломать действующую модель планетарного управления. В этом – историческая миссия России на современном этапе.

Глобализация – надо еще раз сделать акцент – не входит в планы Источника, т.к. противоречит идее духовной эволюции, достигаемой через многовариантный выбор, развертывающийся на многополюсной цивилизационной основе. Эту мысль однажды хорошо выразил Дэн Сяопин, выдвинув тезис «пусть расцветают все цветы» (*имея ввиду построение в Китае многоукладной экономики*). Источник заинтересован в том, чтобы народы и страны сохраняли свою уникальность, свою самобытность, так как этим обогащается пространство Божественной Игры, пространство выбора человеческой души. Сохранение такой уникальности возможно лишь в том случае, если сохраняется принцип аристократического правления странами, с отказом от глобализации и унификации, с отказом от наднационального мирового порядка, основанного на манипулятивной демократии.

В древние времена жрецы (*брахманы*) манипулировали царями (*кшатриями*) под лозунгом установления коллективного служения высшим началам жизни (*богам*). Цари повелевали торговцами (*вайшнавами*) по праву силы и чести (*ключевые принципы любой аристократии*), а торговцы – рабочими (*шудрами*), на условиях либо найма, либо рабства. В этом суть традиционного аристократического правления, в котором каждому сословию отводилось его место.

Этот древний порядок начинал буксовать, когда правящая элита начинала вырождаться, когда брахманы начали предпочитать власть богослужению, а цари начинали предпочитать роскошество и богатство – силе и чести. Видимо, что-то подобное произошло и с Бессмертными, когда они упростили себе задачу планетарного управления и пошли по пути неограниченной власти взамен неограниченного духовного роста. Видя пробуксовку первых двух элит (*брахманов и кшатриев*), Бессмертные решились передоверить управление третьей силе – торговцам. И поэтому они решились на то, чтобы сломать традиционную аристократию путем религиозных реформаций, войн и революций: Бессмертные начинают манипулировать торговцами и банкирами напрямую, а те, через ресурс собственности и денег, начинают манипулировать правителями и всеми остальными. Все начинается с золота и векселей, которых вечно не хватает расточительным правителям. Типа: «Что говорит бездельник Соломон?» (*Пушкин, «Скупой рыцарь»*). А заканчивается все перекройкой государственных границ, победой протестантизма на половине земного шара, гибелью феодальных княжеств, монархий и империй. Сложившаяся тысячелетиями пирамида управления взламывается, и это перестроение является опасным для судеб цивилизации, ведет к потере планетарного управления (*хотя планетарный эгрегор думает и действует по-своему*).

43. Отрывок из дневника Фомы. Принцип юлы

Предположим, снимается кино по книге Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки». Сцена: лежит в канаве пьяный композитор Мусоргский. Мимо проходит композитор Римский-Корсаков (*камера заботливо выхватывает накрахмаленную манишку и трость с набалдашником*). И говорит композитор Римский-Корсаков композитору Мусоргскому: «Встань скорее, вылезь из канавы, пойдешь домой, умойся – и садись уже писать свою бессмертную оперу «Хованщина»!»

Вот и я теперь, уподобясь Мусоргскому, лежу в своей собственной виртуальной канаве и плачу. Абвер из прошлой жизни даром не проходит, поэтому плачу я внутрь себя. А наружу - работаю, сижу на совещаниях, веду себя как ни в чем не бывало. Этаким внешним консультантом с горы. И вдруг ловлю себя на мысли, что глаза мои набухли от слез. Делаю вид, что закашлялся, потом вразвалочку иду в туалет корпорации «Элефант» (*что на третьем*

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

этаже), ополаскиваю лицо водой. И – снова как огурец. Фоновый плач, как я это называю. И совестно плакать, я же мужик, - и сделать ничего нельзя.

Потому что я потерял Женю. Навсегда, теперь уже ясно.

Когда-то это уже было со мною. Ее звали Марина (*Антигона, кармическая дочь Жени – Иокасты. Оттого сценарии так похожи*). И она тоже включала юлу. Это когда девушка начинает шатать внутри себя точку сборки, а индуцированный юноша вибрирует по этому поводу, из огня да в полымя. Включала то горячую, то холодную воду. Обжигала нелюбовью. Когда хотел ее приласкать – брезговала, называла «сюсю-масю». Давала – раз в месяц, при этом спала и с другими своими хахалями. Мы расставались ровно четыре раза кряду – но три из них нас возвращали друг другу (*однажды столкнули лбами прямо на улице*). Словно бы говорили: урок не окончен, милости просим в класс. Расстались – безобразно. Через восемь лет после событий – заявила в гости, пьяная, запутавшаяся в своих мужиках и в собственной сложности, звала жениться. Наутро – оферту отозвала, пошла пятками назад. И правильно сделала, не шиш балдеть. Снова была юла, но юла ржавая, с лязганьем и громыханием, с потерей былой легкости. Да и обороты не те, так что воспринят этот кураж был чисто по приколу.

Казалось бы, я выучил урок. Но – выходит по факту – не выучил, и тычут носом в то же самое. Умом понимаю: игра, классная комната, жесткий квест, кармическая чистка. Но душа – болит, не унимается. Не верит в игровую природу момента, не смиряется с потерей.

Вот, возвращаюсь с работы на своей «Тииде» на Васильевский, домой (*сегодня Женя не едет со мной, у нее свидание*). Заехал на парковку, выравниваюсь. И вдруг – малоизвестная певица на «Русском радио». Они ведь не понимают, что, когда и для кого им исполнять. Просто выбрасываются на музыкальном парашюте из радиосамолета, а там хоть трава не расти.

Не люби меня, нелюбимую.

Не зови и душу прости мою.

Все равно назад ничего не вернуть.

Не люби меня, если сможешь ты.

Я тебе оставляю свои мечты.

Все равно у каждого будет свой путь.

Я услышал. И осознал, что вечер испорчен. Я буду лежать на одиноком продавленном диване в большой комнате (*он помнит еще тепло Жениного обнаженного тела, желанного, драгоценного - но уже начинает забываться*). Буду метаться взглядом слева направо, из угла в угол, и так сто раз подряд, как затравленный кабан. Или примусь нарезать куски взад-вперед по комнате бодрым шагом, с заложенными за спину руками (*как с тюрьмы пошло, так тянется и по сей день*). Квартира забывает Женю. Забывает тем быстрее, чем быстрее я выбрасываю в мусоропровод ее подарочки мне, один за одним (*чашку с верблюдишкой из Туниса, магнитик из Египта, ароматическую лампу, другие предметы*). Но я не отваживаюсь стереть ее фотографии с лаптопа, убить ее почту, ее эсэмэсы. Например: «*Я разучилась скучать. Но тебя нет рядом, и я начинаю учиться этому заново*». Или: «*Даша смотрела мультик с черепашками нидзя, там говорили про нужные артефакты. И я тут же вспомнила о тебе. Люблю*». И куда теперь девать все это? Можно стереть с телефона, но с сердца-то не сотрешь, и тужиться нечего.

Опять водная призма застит зрачок, и першит в горле. «Не плачьте, старческие глупые глаза» (с) Лир. Как назло, чистое теплое небо, опять какой-то Мюнхгаузен разогнал облака.

Апрельский вечер будет заползать мне в форточку своими мягкими дуновениями, лиловыми закатными тенями ложиться на мое кухонное окно. Но я буду каждой точкой своего растерзанного «я» ощущать, что это – не мне, не по адресу, не сюда. Мое – это сумерки, дождь, мгла, луна. Они баюкают меня, покоят, позволяют уснуть. Но во сне приходит Женя (*чужая, безразличная, как и в реале*), и все начинается сызнова. Юла, и теперь я сам кручу ее внутри себя, сам себя уродую.

А еще где-то там не знаю где, в глубинах духовного космоса, на далеких тонких планах, расселась какая-нибудь энергетическая сучара, из тонкой семерки эгрегоров – и питается мною. Типа, Гагтунгр или Фокерма. Угощается моей болью, маемой сердечной, слезами моими. Для него я – это корм. И, чем мне хуже, тем ему сытнее, паразиту кармическому. И он еще триста раз спровоцирует меня на эту боль, словно бы ткнет в гниющую рану палкой. Или подошлет Женю, чтоб освежить впечатления. Корпорация «Элефант», она ведь малюсенькая, два коридора на двух этажах всего (*не считая филиалов в семи городах*), не заблудишься. И захочешь разойтись в коридоре, у кофеварки, с утра, – не разойдешься.

Паразиту нужна моя юла. Она для него - миксер, ею он взбивает коктейль из моей тоски. Приятного аппетита тебе, паразит.

44. Андрей вразумляет Фому

- Сейчас он абсолютно никакой.

По телефону разговаривали два человека. Один из них (*апостол Нафанаил, в просторечии – Нафаня, мужчина*), находился в Питере, в кресле президента корпорации «Элефант» (*далее по тексту изложения – Корпорации*). Другой (*апостол Андрей, в просторечии – товарищ Андрей, женщина*) – пребывал (*а*) в славном наукоемком городе Зеленограде, по месту прописки и проживания. Шел апрель 2008 года, самый его конец. Пробудившаяся зелень тут и там напознала на поля и деревья. Только что отзвонили пасхальные колокола. До встречи Фомы и Керима оставалось полгода, до встречи Пенталгина и Фомы – полтора, и столько же – до захвата и ликвидации Текстильщика.

- Хотя я вполне понимаю, что с ним, - сказал Нафаня. – Но вижу, что он не справляется. Взял неделю отпуск за свой счет. А если бы не взял, я бы его принудительно вытолкнул бы отдыхать. На него тяжело смотреть, и пока он не работник.

- Я тоже понимаю, что происходит, - сказал Андрей. – Мы ведь переговариваемся по Мейл Агенту, он все мне рассказывает, не таится. Человек просто запутался в себе, как в трех соснах. Саше надо взять себя в руки и жить дальше. А он мечется. На сайт знакомств залез, регулярно и безрезультатно встречается с какими-то бабами, только хуже себе делает.

- Светк, а что у тебя сейчас в институте? – спросил Нафаня. – Я к тому, что было бы хорошо тебе вырваться в Питер на пару дней. Расходы я покрою, на этот счет не парься.

- С институтом я разберусь, - сказал Андрей. – Курсовики у меня все в срок сданы. Два дня – это не срок, отпрошусь. А насчет расходов – спасибо, но не надо. Пока не умираем. Я тоже думаю, что надо приехать мне. Поработать с клиентом, пока он совсем не завял. У него и остановлюсь.

... Ровно через два дня, с утра пораньше, небритый, бледный точно моль и опухший от долгого лежания на кроватях апостол Фома (*мужчина*) открывал апостолу Андрею

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

(женщине) дверь в двухкомнатную квартиру возле станции метро «Приморская», которую сей Фома арендовал с сентября прошлого года *(как ушел от жены Дианы, так и арендовал)*.

Здравствуй, сестра, *сказал Фома Андрею. Обнялись. Извини за нетоварный вид. Отпуск, понимаешь.*

Бывает, *сказал Андрей*, медицине такие случаи известны. А чего не поехал никуда? Санаторий и все такое?

Нет настроения, *сказал Фома*. Сейчас нет такого места на планете, где мне было бы комфортно. Поэтому не вижу смысла тратиться. Просто забился в нору – и в ней сижу.

Ну и сиди на здоровье, *сказал Андрей*. Хозяин - барин.

Ужасно рад тебя видеть, *сказал Фома*. Обустраивайся. Твоя комната со звездами свободна, белье лежит на кровати, полотенце махровое – там же. В душ полезешь?

Чуть позже, *сказал Андрей*. Давай чайку попьем сначала.

Ничего не изменилось на исторической просторной кухне в квартире на Приморской, с той памятной осени 2007 года, как прошел здесь так называемый малый апостольский собор. На стенах, обитых пластиковыми панелями, висели академические дипломы Фомы *(справочно: диплом доктора наук, диплом академика МАНЭБ, диплом Фонда Федоренко)* и одна хозяйская картина, где дама в красном платье, окруженная мужчинами во фраках в колонном зале, поет под гитару. Фома принялся неуклюже кромсать на деревянной доске колбасу, загодя извлеченную из холодильника. Андрей устроился у окна. Уютно у тебя все-таки, *сказал он*.

Позавчера я видела сон, *начал Андрей свой рассказ, как только вскипел чайник, и стол украсился порезанной неумелыми мужскими руками докторской колбасой, таким же сыром, йогуртами и выпечкой*. Вернее, не совсем сон, а наш коллективный ночной астральный контакт. Вся наша туса (в смысле, двенадцать, и все, кто рядом) пошли на шашлыки в лес. Сначала начали оборудовать полянку. Срубили несколько деревьев, обтесали сучья, уложили поленья в квадрат. Потом начали набирать хворост, зажгли костер. Потихоньку отобрали угли, зарядили мангал с шашлычками. А под это дело, как бы в параллель – забубенили сруб, здоровый такой домишко. Как отгрохали, засмеялись – мол, жить можно, только охраны не хватает. Тут же пес какой-то нарисовался. И тогда мы решили, что это будет наша резиденция, и что вообще надо почаще встречаться.

А почему ты решила, что это астральный контакт? *спросил Фома*.

Очень подробные лица, *пояснил Андрей*, причем все. Все в сборе, без пропусков. И никаких мутных кадров, все очень отчетливо. Валиков с топором в руках неплохо смотрелся, ты тоже – с пилой.

Это надо символически толковать, *сказал Фома*. Нас как бы снова приглашают к командной работе. И обещают дом за хорошо сделанное коллективное дело. В Царствии Небесном. Как я строил в Мадрасе дворец радже на тонких планах, такой же.

Не согласна, *возразил Андрей*. Слишком реальным был этот сруб. Не коттедж, не пансионат, не крестьянская изба. Если уж действительно символ, то символ того, что мы здесь сделаем, в этом воплощении, причем своими белыми руками.

А тех, кто еще не в теме, тоже видела во сне? *переспросил Фома.* Типа, Полнолетов, Плюшкин?

Да, *ответил Андрей,* все сидели у костра, жарили шашлыки, пекли картошку. Над Стасом ржали, когда он картошку тащил из углей – и, обжигаясь, перебрасывал с руки на руку. Дети все – в сегодняшнем возрасте, то есть дело происходит как бы в недалеком будущем. Играют: Настя Валикова, мои Юлька-Анька, Денис Анисимов. А Инна Валикова за ними присматривает, вроде как. Мы с Иркочкой Барановой следим за костром. Также мы участвуем в выборе места для сруба.

А как там Нафаня с Ручейковым? *спросил Фома.*

Как всегда, *улыбнулся Андрей.* Когда дело доходит до того, как строить дом, они пытаются начинать руководить, и ты даже к этому делу подключаешься – к общему руководству. Но чего-то у вас не пошло ... И тут Дима Валиков сказал, что надо всем работать, а иначе ни хрена не выйдет. Взял топор в свои музыкальные пальчики и пошел дерево валить. Как раз фамилия в тему пришлась. И тут все вроде наладилось.

Традиционный сюжет, *задумчиво произнес Фома.* Младшенькие апостолы поднимают бузу, а старшенькие их поправляют.

Просто, *сказал Андрей,* дали вам понять, что надо работать всем и сообща, а не создавать видимость полезной деятельности.

А Магдалины не было? *спросил Фома.*

Не было, *пояснил Андрей.* Даже мой Мишка, и тот был. А ее нет.

Это плохой знак, *проговорил Фома.* Не хочет подключаться к теме, даже на тонком плане.

Да, пока не хочет, *согласился Андрей.* Но я не комплекую по этому поводу. Есть еще время.

Ты просто Пифия, *сказал Фома.* Впервые с начала разговора на его мятлом лице появилась улыбка. Ну раз у тебя мама Пифагор – можешь себя смело там искать. Кстати, мама усматривается в Трое?

Усматривается, *Андрей ответил.* Жрецом каким-то. В храме Апполона.

Ничего себе, *Фома сказал.* Почему раньше молчала? А не Лаокоон ли? Давай допарим. Его змеи задушили, посланные Афиной. За то, что он возражал против введения в Трои коняшки.

Опана! *Андрей щелкнул пальцами.* Она даже гусей боится, потому что шипят как змеи, и шея длинная. И Вещим Олегом у нее – тоже от змеи кончина, Пушкин угадал. Здорово, подтверждаем маменьку на Лаокоона. А кто Афина, кстати?

Недопонял, *Фома сказал.* Кто она может быть? Эгрегор, вестимо.

Нет, *Андрей пояснил,* там ведь не только мифические боги идут, но и люди со способностями, которых ассоциировали с этими богами в последующем. Земные боги. Четко идет: Афина – Валиков.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке
А кто тогда Гера? *Фома спросил.* Прошлый раз вроде Чудотворца номинировали ...

Нет! *Андрей возразил.* Сейчас четко пришло: Гера – Лена Валикова.

Атас... *Фома поражен.* Сладкая парочка!

Холодная красота у нее, *Андрей говорит задумчиво.* И она не наш человек, несмотря на древние пересечения. Скорее, идет в прихвостни с теми, с кем планируем воевать.

Типа Полушубкиной и итальянцев, *Фома вворачивает догадку.* Потому что у них там Великий Инквизитор порылся, и оттуда сквозняк, мы знаем.

Именно, *Андрей подтверждает.* Просто приобретение мудрости – процесс долгий. В этот раз и в прошлые разы Лена учила Диму многому ... А теперь он жалуется на то, что она спекулирует дочерью. Настя пока под колпаком, и меня это больше всего беспокоит. А она из 12.

- Еще чаю? – поинтересовался Фома у Андрея. – Нет, - отвечал Андрей Фоме, - пока не хочу. Жарковато у тебя. Приоткроем окошко, ты не против?

- Только если щелочку, - разрешил Фома. – А то я недавно из гриппа, еще слабый.

- Тебе Нафаня передает привет, - продолжил Андрей разговор. – Интересуется, когда ты планируешь выходить из отпуска.

- Да, - согласился Фома. – Надо брать себя в руки, я совсем расклеился. В Корпорации убытки. Мы, честно говоря, не понимаем, что происходит. Рынок встал, продажи снижаются. Государство перестало финансировать свои бюджетные контракты, все стройки останавливаются, строители перестают покупать грузовики, даже в лизинг, начинают прижимать копейку. Возможно, это как-то связано с кризисом в США. Типа, наши заслали денег в тамошние банки, а вынуть не могут. По всему видно: что-то грядет, что-то нехорошее. Мне надо возвращаться к делам, а сил нет.

- Из-за Жени? – взял Андрей быка за рога.

- Да, из-за Жени, - подтвердил Фома тихо. – И не только.

- Хочешь поговорить об этом? – спросил Андрей. – Или тебе больно говорить?

- Да, мне больно, - снова подтвердил Фома, - но я хочу поговорить об этом. И не только об этом. Я неделю не выходил из дома, разве что выползал за хлебом, ни с кем не разговаривал. Истосковался по общению. С тех пор, как мы разорвали с Женей (*после этого идиотского случая с подарком на восьмое марта*), я остался совершенно один, и мне надо выговориться. Спасибо за то, что приехала мне помочь. Ты – сестра. Всегда рос один в семье, ни сестры, ни братьев.

- Бедолага, - сказал Андрей. – Но ты не один, я всегда рядом. Можешь рассчитывать, помогу, как совсем тяжело станет.

- Мне просто стало больно работать в Корпорации, - начал Фома свой недолгий рассказ. – Больно стало пересекаться с Женей, даже в коридоре. Больно стало возить ее на работу и с работы. Просто смотреть на нее даже стало больно, сразу все накатывает прошлое, и хочется

плакать, без передышки. Да и плачу (*тут глаза у Фомы заблестели*). Недавно она мне в машине сказала: я тут влюбилась, поздравь меня. У меня руль в руках дернулся, машину повело. А там узкая улочка, Большая Монетная, тачки по бокам припаркованы, плохо разъезжаться. В результате, снес себе правое зеркало, – мужик в припаркованной машине решил дверь открыть. Ему – ничего, мне – сто бачей убытку.

- Просто перестань ее возить, да и все, - посоветовал Андрей. – Ты одно пойми: это не твоя женщина, я тебе много раз говорила. Она любит тебя – но только умом, ответить на твое чувство ей нечем. Да и не хочет она запариваться. Она устала, ей нужно отдохнуть от прежних отношений, развеяться, что называется, поскакать козой. Новый брак для нее – это новое удушье, он ей не сдался на этом этапе. То, что вы пересеклись – это карма-сука, накопления по предыдущим пересечениям, невыученные уроки. Нужно просто отпустить ситуацию, поставить точку – и продолжать жить. Не терзай себя так. Ты нужен Нафане, и ты нужен движению. А в нынешнем своем виде ты даже себе самому не нужен. И Жене будет полегче. То, что ты мусолишь ее в своем сердце день ото дня, не отпускаешь – держит ее, не дает ей возможности разыграть собственный кармический выбор. Ты не только возишь ее на машине, ты таскаешь ее на закорках всю дорогу, как в буддийской притче. Это неправильно, и это тебя убивает, медленно, но верно.

- Насчет перестать возить, - ответил Фома. – Я тоже думал так, что пора завязывать с этим. Но потом сказал себе: ну не жлоб же я, что мне стоит. Живем ведь через три дома друг от друга. Заодно – воспитание силы воли. Просто тяжело дается. А насчет кармы-суки – я ведь это все понимаю. Тем более что я в такой передрыге уже был, уже крутил эту юлу, потом инфаркт огреб. Так что какие-то уроки уже извлек, по сходной программе. Видимо, решили повторить. Умом я все понимаю. «Любовь Свана» прустовскую тоже читал, и не по одному разу. Но это все – умом и зрением. А сердце – не соглашается с умом, не желает смириться с этой потерей, не хочет признать учебный характер момента. Сердце – разрывается на части, как в дурном индийском кино. Еще немного – и я запою об этом Митхуном. А потом просто сдохну от тоски, как Белый Бим.

- Возможно, так было замыслено от начала, - продолжал Фома. – Я сужу по пророчеству, что Женя принесла от тетки из подворотни. Если бы у нас все срослось, как я хотел, то брак просуществовал бы только два года, а потом бы Женя не выдержала и ушла. Но на эти два года мне должно было бы хватить жара любви, энергетики. Из чего заключаю, что еще пару лет буду терзаться, а потом все уляжется, станет потише. Как к Магдалине, спустя какие-нибудь двадцать лет. Кармическое планирование такое. Я не знаю, права тетка или нет, встречу ли я свою суженую в течение ближайших двух месяцев, как прорекли, или нет. Возможно все. Но я считаю подобный расклад унижительным для себя, навязанным извне.

- Вот, кстати, о Магдалине, - сказал Андрей. – То, что ты чувствуешь к ней сейчас – это ведь любовь, правда? Но не пожарише, а спокойное течение воды в ручье, без претензий, ожиданий и обид. Самое лучшее за два десятилетия твоих надежд и страстей - кристаллизовалось и огранилось, а самое худшее – осело на дне памяти, в пассиве, и больше не тяготит. Не это ли финальная цель всего – чтобы сознание у тебя расширилось до таких размеров, чтоб смогло все перенести, все принять, со всем согласиться – и всему обрадоваться? Как там у нашей Ирки-Павла: «Любовь никогда не перестает» ... Научись ты любить Женьку как ангела, она этого заслуживает, правда.

- А насчет суженой, - добавил Андрей, - если она всплывет, то это будет ваш обоюдный выбор, твой и ее. И, может так остаться, что ты будешь еще благодарить Бога за этот выбор. Тогда то, что сейчас у тебя с Женей – это подготовка к этой вашей с суженой будущей совместной реализации, плотная рихтовка своего себялюбия, грубых моментов, удар по

неуправляемому сексу, очистка кармы страданием. Как бы кладка фундамента в основание будущего счастья, от которого ты сейчас собственноручно отбояриваешься.

- Где-то так, - согласился Фома через паузу. – Принимаю. Но, опять же, умом. Упрямое сердце с этой логикой не соглашается. Не хочет никаких уроков и образовательных программ, ищет простого человеческого счастья, ищет любить и быть любимым, ищет взаимности, ищет тепла, разделенности, страшится одиночества. Все, как у простых людей. Ну ладно. – Повисла пауза. – Я буду терпеть. Попробую смириться с этой неизбежностью и найти новую точку отсчета. Еще одна тема гнетет меня, хочу поделиться.

- Валяй, - кивнул Андрей.

- Недавно наш старый знакомый, дьякон Андрей Караваев, тут сделал одну оговорку, сразу после Пасхи, - сменил Фома тему разговора. – Вообще-то на него не похоже. Так он весьма канонично выступает, а тут отчебучил. По поводу Благодатного Огня. Сказал в том смысле, что Огонь – это обряд, творимый церковью в воспоминание о Христе. Явно дал понять, что никакой Огонь с неба не падает, а зажигается по специальной технологии. Ну и тут по Интернету начинает гулять масса домыслов по схеме, как это может быть сделано. Например, движущаяся икона внутри Кувуклии, напротив плиты, которая прикрывает нишу, где уже с вечера заготовлена горящая лампада. На Караваева прикрикнули, но слово – не воробей.

- Но я смотрю на это шире, - продолжил Фома. – Мошенничество с Огнем – это самый простой сценарий, и самый неинтересный, с точки зрения общего рассмотрения. Предположим, что Караваев ошибается, и никакой химии тут нет, а есть чудо. Тогда другой вопрос – кто этот Огонь зажигает, и с какого неба он падает?

- Бог и зажигает, - сказал Андрей с полной уверенностью.

- А я думаю иначе, - сказал Фома. – Огонь зажигает Дьявол.

- Как это? – ошарашился Андрей.

- Ну, не совсем Дьявол, - оговорился Фома. – Это я так брякнул, для красного словца. Но не Бог – это точно. Логика такая. Огонь приходит по расписанию, только для одной христианской конфессии. В чем фишка? Доказать, что есть только одна разновидность правильных христиан и вообще правоверных людей, вся остальная публика – это отстой. Совершается явное чудо, совершается с регулярностью курьерского поезда. Аналогичные чудеса для правильных ребят совершались и в Ветхом Завете. Огонь Илии, огонь вокруг троицы от Даниила и т.д. Чудо, совершающееся в форме духовного насилия, как аргумент в споре одной тусовки с другой, как Илия с волхвами. Кто может быть автором такого чуда? Моя мысль – планетарный эгрегор, инволютированный Источником, имеющий от него санкцию на совершение фокусов такого рода, в узких интересах планетарного управления. Как у Достоевского, в «Великом Инквизиторе» - тайна, чудо и авторитет. Чтобы поднять пассионарность народа, провести его через пустыню, заставить выиграть войну – совершаются чудеса. Солярные кресты в небесах, иконы, отпугивающие врагов от стен крепостей, затмения, мироточащие иконостасы, сон Николы Угодника (*после того, как он меня по морде отоварил в Никее*) и все такое. Значит, есть кто-то, кто управляет нами, нашим мировоззрением, через механизм чудес. А теперь ближе к нашей тематике.

- Вот, наша тусовка, - повел Фома свою главную мысль. – Просыпается Ирка, будит тебя и меня, ты будишь Дениса, я бужу Нафаню и Филю. Базовый информационный источник – ваши духовидческие компетенции, а также интуиции Полушубкиной и экстрасенса Лены,

которая рядом с Нафаней. Есть определенный синхрон. Но вопрос остается: где стоит тот кинотеатр, где вы смотрите это кино, и кто крутит это кино вам. Вы, по наивности своей, полагаете, что вы это сами видите. Отвечаю: нет и нет. Во-первых, не вы видите, а вам открыли, причем вполне недавно. Подтолкнули друг к другу, столкнули лбами. Во-вторых, открыли ли – это еще вопрос. Возможно, некто хочет зародить в нас уверенность в том, что мы – именно то, что нам показывают. Набрать должную цепочку воплощений – не вопрос. Синхронизировать цепочки – не вопрос, есть приличные люфты по годам. И менеджеры по карме из Мира Душ, планируя календарь нашего совместного расписания, поступают точно так же.

- Кто-то – продолжил Фома, - предположим, планетарный эгрегор – лепит из нас апостольскую группу – и тем самым побуждает нас к определенной деятельности, в меру нашей фантазии. Но мы не знаем истинных целей этого самого эгрегора. Возможно, его цель совсем другая. Например – связать нашу активность, отвлечь нашу энергию от решения тех задач, которые мы сами себе напланировали. Какие именно задачи – мы не знаем, можем только подозревать. Но что-то очень важное, что действительно продвинет нас вперед, что станет нашей всамделишной, а невыдуманной судьбой. Что он может заставить нас сделать? Например: сработать на христианство в ветхозаветной упаковке, возобновить эту линию, освежить ее, пустить новую волну управления и контроля над умами. Это напоминает деревянный аэродром, который нас приглашают бомбить. Если это так, то мы - самые смешные клоуны на свете. Нас заставляют жить чужой нам жизнью, нас уродуют. Парируй, коли сможешь.

- Во-во, - сказал Андрей. – Оригинальная риторика апостола Фомы в полный рост. Пока пальцы не сунешь – не поверишь. Пока триста ангелов не начнут вокруг тебя водить хоровод – не поверишь. А дело-то простое: нехватка энергии, расщепленное сознание. Полный Дидим: как Христос тебе кликуху дал, так и тянется.

- Посмотри внутрь себя, - сказал далее Андрей, - и ответь себе на вопрос. Соломон, Шуман, Теодорих, Арий, Гоцци, кто там еще – это **твоя** органика? Это в **твоих** свойствах? Это – неотъемлемая часть **твоей** кармической биографии – или это не твое? Безотносительно того, видишь ты кино или нет, интуичишь или нет. Безотносительно той фактической базы, которую набрала группа за эти два года. Спрашивай свое сердце. Если нет ответа, как сейчас, а есть дребезжание, паразитный шум – это твой собственный дидим, твоя заморочка. Раз ты не можешь отвечать – лишен права и спрашивать. Тусуйся по возможности тогда. И задумайся вот над чем: если у тебя нет картинок, не дают тебе кино – так, может, и не заслужил? Может, там наверху они хотят поднять тебе градус веры, оторвать тебя от привязанности к науке и фактам – потому что этого в тебе и так навалом, явный перекосяк. Когда ты молился последний раз?

- Не знаю, - сказал Фома. – Лет пять назад. Как вышел из тюрьмы – помолился годик, а потом забросил.

- Вот именно, - подтвердил Андрей. – Не нуждаешься в этом, не ищешь связи с тонкими планами. Хочешь взять Бога за бороду, а тему – нахрапом. «Царство Божие силою нудится» – кому было сказано? Все ищешь гарантий, как в часто поминаемом тобой санатории ВЦСПС, чтобы на полдник - кефир и печенье «Юбилейное», как земля за колхозом. Упрямый ты баран, потому что, и в этом плане из жизни в жизнь ничего не меняется.

- Я по себе могу сказать, - попытожил Андрей. – Смотрю Давида, Петра, Константина, Николашу. Вижу – мое, нутром чую. Кино – только хорошее подспорье, но не более того. Это – мое кино и моя прошлая жизнь, у меня никаких сомнений здесь нет. Это – моя вера. И

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

мне все равно, падает Огонь с неба, или его зажигалкой зажигают, - моей вере от этого ни жарко, ни холодно. Чудеса нужны простецам. Нам – уже нет, если мы понимаем, что то, что творится с нами каждый день, наши узнавания, наши находки – это уже чудо из чудес. Смотри за собой, спрашивай свое сердце. Ты либо тварь дражащая, либо право имеешь, и третьего не дано. Хочешь жить жизнью обывателя – живи, твое право. Я – не собираюсь. Хочешь валяться на диванах и плакать по утраченной любви – лежи, плачь. А нет – пойдешь в ванну, высморкайся – и возвращайся в строй. Какие еще варианты, я не понимаю.

- Да-а, - протянул Фома, - умеешь, внушает. Как папа Петя меня Алешей отчитал, тем еще холодцом подуло.

- Ну так родителей не выбирают, - произнес Андрей. – Особенно – кармического отца, как я у тебя всю дорогу. Ладно, я в ванну пошла. Как планируешь день?

- Не знаю, - сказал Фома. – Нет планов. А ты что думаешь?

- Я бы на море поехала, - произнес Андрей. – В Комарово, например. Погода шепчет, солнышко, жалко такой день терять. У тебя «Тиуда» на ходу?

- На ходу, - подтвердил Фома. – Правда, развороченный правый бок. Это мы с Женькой попали в занос в феврале, я тебе рассказывал. На трассе. Даша спала на заднем сиденье, даже не проснулась.

- Второе ДТП за полгода, - механически подсчитал Андрей. – Тебе знаки пачками швыряют, а ты не читаешь. Высаживай ее из машины, не тяни с этим. Не надо вам вместе ездить. Мне вообще очень нехорошая картинка пришла по Жене, в этой связи, потом расскажу. И то, что она не хочет учиться водить – правильно делает. Ну чего, решили?

- Решили, - сказал Фома. – Погуляем по морю, и там же пообедаем. Я знаю там одну кафешку, очень приличная кухня. И от моря – два шага.

45. Керим беседует с Колдуном

Пока наши герои (*Андрей и Фома*) готовятся к выезду на природу (*а ведь все события во Вселенной, как мы теперь знаем, происходят одномоментно, в будущем-прошлом-настоящем*), - оставим их на время (*в их времени*) и перенесемся на полтора года вперед, из Петербурга в Москву.

По дороге из Москвы на Владимир, в районе Посада, есть поворот направо. Дорога сразу портится, но по ней нужно проехать километров десять по рытвинам-ухабам, пока не доберешься до деревни с живописным названием Лядино. Местные умельцы с настойчивостью пририсовывают букву «Б» слева от названия деревни на указателе. Указатель меняется часто, но рвение проказников не слабнет.

В одном из домов деревни Лядино, не привлекая к себе излишнего внимания, живет некогда гражданин суверенного Таджикистана, а ныне полноценный россиянин Мирзали Миршимханов. Мирзали купил себе домик полгода назад, по доверенности, за смешные деньги, у наследников бабули, недавно отдавшей Богу душу. Дом загибался: прохудилась крыша, поехал угол сруба (*сгнили подпорки прежнего фундамента*). Мирзали энергично взялся за приведение дома в порядок, заказал в Посаде стройматериалы – и месяца через три проделал все зависящее, чтобы дом продолжал жить. Сарай пришлось отстроить заново.

Починил и изгородь: вкопал и зацементировал загодя нарезанные куски металлической трубы, между трубами протянул две проволочины, а к ним примотал куски пластиковой ленты (*новшество, по лядинским меркам, несусветное*).

Мирзали говорил по-русски с тяжелым таджикским акцентом, поэтому местные жители понимали его не сразу. Соседи часто одалживались у него на бухалово (*в деревне Лядино пили все, включая малолетних детей*). Мирзали деньги давал, давал понемногу и неохотно. Никогда не требовал возврата – и никогда не садился бухать вместе с соседями, чем вызывал, несомненно, раздражение. Свое поведение Мирзали объяснял соседям тем, что не пьет, потому что ислам запрещает. Это объяснение устроило, наконец, всех. Деньги даешь – давай, а не хочешь бухать – дело твое.

Свое нежелание работать в местном совхозе Мирзали объяснял директору совхоза тем, что у него еще остались деньги от продажи квартиры в Душанбе, а зарплаты в совхозе смешные. А как деньги кончатся, спрашивал директор, что делать будешь (*он лелеял надежду приспособить Мирзали к трактору*). Там поглядим, отмахивался Мирзали.

На дворе стоял ноябрь 2009 года. Утро было туманным, промозглым. Мирзали Миршимханов встал засветло, затопил печь. Согласно собой же заведенной традиции, Мирзали по утрам пристрастился кочегарить самовар на лучинках во дворе. Чтобы самовар занимался быстрее, Мирзали ладил к самовару длинную металлическую трубу, опирая ее на край сруба. Сегодня лучина, загодя пощипанная и отложенная в прихожей, отсырела и заниматься не бралась. Стоял дым, лучина тлела. Мирзали, чертыхаясь на чистом таджикском языке, двинул в сарай, выволок оттуда сухое полено, опер его на чурбан и принялся строгать топором лучины заново. Наконец, дело пошло, самовар зашипел. Мирзали глядел на густые клубы дыма от самовара, боковым зрением окидывал изгородь, сарай, смородиновые кусты по периметру участка, березу через дорогу. Он медитировал.

Жизнь у Мирзали Миршимханова сложилась пестрая. Когда-то его звали не Мирзали, а Керим, Керим Дадаев, и был он не таджиком, а ичкерийцем (*говоря на языке оккупантов – чеченом или просто чехом*). В довоенные годы Керим держал кооператив обуви. Древние навыки пригодились и здесь, в деревне, обувь летела, Мирзали ее подновлял. Потом, во время войны,годились совсем другие навыки – взрывотехника, десантника, бойца. На войне Керим научился взрывать людей, прятаться от собак в лесных схронах, уносить ноги из окружения, вынося на себе раненных товарищей (*или добивать их, если знал, что не донесет*). В лагере пришлось осваивать профессию честного арестанта. Подвизаясь в Конторе, Кериму довелось сменить имя и нацию, сделаться обрусевшим сербом. Так что перекарска в таджика (*после того, как Керим перебежал к апостолам и попал в перечень федерального розыска*) далась Кериму с легкостью совершенной. Шрам на щеке (*пришлось пожертвовать внешностью и отпустить бороду*) зажил быстро, не впервой. Альянс быстро выправил подлинные ксивы (*соответствующий документам гастробайтер Джамиут двинул на заработки в Чечню пожизненно, с концами в воду*), купил домик в глухой деревеньке, дабы Керим мог схорониться, снабдил деньгами на первое время.

Керим размышлял о причудливости человеческих воплощений, о негаданных встречах и разлуках, о непредсказуемости будущего. Если бы ему, Кериму, перед воплощением показали бы все, что предстоит в жизни – гибель жены и дочери, все его лагерные мытарства, войну, кровь – Керим бы не согласился воплощаться, не захотел бы носить эту боль в себе всю жизнь, убивая и умирая. «Вот почему живем с завязанными глазами» - вспомнилось вдруг Кериму рассуждение, услышанное им однажды от Фомы. «Таковы правила игры, с которыми мы согласились однажды, перед началом. Нам не на кого жаловаться. Сами себе все придумали и сами для себя все решили».

Тишину лядинского утра разорвал звук мотора. Машины через Лядино ездили редко, и все больше грузовики да трактора. Так что «девятка» (*как предположил Керим*) – это были гости, гости к Кериму, и Керим их поджидал уже целую неделю. Мирзали-Керим распрямился, прислонил к чурбану топор и неспешно зашагал к калитке.

Машина, с надрывом преодолевая колдобины, подъехала, припарковалась у забора на обочине, и из нее вышли три человека. Это были хорошие новые знакомые Керима, ключевые фигуры «Черемушкинского альянса»: Вячеслав Кожухов, он же «Колдун», Наталья Лебедева, она же «Мамочка», и Андрей Копылов, он же «Зверя». Керим открыл калитку, вышел на дорогу.

Здорово, Мирзали, сказал Слава-Колдун (*он же – Ромул, основатель Рима*). Привет, Слава, сказал Мирзали. Привет, Мирзали, сказала Натаха-Мамочка (*она же – Анна Вырубова, фрейлина последней русской императрицы*), чмокнула в щеку. Здравствуй, Мамочка, сказал Мирзали, как доехали. Нормуль, сказала Мамочка, но дороги у вас караул, как во время войны, подвеску один раз чуть не потеряли. Салют, сказал Андрей-Зверя (*он же – младший друид в племени Белых Котов во времена Гипербореи*), ты нас, поди, не ждал так рано. Почему, ждал, возразил Мирзали, как раз к самовару. Зыкнски, блаженно ухмыльнулся Зверя, обожаю. Особенно со смородиновым листом. Мы тебе чаю привезли из города, называется мате с лимоном. Бодрит основательно, заряд на весь день. Спасибо, сказал Мирзали, проходите в дом, полы намыты, так что одевайте тапки. А где вы личку оставили? На околице, сказал Зверя, восемь бойцов на двух машинах.

- Как тут у тебя обстановка? – спросил Керима Колдун (*оставим пока Мирзали в покое*). – Совхоз отвязался?

- Отвязался, - сказал Керим. Только что он дал последней лучине прогореть, затем приволок самовар в дом. Окатил кипятком металлический заварочный чайник, засыпал в него изрядную щепоть мате из пакетика, залил все это кипятком из самовара, поставил заварочник на самовар – догоняться. Мамочка тем временем собирала на стол, резала бутерброды, расставляла пластиковые одноразовые стаканчики. – Я ему сказал, что в мастерские не пойду работать, не люблю с железками возиться. Больше по дереву – типа, резчик.

- Да, плотничать ты наострился, - отметил Колдун, осматривая дом. – Мы были месяц назад, прогресс налицо. Полы, смотрю, переложил.

- Жить захочешь – не так раскорячишься, - сказал Керим, дословно повторив «Особенности национальной охоты».

- Ладно, давайте ближе к телу, как говорит Мамочка, - сказал Колдун. – Наливай, Зверя. По чуть-чуть, нам еще целый день преступления совершать. Мамочке нельзя, она пропускает. Пей чаек, Мамочка, не забалуешься. Будешь с нами, Керим? Как хочешь, дело твое. А мы накатим. – Колдун чокнулся со Зверей. Накатили по сто грамм элитной водки, выдохнули, закусили бутербродами с красной рыбой и огурчиком солененьким. – Ну вот, хорошо пошло, можно и поговорить. Мы к тебе, Керим, собственно, не просто в гости, а по делу. – Колдун прислонился спиной к натопленной печке, расправил плечи, достал «Марльборо», закурил. – Отсядь подальше, Мамочка. – Мамочка пересела поближе к Кериму. Запустила ему в бороду пятерню: «Совсем стал моджахед Керимка».

- Мы тут полгода назад заключили с твоими знакомыми одну сделку, - начал рассказывать Колдун. – С Гольдштейном, Лиховцевым и иже с ними. Они на нас сами вышли с просьбой поймать одного пассажира, серийного маньяка с Текстилей. Мы взамен попросили твой архив, который ты наработал на апостолов за время своего пребывания в Конторе. Тема срослась: мы им поймали маньяка, Натаха со Зверей потрудились (*Зверя ухмыльнулся, налил себе и Колдуну еще по сто*), они нам переслали твой архив, все пучком. Правда, маньяк по дороге сдох, но это уже не наше дело, мы договор выполнили. Контора пыталась что-то нам предъявлять, но мы им объяснили, что они неправы, и они отвяли. Мы внимательнейшим образом посмотрели твои файлы, и у нас появились вопросы. И задать мы их можем только тебе. Потому что ты, вроде как, независимый эксперт.

- Постараюсь помочь, - сказал Керим. – Но я не хотел бы, чтобы меня использовали втемную – ни Контора, ни апостолы, ни вы. Поэтому я должен понимать природу вашего интереса к этим людям. Что вы думаете на их счет, как вы планируете сотрудничать. Я не хочу, чтобы в результате моих данных кому-нибудь из апостолов был нанесен вред. Я слишком многим им обязан. Фактически, они вернули меня к жизни, вы знаете. Закладки даже сняли, три штуки, я чуть не крикнул.

- Есть еще и четвертая закладка, помни об этом, - сказал Колдун. – Уверяю тебя, намерения наши самые что ни на есть дружественные. Тебе следует нам верить, поводов для беспокойства быть не должно. Пряча тебя от федералов уже полгода с лихером, мы крепко рискуем. И будем продолжать рисковать, ради общего. Но это должно быть движение в обе стороны. Сейчас в России наступают странные времена. Власть трещит по швам, ты телевизор смотришь, надо думать, чего тебе еще делать в деревне, кроме как первую программу смотреть, другие не ловятся. И сейчас, на волне всеобщего недовольства властью, наверх пойдет тот, кто предложит позитивную программу антикризисных реформ. Мы – криминал, как бы третья сила, и мы будем работать со всеми, кто окажется наверху, найдем общий язык. Но надо выбрать ту лошадь, которая придет к финишу первой. И мы решили здесь делать ставку на апостолов и примыкающих к ним людей. Их программа – свежа, необычна для России. Это не та кремлевская идеологическая жеванина, типа по три раза высранные пирожки, тут есть изюмина. С Ростовой у нас плотные терки, дама она боевая и проверенная. И она рвется в Госдуму, что нас вполне устраивает. Но одно дело видеть Ростову как внешнего сотрудника Альянса, за долю малую. А другое дело – апостол Андрей и вся эта туса. По твоим отчетам идет, что у нас, оказывается, море кармических пересечений с ними: у меня, у Натахи, у Звери, по разным поводам, начиная прямо с Гипербореи. Херсонес, Италия несколько раз, пираты на острове Тортуга, Россия перед революцией и все такое. И, в большинстве случаев, дело заканчивается мокротой. Либо мы мочим апостолов, либо они нас. Как-то неспокойно делается от этого.

- С одной стороны, - продолжал Колдун, - мы можем предположить, что наше совместное воплощение в России с апостолами здесь и сейчас – неспроста. Как будто мы приданы апостолам в порядке усиления, навроде силового щита, в защиту от Конторы и прочей ебатории. Но, возможно, мы и ошибаемся. И надо не совершить непоправимой ошибки. Может, все совсем не так, как мы думаем. Давай-ка вместе пораскинем мозгами. Вопрос первый: какие у апостолов есть основания для того, чтобы ждать второго пришествия Христа? Почему они уверены именно в этом сценарии?

- Они подразумевают это по умолчанию, - сказал Керим. – Иначе какой им был резон воплощаться всем вместе в России? Последний раз ровно две тысячи лет назад были все вместе, в Иудее, а потом шли порознь. Это как парад планет.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Задумайся вот над чем, Керим, - сказал Колдун, выдыхая дым. – Какой сегодня резон самому Христу воплощаться, как ты это представляешь себе? Это ведь уже будет не воплощение, а просто опера «Иисус Христос – Суперзвезда». Человек обозначает себя Христом, обозначает публично. Какие возможные реакции мира на это? Первая реакция – сумасшедший дом, палата номер шесть. Вторая реакция – медийная. Навроде приезда Памелы Андерсон в Россию. Глазки-сиськи, отель «Рэдиссон», репортеры, папарацци. Предвижу вопросы из зала на пресс-конференции: «Какие шансы у нашей цивилизации?», «Обречена ли Россия?», «Как Вы планируете договориться с Антихристом?», «Вы – человек?», «Вы и Отец – все еще Одно и То Же, или есть нюансы?». Все это явное не то, гламурная ботва. Опять же Шествие это 2017 года. Смахивает на детсадик, где малыши парами за ручку идут за воспитательницей. Что скажешь?

- Скажу – парировал Керим, - что все это может быть обставлено совсем иначе. Мы с Фомой это обсуждали. Тут он категорически не соглашается с Алисой Бейли, которая ждет Христа в прожекторах, в телевизоре. Он говорит, это может быть решено как карнавал, как джаз – только ради того, чтобы потом сквозь клоунаду и театр ударно, на смысловом разрыве, прорвался серьез; и этим серьезом – ударить по мозгам, ударить по гламуру и пиару, по медийности События. Фома так и работает. Я перечитывал его блоги по многу раз. Все построено на хихи-хаха, на провокациях, на ценностном конфликте. Он активнейшим образом критикует традиционное православие и его смысловой ряд, камня на камне не оставляет. Для чего? Чтобы расчистить место Христу, куда бы Он мог поставить ногу – и не попасть ногой в поствивфлеемский идеологический навоз. Шествие – это запросто может быть не фактическое действие из будущего, а аллегория, выстроенная на тонких планах для узнавания апостолов, в первую очередь.

- Кстати, - перебил Керима Колдун, - нашли последнего апостола?

- Нашли, - отвечал Керим. – Но ни Ростова, ни Фома – не хотят раскрывать. Держат про себя, страхуются. И правильно делают, я считаю.

- Ладно, - сказал Колдун, - проехали. С точки зрения медийного решения Пришествия – согласен, оно может быть выстроено от противного. В таком ключе мы не думали. Осталась плохо преодолимая заковыка – повторение уже пройденного шаблона. Опять приходит человек, настаивающий на своем единстве с Богом. Не правильнее было бы говорить, что Христос приходит не явно, как земной человек, но как бы тайно, с тонкого плана? Пусть сначала Он является апостолам, и они начинают с Ним общаться лично и непрерывно, как мы с тобой. Например, во сне или в трансе. Это можно было бы проверить, рассадив апостолов по разным комнатам и задокументировать сеанс. В принципе, должны быть одни и те же слова, сказанные в одно и то же время. Это – Пришествие, я понимаю, принимаю и начинаю верить, потому что это уже не вера, а наука и факты. Потом аналогичные сеансы идут в более расширенном составе. В конце концов, эти сны и эти картинки начинает видеть все человечество. Или, по крайней мере, те из человечества, кто готов согласиться с этим сценарием продолжения цивилизации. То есть Христос проступает в каждом человеке индивидуально, и в этом смысл Второго Пришествия. Человек делается заодно с Христом. Я не христианин, ты понимаешь, но я могу встать на их точку зрения и довести ее до логического конца. Так, во всяком случае, мне представляется более здравым.

Теперь настала очередь задуматься Кериму.

- Мне нравится ход твоих мыслей, - сказал он Колдуну.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Я вообще склонен нравиться самому себе, - сказал Колдун. – У меня нет резонансов комплексовать. А теперь второй – и самый главный вопрос.

Тут Колдун замолчал. Погасил сигарету, тут же зажег вторую.

- Колдун, - сказала вдруг Мамочка, - пошли бы вы на улицу с Керимом, в самом-то деле. Дышать совершенно нечем уже.

- Извини, Мамочка, - сказал Колдун и тут же потушил сигарету. – Нет настроения у меня гулять, сыро. Давайте лучше окошко приоткроем на пару минут.

Зверя поднялся со стула, подошел к окну, открыл обе рамы. В комнату повалил пар, похолодало. Пока проветривали, Колдун молчал, размышляя.

- Второй вопрос звучит так, Керим, - наконец произнес Колдун, когда проветривание закончилось. – Каковы наши гарантии во всем этом процессе? Я имею ввиду не просто Альянс. Я имею ввиду весь наш гиперборейский жизненный строй. Каковы наши шансы сохраниться в новых условиях, после Пришествия? Что думаешь?

- А я не очень понимаю твой вопрос, Слава, - сказал Керим. – Какие опасности ты здесь видишь для Гипербореи? Почему Христос своим явлением должен упразднить ваш уклад, вашу веру?

- Потому что один раз так уже было, - заметил Колдун. – Заехали новоиспеченные христиане, как хер с горы, пожгли наши роци, убили наших жрецов. Вот с тех самых пор мы и не любим Христа. Мы признаем его пророческую и астральную силу, его право на планетарное управление, мы склоняемся перед мощью его философии. Возможно, планетарное управление под его руководством – это благо для мира. Но мы хотели бы, при всех этих благостях, остаться при своем, в режиме культурно-духовной автономии от Христа, от Магомета, от Будды – от всех пророков, чье пророчество входит в противоречие с нашими внутренними установками и с нашими планами. Хотим продолжать жить своей жизнью, вот и все. Видишь ли, мы – не вполне люди, ты уловил. Мы – существа пограничного мира, мы оборотни. То, что прокатывает как религия для людей, решительно не применимо к нам. В глазах обыденного сознания, мы – просто мутанты, зверье, подлежащее отстрелу, вроде чувака с Текстилей. Правда, в отличие от него, мы головы людям не режем и печень им не жарим, чтобы обернуться и стать тонкими супер-оборотнями. Нам достаточно тех заклинаний, которые у нас есть, и которые мы передаем друг другу из воплощение в воплощение. У нас – своя мораль, мораль высокоорганизованной стаи. И мы хотим остаться при этой морали. Мы убиваем людей, но делаем это не специально, но исключительно в порядке самозащиты. Чтобы не пришли и не убили нас самих.

- К тому же, - добавил Колдун, - христианство не может быть массовым выбором по умолчанию. Есть мусульмане, есть буддисты, есть правоверные иудеи в кипах с пейсами. Пришествие Христа – это идеологическое насилие над этими конфессиями и народами, как бы манифестация их духовной ущербности. Христос может прийти к планетарному управлению при одном условии: если объявит духовное право всякого человека идти своей дорогой, примыкая к той или иной вере-церкви или не примыкая ни к какой. Принудительное крещение в воду, как при князе Владимире – отменяется. Кстати, те ребята, что стоят у руля планетарного управления сейчас, тоже не обрадуются передаче управления Христу.

- Это кто такие? – поинтересовался Керим.

- Фома называет их Бессмертными в своих книгах, - пояснил Колдун. – Не очень удачный термин, с учетом того, что бессмертны мы все. Но пусть будет. Это руководители тайных масонских орденов, в том числе тех, которые сформировались на осколках ордена рыцарей Храма, тамплиеров, после его разгрома. Это – советники крупнейших банкирских семей по всему миру. Они тоже не первое столетие у руля, они помнят прошлые жизни и узнают друг друга по тайным знакам. Если Христос попадет к ним в руки, они его распнут повторно – и глазом не моргнут. Так называемый Антихрист – где-то там, растет в одной из их семей. Между прочим, это девочка, ей десять лет. Я ее однажды видел на тонких планах. Скоро подрастет, начнет мочить корки, пальцами искрить. Вот тогда запляшут лес и горы. Сами они управление не отдадут, так что глобальная война и планетарная катастрофа – не за горами. Если все пойдет не так, как нужно, если не получится договориться. Мы прикроем Христа своими возможностями в России и по миру, - как и сейчас мы прикрываем его апостолов. Но нам нужны гарантии. Не знаю, как я их получу. Но они нужны.

- Не уверен, что ты их получишь, - сказал Керим. – Кровью нам, что ли, расписаться под этими твоими гарантиями?

- Нет, - отвечал Колдун. – Ты ведь знаешь, у меня есть навык чтения мыслей. Я читаю тебя, Ростову, Фому и других. Я задаю вам вопросы, получаю ответы – и при этом слежу за вашими ментальными реакциями. Я тестирую апостольскую тусовку – и по косвенным признакам пытаюсь уловить, что на уме у самого Христа, который стоит за всеми вами. Пока что я удовлетворен. Потому что не вижу от вас явной угрозы для себя и для своей бригады. А польза заведомая налицо. Твои отчеты нам здорово помогли определиться, Керим – друзей, как говорится, надо знать в лицо. Значит, будем продолжать в таком же духе. Но мы засиделись. Мамочка, просыпайся, а то замерзнешь. Зверя, хватай ее в охапку, и по матрешкам! Спасибо за чай, Мирзали, за уют.

- На здоровье, - отвечал Мирзали. – Приезжайте еще, будем рады. Захватите Светку при okazji, я по ней соскучал.

- Насчет Светки – не обещаю, - сказал Колдун. – Ее пасет Контора, и пасет плотно. Не надо вам пока встречаться. Чтоб хвоста не цеплять сюда.

Едва «девятка» отчалила от дома Мирзали, у калитки, откуда ни возьмись, нарисовался директор местного совхоза.

- Здорово, Мирзали, - буркнул он. – Кто приезжал-то?

- Да зэмяки маи с Москвы, - отвечал Мирзали. – Паехали в Пасад, а то хлэба кирдык, без хлэба не кюшают.

Тем временем «девятка» и личка на двух джипах перемещались в направлении Посада. Беременная Наталья Лебедева (*сейчас уже можно говорить об этом открытым текстом*) спала на заднем сиденье первого джипа. Зверя и Колдун ехали во втором джипе.

- Ну как тебе Керим? – спросил Колдун у Звери.

- По духовитости – гипербореец готовый, - сказал Зверя. - Ему бы чутка интуичку вскрыть – не было бы цены парню.

- Я сейчас к себе на Рубли, - сказал Колдун. – А у вас какие планы?

- А мы хотим с Натахой к Ростовской забуриться, в Зелик, - сказал Зверя. – Она нас позвала помочь. Там у Иры Барановой неприятности, ее муж поколотил. Будем разбираться.

- Давай только без нулей, - сказал Колдун. – И не вздумай Светку возить к Кериму – поломаешь всю игру. Она не должна пока знать, что его отчеты – у нас. Значит, тогда так. На заправке остановимся, пересядешь в машину к Мамочке, и до вечера свободны. Вечером приезжайте в гости, Марина готовит бухарский плов. Ну и текущие дела перетрем за походом.

46. Пенталгин встречается с Лоренцо Медичи

В тот же самый ноябрьский день, когда Керим в деревне Лядино кочегарил свой самовар, поджидая Колдуна и его людей, - известный по двум предыдущим книгам Василий Петрович Воротилов сидел в своем кабинете в офисе молодежного общественного движения «Молодая православная Россия» на Малой Бронной и напряженно размышлял о личном. За окном моросил традиционный осенний дождик: мелкий, нескончаемый, никчемный.

Когда-то Василия Воротилова звали иначе (*с рождения и до отроческих лет, когда Василий по глупой случайности попал в тюрьму и был там опущен по беспределу*). Но, как Василий пришел работать в Контору (*прямоком с тюремных нар, сразу после того случая*), его стали звать Василием, а кликуха в лагере у него была звонкая - Пенталгин. Были и еще имена. Недавно, для скандинавской операции, Василий выправил себе псевдоним Владислав Гольдштейн, с легендой бизнесмена и мецената. Под этим же псевдонимом он проходил и в движении. Это был его наружный псевдоним. Для Конторы же он был Василий Петрович Воротилов, майор 15-го управления ФСБ.

Воротилов думал о своей карьере в Органах. Он отмечал, что за пятнадцать лет работы принес Родине много пользы. Шестьдесят благодарностей, шестьдесят раскрытых дел, ни одного косяка. Было трудно, однажды чудом уцелел - едва не подрезали в лагере, нож был уже у горла. Но дела шли, и шли успешно. И всю эту блистательную послужную карьеру изгадили три эпизода подряд, три досадных прокола.

Сначала – Слободан Драгович, он же Керим Дадаев, отмороженный чечен, переметнувшийся в апостольскую группу и залегший на дно. Воротилов был приставлен к Дадаеву в Саранском лагере – и чуть не лишился зрения, когда Керим метнул в него миску с горячим борщом. Но: Керим был обработан по технологии «Восход», затем он раскаялся в борще, они подружились, ломали пайку. Воротилов дал добро на вербовку Дадаева, посчитав его готовым (*история в лагерной церкви, когда Керим залпом выпил причастие для пидарасов – не в счет*). Затем Василий курировал переодевание Дадаева в Слободана Драговича и в агента Грека, собственноручно вылепил ему легенду. Работал Грек, по отзывам Николая Ивановича, знатно, без сбоев, быстро сколотил досье на апостольскую группу, дал хороший старт движению, вместе с Таней Филатовой. И вот – дурацкая случайность: Керим гуляет по Малой Бронной, натывается на Ростову, она его выпивает до доньшка и перевербовывает. Кто мог предположить такой идиотский сценарий? Никто. Та самая случайность, которая в жизни разведчика происходит ровно один раз, а там как повезет.

В сухом остатке: Керим делается кротом, затем линяет, а Николай Иванович, начальник 15-го управления, учитель Василия и его ангел-хранитель, пускает себе пулю в лоб. Все зарубежные операции, проводящиеся по линии 15-го управления (*в том числе и работа Василия по упразднению БАБ*) единомоментно сворачиваются. Два года подготовки – псу под

хвост, и погонов подполковника Василию не видать, как своих ушей. Допом – пятно на биографии, которое незнамо еще как предстоит изглаживать, замыывать. Вот что называется беда одна не ходит. Ведь сразу встает вопрос у руководства: можно ли вообще производить вербовку из лагерей, насколько адекватны эти кадры, в состоянии ли Контора обеспечить за ними стопроцентный надзор. Соответственно, агентурная сеть, что любовно пестовал Николай Иванович двадцать лет подряд, на которой он сделал себе имя в Органах и которую он со временем планировал замкнуть на Воротилова (*как на своего лучшего ученика*) – этой сети, считай, нет. И адекватной карьеры у Воротилова, получается, теперь тоже нет. Есть просто шабашки в полях, от случая к случаю. Вчера бросили на тему БАБ, сегодня – на апостолов, завтра – на китайскую угрозу. А карьеры как связной линии, проведенной через собственную тематику, через лично ему, Воротилову, принадлежащий задел - нет. Как в том анекдоте про папу-говночиста, который говорит своему сыну: «Учись, сынок, настоящему делу, а то так и будешь всю жизнь ключи подавать».

Многие надежды подавала тема с Текстильщиком - серийным оборотнем-маньяком. Если бы «Черемушкинский альянс» доставил Текстильщика в отдел «Р» теплым, то у Конторы были бы все шансы открыть для себя новое направление. Настоящий теплый оборотень. И не просто оборотень, а с гиперборейскими корнями (*иначе зачем было бы его «обнулять» этим уродам – Копылову и Лебедевой, зачем было сворачивать ему шею. Они просто зачищали концы*). Изучив феномен Текстильщика, можно было бы найти подход к «Альянсу» и непосредственно к Славе-Колдуну. Появилась бы реальная возможность читать Колдуна на тонких планах – и ломать любые колпаки, которые он повадился выставлять над своими людьми и примкнувшими к ним апостолами. Можно было бы научиться ставить и снимать закладки по астралу, как это навстрились делать апостолы-негодяи, можно было бы ставить эзотерические щиты, обеспечивая непроницаемость от любых закладок. На всем этом фоне технология «Восход» - это просто детские игры, ни о чем.

Ведь пока стоит закладка у него, у Тани, у Сидора Ильича – Органы у апостолов в торбе. Любое неосторожное движение, – и ключевые фигуранты смахиваются с шахматной доски. В этом была настоящая боль Воротилова. Он осмелился полюбить Таню Филатову, осмелился втянуть ее в свои игры, нарушил первое правило: «У разведчика нет родни, нет семьи, есть только Родина». И тут же – подставил любимую под удар, под закладку, через свою работу. Все равно что СПИДом заразил. Ведь это – не лечится. Живет человек себе, а потом за десять минут умирает от чудовищной головной боли и от кровоизлияния в мозг.

И под эту музыку «Альянс» и люди Фомы могут чувствовать себя вольготно. Публиковать книги подрывного содержания (*недавно Фома напечатал книгу, фактически призывающую к смене существующего строя. Воспользовался кризисом в стране, поймал волну*). Апостолы всю рекрутируют себе сторонников, расширяют зону влияния, готовятся к выборам в Госдуму. Вербовка в «Альянсе» парализована, о внедрении кротов и речи быть не может (*у Воротилова не шел из головы тот фильм, что «Альянс» прислал в Контору – где от закладки погиб агент Конторы, умирал долго и мучительно. А гадина Колдун, для приличия нацепивший на себя шапку-невидимку, глумился, прикалывал смертника вопросами. А потом – уже после смерти агента – заставил его сказать еще несколько слов. Это было неопишимо*). Если отважиться рассказать о закладках Сидору Ильичу – считай, на работе в Конторе можно ставить крест. Сидор Ильич молчать не станет. Принципиально самоустранится и выведет Василия из игры, вплоть до полного нуля. А он, Воротилов, должен довести до конца это дело. Уничтожить «Альянс». Уничтожить апостолов – всех подчистую. Но как?.. Сказка про белого бычка. Сколько ни думай, по ночам ни ворочайся – нового ничего не удумаешь. Тупик.

В кабинет Воротилову заглянула секретарша Галя.

- Владислав, к тебе посетитель просится, - сказала Валя. В «Молодой православной России», согласно внутреннему кодексу движения, все были по именам и на «ты», безотносительно должностного положения. – Отдельно просил отметить: по делу апостола Фомы.

Воротилов вздрогнул. «Зови», - сказал он. «Как все это странно», - подумал он затем. – «Причудливо тасуется колода. На ловца – и зверь».

Через несколько секунд в кабинет Воротилова зашел молодой человек. Среднего роста, худощавый, с густой черной шевелюрой. Одет пришелец был по-спортивному: джинсы, кроссовки, кожаная куртка. Посетитель обладал взглядом, пронизывающим человека насквозь. Это был колючий, сверлящий, мрачный взгляд. Когда-то таким взглядом обладал актер Авилов в роли Мордаунта. И, конечно, человек, однажды наткнувшийся на такой взгляд (*на фотографии или при личной встрече*), запомнил бы его навсегда. Запомнил и Воротилов.

Собеседники обменялись рукопожатием.

- Я знаю вас, - сказал Воротилов посетителю. – Вы Макс Лемке, итальянские воплощения, рядом с Фомой-Боттичелли. Угадал? Присаживайтесь.

- Очень хорошо, - сказал Макс Лемке, усаживаясь в кресло для посетителей. Если он и удивился скорости своего опознания, то вида не подал. – Нет нужды представляться и тратить время на рассказы, кто я такой. А как правильно называть Вас: Владислав, Василий или Александр? – Лемке говорил медленно, прищуриваясь во время разговора, точно от зубной боли.

- Зовите Владислав, - машинально откликнулся Воротилов. Он все понял. Не было нужды играть в кошки-мышки, нужно было брать быка за рога. Он нажал кнопку на селекторе: «Галя, меня ни для кого нет. Не соединяй вообще».

- Владислав так Владислав, - пробурчал Макс меланхолично, как бы себе под нос. – Имя не хуже и не лучше прочих.

Затем повисла пауза. Воротилов смотрел на Макса, ожидая продолжения разговора, а Макс смотрел в дальний угол кабинета, совершенно уйдя в себя. Воротилов мог бы домыслить, что Макс на ходу выстраивает линию предстоящей беседы – и никуда не торопится, не рвется заявить свою полезность. Хочет показать, что разговор будет на равных, сообразил Воротилов. Наконец, Макс вздохнул шевелюру и откашлялся.

- Вам известен список моих воплощений, надо думать? – спросил он у Воротилова.

- Давайте сверимся, - сказал Воротилов. – На память приходит Лоренцо Медичи, император Адриан, Дантон. С вами рядом все время тусуется этот мальчик ... которого Фома в своих постах называет Пико. Из жизни в жизнь.

- Правильно, - сказал Макс. – Но давайте мальчика оставим пока в покое. Это отдельная тема, и не надо ее лапать немытыми руками. Без обид, вы должны понимать. Меня задевает любое неосторожное упоминание о нем.

- Извините, если был неосторожен, - сказал Воротилов. Раз он надумал играть передо мной императора, подумал Василий, пусть выеживается, подыграем ему.

- Извинения приняты, - сказал Макс. – Вы не назвали еще несколько ключевых воплощений, главное из которых – Великий инквизитор Бернардо де Сандоваль. Я этим всем хочу Вам указать, что ни я, ни люди из моей группы – никогда не прибывали к исторической обочине, но – наоборот – всегда стояли в самом центре событий. Чтобы у Вас не сложилось ложного мнения о том, будто бы все самое интересное на этой Земле творится от лица так называемой апостольской группы, как это всю дорогу норовит представить Фома в своих блогах.

- У меня нет таких мыслей, - сказал Воротилов. – Скорее, я полагаю, что вы – одна из тех самых элит, с кем Фома не смог найти общего языка.

- Вот именно, - подтвердил Макс. – И сейчас я Вам объясню, почему так вышло. У вас тут курят?

- Курите, - милостиво разрешил Воротилов, пододвинув Лемке пепельницу. Макс закурил.

- Представьте себе мировой покер, - начал Макс свое объяснение, затягиваясь, выдыхая дым. – Это когда за карточным столом сидят определенным образом сформированные команды людей, а за спиной у этих команд стоят страны и народы. А сдает карты Главный Крупье (неважно, как его зовут и откуда он взялся). Он знает, кто какую карту берет и что собирается с этой картой делать, для него тайн нет. Он оценивает, как та или иная группа собирает себе комбинации, какие карты сносит, какие прикупает. Он считает очки. И, если группа играет плохо в течение нескольких розыгрышей подряд, он выставляет ее из-за стола и набирает новых людей, новые команды. Команды – это элиты, как Вы изволили выразиться.

- Та элита, к которой я имею честь принадлежать, - продолжал Макс, - элита заслуженная и очень древняя. Мы правили земными делами еще задолго до того, как сформировалась нынешняя цивилизация. Мы наводили порядки в Атлантиде и в Му, мы принимали звездолеты из Ориона и Плеяд, мы получали силу непосредственно из источника силы – от космических богов. Мы становились их наместниками, обучались у них духовидению, левитации, телекинезу, получали технологии по крупицам. Но и тех технологий, что мы брали на вооружение, вполне хватало для управления народами. Один взмах моего жезла – и тысячи людей вокруг меня могли упасть замертво (я несколько раз проверял это, и сбоев не было). Поэтому на наше господство никто не посягал. И в мыслях не было, и во сне не снилось. В глазах народа мы были богами, земными богами. Нам поклонялись, ставили нам статуи, приносили жертвы.

- Но мы совершили ряд ошибок, - сказал Макс. – Возможно, нам изменило наше чутье, наша удача. Возможно, мы слишком заигрались. Мы были в самом расцвете сил, на творческом подъеме, так что это объяснимо. В общем, мы провели ряд исследований по клонированию, в результате которых в человечестве пошли незаконные генетические мутации. Кентавры-минотавры, медузы-горгоны и прочая ботва. Биологические процессы в наших лабораториях вышли из-под контроля, и мы вынуждены были ликвидировать цивилизацию целиком, взорвать ядерный припас. Так мы потеряли Атлантиду, а затем и Му. Поражение – всегда поражение. Мы очень остро переживали эти потери и не искали себе никакого оправдания в глазах Крупье, в глазах Ориона и Плеяд. Надо признать честно: все наши игровые очки, накопленные за десять тысяч лет, сгорели. Но мы рассчитывали на скидку, на снисхождение, - а получилось не так.

- Нам не сразу стало понятно, - продолжал Макс, - что нас принялись выставлять из игры, высаживать из-за стола. Крупье никогда не делает это резко, он выстраивает

преимущество. Просто однажды мы обнаружили, что рядом с нами за столом появились новые люди. Мы увидели их где-то пять-шесть тысяч лет тому назад. Кое-кто из наших мелких функционеров переместился в эту группу (нам объяснили, что так надо для пользы дела). Кого-то мы увидели впервые, но по почерку поняли, что они из смежных элит и тоже давно в теме. А кто-то вообще желторотики, по призыву, в порядке ротации.

- Вы все это так рассказываете, - перебил Макса Воротилов, - как будто помните до мельчайших подробностей.

- Мы неплохо помним прошлые жизни, - отвечал Макс. – У нас в группе ясновидение на уровне, мы его культивируем и практикуем. Что не видно с первого захода – восстанавливаем аналитически, по косвенным признакам. Часто выкатываемся из тела по ночам, гуляем по тонким астральным полям, набираемся впечатлений. Давайте не будем отвлекаться. Итак. Мы начали спохватываться, что из-под нас уводят стулья, только во времена исхода евреев из Египта, когда двое персонажей из новой группы – Моисей и Аарон - сначала прошли у нас полноценное обучение в пирамидах, а затем повели евреев на север. И этим двоим – через наши головы - были даны технологии такой степени силы, каких мы не получали давным-давно, со времен Атлантиды. Жезл, облачный и огненный столпы и всякие другие элементы космического оружия. Возникло сразу два вопроса к Крупье: 1) почему евреев ведут не заслуженные мастера астрального спорта, а какая-то мелюзга без биографии; 2) почему нас вообще перестали допускать к управлению перспективными этносами. В Иудее времен Давида и Соломона из наших не работал никто, ни один, не привлекли. Почему? Нам объясняли: не берите в голову. У вас, дескать, в управлении Египет, Греция, Рим, цивилизации майя и атцегов. Не парьтесь, дайте поработать и новичкам. А потом пришел Христос, и тут мы сразу уяснили, как мы попали.

- Мы вдруг словили, - продолжал Макс, - что нас ставят на самые ерундовые участки, на этносы, которые идут на слив. И одновременно – не подпускают к передовым проектам, оттирают от дел. Получается, что Будда, Христос и Магомет – это бренды, а все остальное – отстой. Мне дают в управление Рим, и дают несколько раз. Но при этом – ни разу не ставят в Израиль (только Адрианом, когда там уже нечего ловить, кино закончилось), не пускают в Византию, в Персию и Сирию, в Славянскую Русь. Все самое интересное движется вдоль 30-го меридиана, по линии Ориона, - а мы подбиваем балансы, готовим умирающие империи к сдаче варварам, мы заведомо не у дел. Нас сливают вместе с нашими империями. А на подъем идут выскочки из так называемой апостольской группы – шелупонь, с которой я рядом и срать не сяду.

- По-вашему, их исторические деяния неубедительны? – поинтересовался Воротилов.

- Качество работ там ниже среднего, - отозвался Макс. – Как говорится, если бы апостолом был я, то христианство объяло бы собой весь мир. И не надо было бы нашему Крупье запариваться на ислам и на прочие лишние ходы, терять историческое время. Наконец, мы сказали открыто Крупье во время очередной раздачи: новые ребята лажают на каждом шагу, дайте нам темы рядом с ними, чтобы их корректировать, на правах старших. А то одни косяки идут. Взять хотя бы их работу по выжиганию ведьм. Сколько сил мне стоило, чтобы это все предотвратить, это безжалостное уничтожение самых красивых женщин Европы, самых талантливых знахарей, астрологов, духовидцев. Эти апостолы пресловутые быстро просекли, что ни в Испании, где я тогда управлял инквизиционным трибуналом, ни во Франции, где у нас были традиционно сильные позиции, им ловли не будет. Поэтому они переместились в протестантскую Германию, в протестантскую Швейцарию, в протестантскую Англию. И запалили там такие костры, перед которыми доминиканские инквизиционные суды кажутся невинными пионерскими утренниками. В результате, мы имеем такое:

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

приезжаешь в Берлин, смотришь на местных уроженок. А там – ни кожи, ни рожи, весь генофонд повыжигали, тупарье.

- Почему Вы считаете, - перебил Макса Воротилов, - что костры – апостольское дело?

- Дивлюсь вашей неосведомленности, - сказал Макс неодобрительно. – Кто крушил любимый нами храм Артемиды, одно из центральных наших святилищ? Никола Угодник, он же апостол Петр, пала еще та. А разве Доминик – не апостол Симон Зилот? А кто нас жег тамплиерами? Ги де Ногарэ - придурок Фома, другими словами. Хорошо помню эту рожу, и как он меня пытал, сучонок, кости мне ломал, подвешивал над жаровней. И главный вопрос был: где деньги.

- Он припоминает себя магистром Жаком де Молэ, - обнаружил Воротилов свою осведомленность и память. – Здесь нестыковка. Говорит, что тоже горел.

- Из него такой же Жак де Молэ, как из говна пуля, - пробормотал Макс. – Ничего он не припоминает, только интуичит с серединки на половинку, дурилка картонная. Закрыто ему. Больше пыли напускает, форсу, красуется. Настоящий Жак де Молэ – рядом с нами, в нашей обойме. И у него тоже много есть предъявить апостолам, и по тому воплощению, и по другим. Мы все помним – и прощать никому ничего не собираемся. Будет спрос.

- Я пытался рихтовать Фому при непосредственных пересечениях, - продолжал Макс. – Когда он шел Апполодором Дамасским – воспитывал его как умел. А он не внял, возгордился своими мифическими архитектурными успехами (Пантеон, башня моего имени на реке Тибр и все такое), - пришлось казнить дурака. Когда он был Боттичелли, я взял его под свое крыло, чтобы он не подох с голоду. Приблизил к нашей Академии, сделал своим любовником, и хорошим любовником, научил его многим штучкам. Отмазывал его от папы, когда на него вешали содомский грех. И – главное – корректировал его, приоткрывал какие-то тайны, какие-то объемы бытия. Но, боюсь, не в коня корм. Махнул на него рукой. Ну ладно, я не за этим здесь. У меня есть предложение к вашему ведомству, и что-то мне говорит, что Вы его примете.

- Выкладывайте, - просто сказал Воротилов.

- Тогда еще немного терпения, - сказал Макс. – Вы знаете, что готовится второе пришествие Христа. Боюсь, что пришествие состоится. Это будет как бы праздничная демонстрация апостольской силы, легитимизация этой группы, их прав на руление планетой. Собирают этот шабаш в России, как бы по аналогии с Иудеей. Планово это 2017 год, но возможны колебания год-два вперед-назад. Мы категорически не заинтересованы в том, чтобы пришествие состоялось, чтобы апостолы получили такой карт-бланш. Мы считаем это несправедливым по отношению к себе и к своим заслугам. Поэтому мы тоже решили воплощаться в России и гнуть свою собственную линию.

- Вы не любите Христа? – спросил Воротилов.

- Нет, - сказал Макс, - не люблю. С какого перепуга мне его любить. А Вы?

- Я православный, - сказал Воротилов.

- На здоровье, - сказал Макс. – Хотя странно: православный, а в реинкарнации верите. Ну ладно. По мне, верьте хоть в тумбочку и любите кого хотите. Но предоставьте всем элитам равное право на управление Землей. Мне дорога эта планета, я вбухал в нее уйму своих сил,

своей энергии, своей творческой инициативы. И Христос никакого отношения к моим результатам не имеет. Я считаю его лишним звеном, пятым колесом в телеге. Его идеи нашли формальный отклик, но фактически человечество ни на йоту не продвинулось за эти две тысячи лет. Москвичи остались москвичами, квартирный вопрос как портил их, так и портит, и никакой Христос оказывается не нужен москвичам для того, чтобы написать донос на соседа или харкнуть ему в кастрюлю на коммунальной кухне. Превосходно обходятся безо всякого Христа в ходе этих своих мероприятий. Я тоже превосходно обхожусь.

Воротилов вдруг отчетливо вспомнил Николая Ивановича и его вечную присказку: «Бог-то Бог, да и сам не будь плох». Внутренне содрогнулся. «Эти, пожалуй, будут похуже всяких апостолов» - подумал он.

- Но это лирика, - продолжал Макс. – Мы на регулярной основе все последнее время сканировали публику из апостольской группы. Делали это своими методами – такими же, как и ваши, только тоньше. И однажды мы споткнулись на том, что больше информации со стороны их группы не поступает. Молчок. Они встали под колпак, под эзотерический щит, а прикрывают их этим щитом люди из элиты, не менее древней, чем наша. Гиперборейцы. Вы в курсе этой темы?

- Да, Контора в курсе, - сказал Воротилов.

- Предатели, - с горечью прошептал Макс. – Они рулили Гипербореей, Славянской Русью, дохристианской северной Европой, Индией и Китаем. Мы четко поделили зоны ответственности, и у нас никогда не было трений, работы всем хватало. А сейчас, вместо того, чтобы потребовать свои законные права на планетарное управление, эти уроды снюхались с апостолами, подставили им плечо. В расчете на то, что новая элита поделится с ними властью и влиянием. Слепота! Стоит только апостолам взять полную астральную силу, вся гиперборейская знать будет вырезана под корень. Или они не помнят, как с ними разобрались, когда апостол Андрей со своей бандой высадились в Херсонесе? Когда нарубили дров из их рощ, сложили поленницы – да всех местных друидов на этих дровах и пожгли живьем, а главного друида – распяли на уцелевшем дубе, стрелой руки крест-накрест? Великолепный образчик христианской проповеди, Вы не находите?

- Откуда Вам известны эти подробности? – ошарашено спросил Воротилов.

- Хроники Акаши доступны всем, - отвечал Макс. – Но не все знают, как туда попасть. Мы – знаем. В общем, друиды должны поплатиться за свое беспамятство, и нынешнее предательство не должно сойти им с рук.

- Но как Вы это видите? – спросил Воротилов. – Как Вы намерены действовать?

- С Вашей помощью, дорогой Владислав, - ответил Макс. – Вашими святыми православными молитвами. У нас есть расчет на Контору, расчет серьезный. Мы убеждены, что апостолы встали Конторе поперек горла, равно как и «Черемушкинский альянс». Мы предлагаем решить задачу в два удара. Первый удар: Контора с нашей помощью ликвидирует «Альянс». Второй удар: апостолы остаются без прикрытия, вы берете их теплыми – и мочите своими методами, мы вам тут уже не нужны. И тогда второе пришествие отменяется, к общей радости всех стейкхолдеров.

- Если бы мы могли ликвидировать «Альянс» немедленно, - пробормотал Воротилов, - мы бы давно это сделали.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Правильно, - подтвердил Макс, - но с нашей помощью у Вас появляется шанс. Купол над «Альянсом» держат пять человек, пять главных друидов. В центре купола находится Слава Кожухов, по кличке «Колдун». С четырех концов энергию на купол накидывают: Наталья Лебедева, по кличке «Мамочка», Андрей Копылов, по кличке «Зверя», Владимир Литвин, по кличке «Угорь», и Игорь Колюжный, по кличке «Хохол». И еще на купол иногда работает Светлана Ростова, как резервный энергетический донор, не постоянно. Купол очень плотный, но в нем есть утоньшения. Мы можем войти в эти утоньшения, создать отверстия и разрезать экран по диагонали. Пока они будут восстанавливать купол, они не смогут тратить энергию на другие задачи. Например, сканировать ваши или наши силы или запускать кодовые последовательности. А мы уж постараемся, чтобы купол они собрали не раньше, чем через два часа, на большее у нас сил не хватит. За это время вы успеете подтянуть силы, произвести захват и порубать их. Но учтите: нужно уничтожить Колдуна и хотя бы еще двух друидов вместе с ним. Единоmomentно, иначе они восстановят купол, и тогда нам придется плохо. Знаете, что такое кодовые последовательности – ликвидация людей по астралу?

- Мы называем это закладками, - сказал Воротилов. Внезапно, охваченный одной мыслью, он спросил: - А ваша группа умеет работать с закладками?

- Отчасти, - сказал Макс. – Мы не умеем проводить коды и деактивировать их. Но мы умеем считывать чужие коды и экранировать уже проведенные коды от активации. Если операция пройдет криво, то нашей группе придется спать по очереди, причем попарно, по четыре человека в круге. Одни спят, другие – сканируют друг другу поля, и, если кодовая последовательность прошла, обволакивают ее экраном. И это – все равно что пожизненная искусственная почка, никакой радости жить уже не будет. Остаток воплощения придется провести в суровом стеснении. Но мы готовы пойти на этот риск, ради того, чтобы поломать апостолам их игру. А Вы – готовы пойти на риск?

- Я должен провести консультации, - сказал Воротилов. – Я не всем тут команду. Но Ваша идея мне нравится. Убиваем двух зайцев сразу.

- Мы убиваем целую свору зайцев, - поправил Воротилова Макс. – Вы даже представить себе не можете, сколько зайцев разом мы убиваем. И какую продуманную планетарную игру мы ломаем. Следующая аналогичная okazия откроется только через 2000 лет, в новую зодиакальную эру. Наш интерес тут ясен: мы заставляем с собой считаться за покерным столом. Мы говорим, что нас рано списывать с парохода. И Ваш интерес тоже просто читается. Ликвидируете апостолов и людей Альянса – вертите себе дырку для новой звезды на погон. А в перспективе – берете под себя 15-е управление. А мы Вам тут поможем, не сомневайтесь. Если Вы нам поможете. Как там у вас в лагерях говорят: рука руку моет!

- Почему это «у нас в лагерях»? – прикинулась Воротилов.

- Потому что у вас, - отрезал Макс. – Не играйте со мной в кошки-мышки, не люблю. Вы перед нами стоите голый и босый, со всеми своими кодами под шкурой. Кто вам еще поможет, как не мы. Так что давайте не будем терять времени, – наши враги становятся сильнее с каждым часом. Как согласуете операцию - звоните мне на мобильный.

И он ушел. Василий в полной прострации сидел за столом, уставившись в монитор невидящим взором. Внезапно его осенила мысль. Открыл Асю, Фома стоял онлайн, что было очень кстати.

Приветствую, пискнул Василий, нужно срочно пересечься. В ваших же интересах. Не вопрос, пискнул Фома. Приезжайте в Питер, здесь будет поспокойнее разговаривать.

47. Фома знакомится с Глорией

52.1. Встреча

В самом конце апреля 2008 года, на сайте ВКонтакте.Ру, Глория Azimut Суворова предложила дружбу Александру Sedok Резанцеву.

Прежде чем принять дружбу Глории Azimut Суворовой, Александр Sedok Резанцев внимательно ознакомился с фотоальбомами Глории Azimut Суворовой. Увиденное поразило его своею красотой. Стройная длинноногая высокая девушка, лет тридцати пяти, светловолосая (*иногда покрашенная рыжим*), глаза-озера, правильный греческий нос. Однако смутил статус незнакомки «замужем». Что ей от меня нужно, подумал Александр Sedok Резанцев. Но, на всякий случай, дружбу Глории Azimut Суворовой принял.

Ответ пришел через две минуты. Извините за непрошенный визит и предложение о дружбе в рамках контакта, *написала Глория Azimut Суворова*. Давно имела желание с Вами пообщаться, а тут нашла Вас на этом сайте и не сумела удержаться. Для меня очень интересны Ваши работы в области связи нечёткой логики и экономики. Читала Ваши работы, в полном восторге. Пытаюсь заняться примерно тем же самым, но мой уровень значительно ниже. Очень бы хотелось пообщаться. Молю, не игнорируйте ☺. Заранее большое спасибо. Глория.

А, вот теперь появилась полная ясность, *написал Александр Sedok Резанцев*. Ну что ж ... готов быть Вам полезен.

У меня есть огромная куча вопросов, *продолжила Глория Azimut Суворова свой запрос*. Я пытаюсь сама овладеть нечёткой логикой, но чем больше я в неё вдаюсь, тем больше вопросов возникает. Меня буквально завораживает мысль об использовании лингвистических переменных. Построение правил кажется немного рутинным, но забавным. Для своей модели я использую МатЛаб (ToolBox - Fuzzy Logic), но не знаю, возможно ли в рамках данной программы сделать самостоятельное приложение? Для себя я уже уяснила, что при выборе правил совершенно безразлично, какой тип именно я буду использовать - Сугено или Мамдани, но мне никак непонятно, по каким принципам я должна брать интервалы. Так же остаётся открытым вопрос о том должна ли я при построении правил делать полный перебор всех "Если-То". В примерах, которые я видела, ни разу не брался полный перебор. А, возможно, я вообще стою на неправильном пути или завернула не в ту сторону. Мне бы было очень приятно пообщаться с Вами и, так сказать, воочию (*не зная правописания этого слова, Глория употребила малоиспользуемую форму «воотчую»*). Возможно ли пригласить Вас на деловое свидание?

Я полагаю, что мы можем пересечься, *написал Александр Sedok Резанцев*. Надо, конечно, начинать не с инструмента и не с правил, а с постановки задачи. Если мы ее разберем - то далее все можно делать уже на любой основе или платформе, лишь бы не было расхождений со здравым смыслом. Какие у Вас предложения по времени и месту? На праздниках - уезжаете из города? Я - уезжаю, но пунктирно, на 1 день, так что было бы возможно спланировать что-то. Мой мобильный XXX-XX-XX, позвоните, и мы все решим.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

С удовольствием воспользуюсь предложением позвонить, *написала Глория Azimut Суворова*. И, ровно через десять минут, она позвонила. Наши герои условились встретиться у Александра Sedok Резанцева на квартире.

В условленный час второго мая 2008 года Александр Sedok Резанцев (*далее по тексту – Фома*) уже отирался возле выхода из станции метро «Приморская», ожидая прелестную незнакомку. Стояла солнечная теплая погода, весна была в разгаре. Глория Azimut Суворова (*далее по тексту – Глория*) не опоздала ни на минуту. Она вся была в черном, от кожаного пиджака, накинутого на тоненькую водолазку, до колготок и туфель. В руках она держала черную папку.

Глория была в узких очках, которые ей не шли, безобразя лицо. Эта деталь изрядно расстроила Фому. Он мысленно посетовал на Адоб Фотошоп, который, применяемый к фотографиям различных синих чулков и форменных куриц, делает из них первейших мисс мира. Он сталкивался с этим видом мошенничества на сайтах знакомств (*и пару раз попал из-за этого в глупое положение на встречах с дамами*), и больше ему это не сдалось. Я на машине, сказала Глория. Фома недовольно плюхнулся на переднее сиденье раздолбанного в хлам Форда Эскорт. Он был расстроен. Не прошло и двух минут, как машина запарковалась у дома на Новосмоленской набережной.

Но, в квартире у Фомы, Глория очки сняла, и Фома оттаял. Все было в Глории, как на ее фотоальбомах, и гораздо лучше. Собеседники расположились на кухне (*подробное описание кухни см. гл. «Андрей вразумляет Фому»*). Глория уселась на угловой диван, Фома примостился на противоположном конце стола, выдерживая разумную дистанцию.

- Вы очень красивы, - первым делом заявил Фома, от радости за напрасную грусть. – В конкурсах красоты не участвовали?

- Участвовала, - подтвердила Глория. – Была вице-мисс Ставрополя.

- Вы жили на Ставрополье, - догадался Фома.

- Да, - подтвердила Глория его догадку. – В Кисловодске. Но родилась я в Москве. А сейчас в Кронштадте живу.

Господи, как она похожа на Надю Рябцеву, внезапно спохватился Фома. Вот еще новости.

Действительно, лицо Глории Суворовой самым странным образом напоминало лицо Надежды Рябцевой (*в одном из прошлых воплощений – Марии Магдалины*). А ведь тут тайна, сказал себе Фома. Но, вместо того, чтобы приступить к разгадке тайны, Фома спроворил чай с плюшками. Глория достала из папки листы белой бумаги, и началось деловое обсуждение.

Глория предоставила Фоме план своей диссертационной работы, уже написанной и без пяти минут представленной в совет. Идея диссертации состояла в экспертной многокритериальной оценке инвестиционных проектов на основе теории нечетких множеств. Работа была выполнена по технической специальности. Фома огорошил Глорию, заявив, что такая диссертация уже написана и защищена Сидоренко, причем при его, Фомы, оппонировании. Диссертацию Сидоренко он непременно Глории перешлет. Взамен он предлагает Глории написать принципиально новую работу, под его чутким научным руководством. Он сам написал бы такую работу, но ему уже не с руки. А Глории – в самый раз попробовать. Речь идет о моделировании рисков предприятия, на основе стратегических карт Нортон-Каплана. Причем, защищаться надо не по технической, а по экономической

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

специальности. Так будет перспективнее, если захотите продолжать исследования. Еще полчаса Фома излагал Глории идею работы.

Наконец, разговор вышел на личные мотивы. Очень жаль, что Вы замужем, *сказал Фома*. Потому что я свободен. Я не замужем, *сказала Глория*, просто не успела поменять статус ВКонтакте. С марта месяца мы с мужем в разводе. Ах вот как, *сказал Фома*. Может быть, мы на «ты» перейдем тогда. Почему нет, *сказала Глория*. А можно я тогда коньячку выпью, *сказал Фома*. Так сказать, отметить встречу. Конечно, *сказала Глория*, только я за рулем. Ничего страшного, *заверил Фома*, я и один. А сколько с мужем прожила. Семнадцать лет, *сказала Глория*. Дочке моей Ксении столько же. И почему развелись, *задал Фома козырной вопрос*. Просто стали чужими людьми, *пояснила Глория*. Последние семь лет – просто делили общую жилплощадь. Давно надо было развестись, просто руки не доходили. А я в феврале развелся, *сказал Фома*. За месяц до тебя. Синхронное плавание, как я это называю.

Коньяк сделал свое дело. Фома принес гитару. Глория откинулся на спинку углового дивана, закурила. Фома пел песни про любовь, из традиционного своего репертуара. Песни были грустны. Глория пускала дым, смотрела на Фому немигающими глазами-озерами, и что-то в этих ее глазах неуловимо менялось. Но Фома не мог замечать изменений в глазах Глории, ибо: а) был близорук (*минус 0.5 на оба глаза*); б) был выпимши.

Наконец, уже поздно вечером, Глория решила откланяться. Спасибо за все, *сказала она Фоме*.

- Когда мне теперь ждать тебя? – спросил Фома. – Надо ведь с диссертацией определяться, с публикациями. Да и вообще. – Тут Фома не удержался и поцеловал Глорию в щеку.

- Скоро, - ответила Глория. – Я позвоню завтра.

- Позвони сегодня,- сказал Фома. – Как доедешь.

52.2. Чувство

- Я за тобой наблюдаю уже целый год, - сказала Глория.

Случилось то, что должно было случиться. Глория и Фома в обнимку лежали на диване, в холостяцкой квартире Фомы на «Приморской». Всю прошедшую неделю они обменивались звонками и эсмэсами. Как назло, Глория заболела и всю неделю просидела дома, наедине со своими соплями. Но Интернет у нее работал, и Глория, по временам бегая в ванну сморкаться, безотрывно читала дневники Фомы. Теперь она была в курсе всех тем, была посвящена. Наконец, она выздоровела.

- Мне к тебе обратиться посоветовал мой шеф, - сказала Глория. – Сказал, что ты – крупнейший специалист по теме. Один на всю Россию. И еще еще один человек в Украине, Серхий Штовба, я его тоже нашла. Потом я обнаружила твой сайт. Прочла все работы. Но что-то меня удерживало написать тебе, не знаю что.

- Да уж понятно что, - сказал Фома. – Карма. Ты была несвободна, я был несвободен, вплоть до сего дня. Поэтому нужно было выдержать все сроки, найти окно. Мы с тобой могли завязать другие новые отношения моментально, и могли не пересечься. Поэтому там наверху решили поторопиться, чтобы нас свести.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Согласна, - говорит Глория. – А еще я написала статью, где половину передрала с тебя (правда, сослалась). И мне стыдно было бы посмотреть тебе в глаза за это. А ВКонтакте я нашла группу «Математики», там навела справки, и мне персонаж с ником Ангел-В-Трусах сказал, что у тебя ВКонтакте тоже есть страница. И я поняла, что это знак. Тут же тебе и написала.

- Еще бы не знак, - подтверждает Фома. – Ангел. Да еще и в трусах. В семейных. Кстати: ты прочитала мои дневники? Мнение хочу знать.

- Да, - говорит Глория. - Я прочитала все от корки до корки. Читала по ночам. Мне очень многое надо будет сказать тебе. Слишком много странных совпадений, знаков. Но это долгий разговор.

- А теперь нам некуда спешить, - говорит Фома. – Обнимает Глорию. – Мне предсказали твое появление в моей жизни. Я, было, отказывался, не хотел. А теперь смотрю на тебя и думаю: дурак я дурак.

- Знаешь еще что надо сделать? – мечтательно произносит Глория. – Обновить фотографии на твоих сайтах. Ты мне на них ужасно не понравился, с первого же взгляда.

- Чем же? – интересуется Фома. Пробует угадать: - Спесью? Довольством?

- Вот именно, - отвечает Глория. – Как хорошо, что я тоже ошиблась.

52.3. Свидетельство

Глория звонит Фоме на работу.

- Привет, Солнц, - говорит она. – Не сильно отвлекаю? Ничего, что на работу? Срочное дело. Почту смотрел от меня?

- Нормально, время есть, - говорит Фома. – Почту еще не смотрел, сейчас открою. – Открывает Outlook. В ящике – письмо от Глории, а в письме – стих:

*Кофейная чашка. Допита до дна..
И темная гуща на дне залегла.
Скажи мне гадалка, дай мне ответ.
Скажи, сели сможешь. Любви больше нет?*

*Есть ли надежда? Есть ли мечта?
Дай мне ответ, я устала одна.
Осень несет лишь прошедшие дни.
Кто мне их скрасит? Скажи мне, скажи.*

- Ну и что? – спрашивает Фома. Он не догоняет.

- Я этот стих писала на спор, в кафе, два года назад, с налету, - говорит Глория. – А еще я практиковала акrostих в свое время. Разбирала бумаги, мне попался этот стишок, я его чисто машинально прошла по первым буквам. И ополоумела. Ты тоже можешь попробовать.

- Опана, - изумляется Фома через секунду. – КИС СЕДОК.

- И самое смешное, - сказала Глория, - дата сохранения файла. 17 июля 2006 года, день твоего рождения. Я им – вопрос, а они сразу же – ответ. Целуй Седока, да и все тут. Как ты любишь говорить, ангелы шутят.

52.4. Причастность

- Я готовилась к персональной выставке в Лос-Анжелесе, - сообщает Глория. – Это был 1989 год, почти 20 лет назад. У меня было тогда уже прилично написано, восемьдесят работ. Все уже было сговорено, и тамошняя русская диаспора уже была готова покрыть все расходы. У меня было написано много маленьких картинок: пейзажи, натюрморты, все такое. Пошла к своему учителю, он сказал – для выставки нужна хотя бы одна большая картина. Я долго думала, что бы такое изобразить. Наконец, тема пришла: Страшный Суд.

- Мне никогда не нравились апостолы, - продолжает Глория. – Еще со времен оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Правильно их там приложили. Вас, то есть (*Глория улыбается*). Типа, вот сейчас Христа сольем, а потом усядемся Евангелия строчить. И я хотела донести ту мысль, что апостолы не будут никого судить, но будут судимы сами, причем в первую голову. Шествие, которое я изобразила – это не на конференцию шествие, как у вас предполагается, а именно на Суд, и апостолы – впереди. Поэтому такая стихотворная подпись к картине была. – Глория читает свои стихи:

*Конец пути и мирозданья
Идет поток, лавина тьмы,
Но ярк лучик созиданья,
И по нему шагаем мы.*

*В последний час,
В последний ход
Ведут апостолы народ.*

*Путь света прям, но лишь на взгляд.
Вступивши, каждый понимает,
Как сложен он, тернист и свят.
Он тягот море прибавляет.*

*Дорога к свету – путь домой –
Подобна ткани серебристой.
Здесь каждый, мертвый и живой,
Идет тропинкою скалистой.*

*Здесь тонок путь, кругом обвал,
Коль оступился, то упал.
А если встать не захотел,
То камнем в пропасть полетел.*

*И возле вечности пространной,
Играя свой финальный туш,
Встречает всех улыбкой странной
Печальный страж – блюститель души.*

*Он, неподкупен и бесстрастен,
Стирает эйфории пыл.
И приговор порой ужасен –
Он помнит то, что ты забыл.*

- Просто писк, - говорит Фома. – Я верещу. Но все равно: слово «Конференция» мне импонирует больше, чем слово «Суд». Суд отдадим Ветхому Завету, а сами займемся подведением итогов нынешнего эона, эпохи Рыб.

- Флаг вам в руки, - говорит Глория. - А потом я перевезла все картины в общежитие, и через день у меня их украли, все подчистую. Ясно, навел кто-то из своих. Искали – и ничего не нашли. Ну, я тебе рассказывала об этом уже. И я совершенно забросила живопись с той поры.

- Если я читаю знаки верно, - говорит Фома, - то апостольская картина найдется. Всплывет – перед самым Шествием.

52.5. Значит, мы хлебали из одного корыта

- У меня был такой период, - рассказала Глория, - что я шибко ударилась в православие. Начались проблемы с мужем, Касе было три года всего. Мне тогда Иоанн Кронштадский приснился, это был 1994 год. В рясе, с крестом на груди. Направил на служение. И я пошла.

- У меня тоже были проблемы в этом году, - поддерживает Фома. – Я покрестился, и тут же меня посадили.

- Синхронное плавание, как ты это называешь, - улыбается Глория. – В общем, я решила податься в иконопись. Поездила по святым местам, сверилась с образцами. А в мае на Валааме был большой архиерейский собор, и я туда поехала – получать благословление. И получила – поголовно у всех архиереев, и у Патриарха Алексия тоже. Начала писать, пошло. Работала некоторое время в Песчанском монастыре, получала уроки у отца Севостьяна, послушничала. Иконописец с мировым именем, а его от служения отстранили за то, что причастился с католиками, ты знаешь эту тему, все энские знают. Меня в ту пору совсем допекло, из-за личной жизни. Захотела уйти в монастырь, но не разрешили – дочка. Сказали, поднимай дочь, не увиливай. У святого старца Иоанна Ладыгина, там же, в Песчанске, испрашивала благословения на монашество. Не дал.

- И тогда, - продолжила Глория, - я решила заработать на православной тематике. У меня же хороший навык в сувенирке – палех, нэцкэ. В свое время мы на этом реально так поднялись с бывшим мужем, когда у Катькиного сада торговали. Решили попробовать на Валааме, переехали туда. Открыли киоск, на старых связях, брали вещи на комиссию. И так шло примерно год, все было нормально. Иногда я ездила в Питер за товаром, муж в лавке оставался, иногда – наоборот. Иконы я не переставала писать, но это все было бесплатно, в порядке послушания.

- Но однажды, - сказала Глория, - нас угораздило вдвоем уехать. А, пока мы в Питере зависали, Валаамский монастырь решил приватизировать наш ларек. Мы приезжаем – ларек пустой, шаром покати. Мы – к монахам: где. Они: отнесли на склад. Мы на склад метнулись, а там уже ничего нет. И концов не найти. И самое страшное, что вещи взяты на реализацию, без денег. Я потом несколько лет рассчитывалась по долгам, в совершенную нищету впала. А тут еще муж загулял, перестал дома появляться. И я осталась один на один со своими

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

проблемами. В холодильник заглянешь, а там только вчерашняя рисовая каша, и больше ничего. А потом еще девяносто восьмой грянул. В общем, одно к одному.

- В конце концов, - подытожила Глория, - из сувенирки я ушла, из живописи я ушла, из иконописи я ушла, к православию я тоже охладела, по понятным причинам. В общем, превратилась в совершенное ничто. Но я ни о чем не жалею. Значит, так было надо.

- А я из православия ушел, - вставил словечко Фома, - по вопросу о прошлых жизнях. Всегда в это верил. Сказали – грех, исповедуй. Начал исповедовать. И чувствую: что-то не то. Вера ведь осталась, стойкая уверенность в правоте этой темы. Это все в тюрьме. А потом сказал себе: не хочу предавать себя, своих убеждений, даже ради принадлежности к конфессии. Так и вывалился: сначала в тюрьме, а потом на воле. Перестал практиковать. Так что мы с тобой оба – отщепенцы. Но ничего, Бог милостив.

48. Отрывок из дневника Фомы. Красавица и чудовище

Агенда. К середине шестнадцатого века в Европе сложилась чрезвычайная, предвоенная ситуация. Лучшие силы – Лютер, Кальвин, Цвингли – восстали против католического беспредела, против индульгенций и тотальной лжи, укоренившейся в этом мировоззрении, как изюм в сдобной булке. И я не смог остаться в стороне, напросился в обойму. Сразу же после Боттичелли, не рассиживаясь в Мире Душ. Мне, как некогда Арию, остро нужен был реванш за Никею, - откуда, собственно, и пошел весь этот сыр-бор с Троицей, таинствами, индульгенциями и прочей бытовой химией. И я взял себе имя Джон Нокс, местом рождения определил Шотландию. И еще я быстро отпустил себе бороду невыразимой длины (*фут с четвертью или около того*). Абсолютный рекорд по всему множеству моих воплощений. Что я хотел прикрыть этой своей бородой, от кого спрятаться – поведаю, не утаю.

Богородица. Епископ Бишоп сжег моего учителя, Джорджа Вишарта. В отместку, мы захватили замок Сент-Эндрю, а епископа повесили. Замок окружил французский экспедиционный корпус. Нас повязали, отправили на галеры в цепях. Однажды захотели вернуть меня в католичество. Подсунули мне икону Богородицы под нос, сказали: «Целуй, гнида». «Щас», говорю. Беру эту икону – и с размаху швыряю ее в море. И говорю: «Пусть Дева Мария сама спасет себя. Она достаточно легка и быстро научится плавать». Потом меня били, причем очень больно. Проплавал на галерах два года, совершенно изнемог, - но меня выкупил король Эдуард Шестой. Спасибо тебе, Эд.

Вишарт. Он мне глаза открыл. Я хотел с ним пойти на смерть, когда он решил проповедовать в логове Бишопы, но Джордж меня отговорил. И тогда я понял, что придется жить за двоих. За себя и за того парня. Я найду тебя, Джордж. Ты – где-то рядом со мной. Торкает потому что.

Говнососы. Лютер отпел повесившегося ребенка, не побоялся. Аналогичная история произошла в моей семье, в нынешнем моем воплощении. Мой двоюродный дед застрелился, подростком. Видимо, сифилис подцепил. Говнососы не согласились отпевать, а один священник согласился. Сказал: «Ребенок не ведал, что творил». Моей прабабке Ольге Буйдиной было большое утешение.

Дорогие сердцу люди. Первая жена Марджори Боус. Вторая жена – Маргарет Стюарт. И – Мария. Все-таки – Мария Стюарт. Теперь уже можно сознаться. Это была любовь. Любовь и соперничество, два в одном. От нее и отгораживался бородой, от ее внимательных и

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

прекрасных глаз. Орал на нее, за глаза обзывал блудницей вавилонской. А по ночам – вырывал себе ключья из бороды в томлении, как старик Хоттабыч.

Евангелие. Участвовал в составлении Женевской Библии. Перевел повторно Евангелие с латыни на английский. Тупую архаику, типа «вознепщеваху» и «особящаяся на zde», в латинском варианте – с негодованием из перевода удалил. Ведь можем нормально разговаривать, когда захотим.

Женщины и их роль в жизни человека. Написал трактат: «Первый удар трубы против чудовищного правления женщин», еще во времена Кровавой Мэри (*Марии Тюдор*) и Марии де Гиз (*подфартило мне по жизни с Мариями, ничего не скажешь*). Начало у трактата такое: «Продвижение женщины к правлению, превосходству, господству или владычеству над любыми государствами, народами или городами - противоречит природе, является оскорблением Бога, наиболее противоречащим явленной Его воле и принятому установлению, и, наконец, есть искажение любой справедливости». Ликуйте, феминистки, я подставился!

Заговор. Мария хотела свалить Элизабет, сама править Англией и Шотландией. Интриганка. Запуталась в своих интригах и в своих мужиках. Очень легкомысленная особа, на мой вкус.

Искатели. Мы, протестанты, искали новой земли и нового неба. Нам было тесно в рамках традиционной веры, в рамках канона и догмы. Все хотели заново исследовать и попробовать на зуб. Чисто апостольская неугомонность, неготовность отсидеться дома, скитальчество как черта характера.

Кальвин. Пересекался с ним в Женеве, учился у него, как надо любить и как надо ненавидеть. По возвращении в Шотландию – организовал протестантскую революцию, запретил католичество, установил новый символ веры. А католичка и ярая папистка Стюарт, взошедшая на престол в 1561 году, была мне как кость в горле.

Любовники Марии Стюарт. Ревновал к Босуэллу. Есть подозрение, что Босуэллом был Бродский. А, поскольку апостол Филипп утверждает, что он и Бродский – одна душа (*в этом воплощении они с Бродским родились в один день*), то Филя тоже был любовником Марии. Сейчас - явно недолюбливают друг друга. Как говорится, наш пострел везде поспел. Однажды – даже переспал с собственной мамой. Эдипом. С моей женой в том воплощении.

Магдалина. Сначала нам казалось, что Мария Стюарт и Мария Магдалина – одна душа. Но затем мы передумали (см. **Фотографии**). Ну, и немудрено было перепутать.

Нокс. Фамилия известная. Был даже президент США Нокс (*мой дальний потомок*), в честь которого назвали Форт Нокс (*хранилище золотого запаса*).

Отец. На одном из портретов Нокс похож на моего отца в этом воплощении.

Протестантизм. Сначала думал, что пресвитерианство – лучшая религия на Земле. После того, как сам эту религию и основал. А сейчас понимаю – ничего особенного. Просто виток осмысления. Выплеснули с водой и ребенка.

Рабская психология. Сначала нагадят, потом прибегут в церковь, исповедуются – и дальше поскакали делать то же самое. Как дети, ей-богу.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Стюарт. Иметь в Шотландии фамилию Стюарт – все равно, что не иметь никакой. У меня даже жена была Стюарт. Последний гэльский пастух кичится тем, что он – Стюарт. Перечитайте «Похищенный» Стивенсона, там об этом есть.

Таинства. «Католическая месса - отвратительное идолопоклонство и профанация Вечери Господней» (с) Нокс. В аналогичном смысле высказывался и Лев Толстой.

Улица. Народ бывает страшен в гневе. И, когда он берется крушить католические храмы, сбрасывая с постаментов святых, которым только что молился, - ему лучше не мешать в этом.

Фотографии. На левой фотографии – Надя Рябцева (*Магдалина*). Посередине – посмертная маска Марии Стюарт. На правой фотографии – Глория Суворова, на своей свадьбе в 1991 году. Как говорится, найдите десять отличий.

Харизма. Когда я проповедовал, люди падали в обморок. Возможно, из-за духоты в церкви, отрицать не буду. К старости ослабел, и приходилось затаскивать меня на кафедру волоком. Но, когда открывал рот, силы возвращались. Современникам тогда казалось, что я вот-вот разобью кафедру в куски и вылечу из нее.

Целибат. Для меня – неприемлем в принципе. Соломон и целибат – две вещи несовместные. А как было бы славно: сбрить бороду, купить в универсаме вина хорошего, конфеток, завалиться в покои к Марии Стюарт и выпалить: «Маша, давай уедем, бросим эту Шотландию нах. Тут тоска зеленая - туманы, горы и вересковый мед. Поедем в Париж! Я облеку тебя в велюр и в крепдешин, я подработаю лодочником на Луаре, у меня есть бэкграунд (*галеры даром не проходят*), - а ты будешь что-нибудь обонять, например, флердоранжи». Бродский был в схожих мечтаньях. В Люксембургском саду, возле статуи помянутой Марии. «Мари, шотландцы все-таки скоты» - это он о нас с тобой, Маша.

«Что за дела?» Королева Мария, возмущенная необходимостью обсуждать свой брак с простолудином, воскликнула Ноксу: "Какое вам дело... до моего брака? Кем вы вообще являетесь в этом королевстве?" Джон Нокс возразил: "Рожденным в нем подданным, мадам. Хотя в нем я не граф, не лорд и не барон, однако Бог соделал меня (сколь бы я презренным ни был в ваших глазах) полезным в нем гражданином". Вот так мы с ней пикировались. Но она была француженка, по воспитанию и по своим манерам, а я – мужланом из захоlustья. Она делала меня, как ребенка. Посмеивалась надо мной все время.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Шотландский апостол. Так меня назвал Джеймс Мелвилл. Есть пророки в своем отечестве!

Щорс. Сюда не относится. Приведено более для шутки.

Элизабет. Арестовала и казнила Марию Стюарт. Голову Марии снесли только с третьей попытки (*у палача дрожали руки*). Потому что до этого момента рубить головы королям не дерзал никто. Это уже потом наострились, по проторенной дорожке.

Юность. Родился в бедной семье, выучился на католического священника, был учителем в семействе Дугласов.

Я сам. В том воплощении – был низкого роста. Зато с длинной бородой. Гном-Тихогром готовый. Как я поместился весь, в это тщедушное тельце – загадка.

49. Две женщины - в одном сердце. Это возможно?

Начало июня 2008 года, пятница, поздний вечер. Глория – плачет. Она не хочет, чтобы Фома видел ее слез. Поэтому – зарывается в подушки, прячется под одеяло, отворачивается. Плачет тихо, не всхлипывает.

А Фома – лежит рядом с ней на кровати и не знает, куда себя деть. Ждет, когда Глория перестанет плакать. Ему тошно, как и ей.

- Это неправильно, - говорит Глория наконец. Встает, выходит в ванную, споласкивает лицо. Возвращается, ложится. – Если у тебя с ней – все, то ты не должен ее возить на работу. Должен прекратить отношения.

- Я и прекратил, - говорит Фома. – А что вожу, так это чисто технический момент. Мы работаем в одной фирме, живем через два дома. Я же не жлоб, и мне нетрудно.

- Дело не в этом, - говорит Глория. Вздыхает. – Не надо меня парить. А дело в том, что ты до сих пор ее любишь. И что мне с этим делать, я не знаю. Не знаю, какое мое место во всем этом раскладе.

- Мне незачем парить тебя, - говорит Фома. – Мы с Женей расстались, расстались по ее инициативе, три месяца назад. Я полюбил ее, как только пришел в Корпорацию. Это приличный срок, уже два года кряду. И должно пройти время, чтобы все улеглось. Года полтора, по моим оценкам. Я не могу этим управлять, это вне моей власти. Да и права не имею.

- Получается, - говорит Глория, - что ее ты любишь сердцем, а меня – только умом. И ты вечно делаешь одно и то же. Выставляешь сроки, строишь планы – а потом сам себя загоняешь в придуманные рамки, форматируешь свою жизнь. Зачем ты уродуешься так? Зачем ты себя насилуешь постоянно?

- Неправильно, - говорит Фома. – Просто у нас с тобой есть будущее, а у нас с Женей Калининой – его нет. А мое сердце – как коровье вымя, оно многое вместит. И врать тебе я не собираюсь. От тебя нужны две вещи: доверие и терпение. Я тебе всего не говорю не потому, что скрываю. А потому, что берегу тебя. И про вождение это не говорил до сего дня, чтобы ты не надрылась. Я считаю, что все эти наши тяготы переходного периода – в зоне

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

моей ответственности. Я сам должен выровнять тему, закрыть гештальт, подвести черту и начать жить заново. Это непросто, но я справлюсь. Просто дай мне время. Поддержи меня. Просто доверяй мне, в конце концов.

- И еще одно,- добавляет Фома. – Я больше не хочу, чтобы ты плакала. – Целует Глорию, прижимается к ней, щека к щеке.

- Ладно, Солнц, - говорит Глория. Вздыхает. – Давай спать. Поздно уже, а ты завтра работаешь. Хотя почему, завтра же суббота.

- Черная суббота, - поясняет Фома. – К праздникам добавили день, а субботу сделали рабочей. Спи, мурзилка-девочка.

- Спи, мурзилка-мальчик, - откликается Глория.

Они устраиваются на ночлег. Сначала нос к носу, а затем попа к попе. Фома сквозь сон понимает, что Глория не уснет. Возможно, она будет ворочаться. Возможно, еще всплакнет потихоньку. Потом – встанет, сполоснется, пойдет в кухню и будет до утра сидеть в своем ноутбуке и курить. Будет думать, собирать ли ей вещи или же не горячиться, переждать какое-то время, разобраться в ситуации и в себе.

Во всяком случае, он-то знает, что ему делать завтра. Прямо с самого утра.

50. Отрывок из дневника Фомы. Жемчужина

Соломон, Андрей Боголюбский, Сандро Боттичелли, Якоб Беме. Что общего между этими четверьмя персонажами? Первое: это одна и та же душа. Второе: они инволютированы от одного и того же эгрегора – эгрегора Святой Софии, Вечной Женственности. Они еще не готовы сказать слова, произнесенные пастором Мэтью Фоксом в наши дни: **«Бог – это не только Отец, но и Мать»**. Но они понимают и принимают этот тезис – всем сердцем. Они явно готовы трансформировать Троицу: вместо формулы Отец-Сын-Дух – сказать напрямую, как оно и есть на самом деле: Отец – Мать – Дитя.

Соломон придумывает пентакл, пишет «Песнь Песней». Андрей Боголюбский восстанавливает на Руси богородичный культ. Боттичелли, – его полотна говорят сами за себя. А Беме – напрямую поминает Софию в своей «ХристоСофии». Читал ли Беме апокриф «Пистис София»? Это вряд ли. Но возможно, он **писал** этот трактат, пару десятков летней тому назад.

По временам я беру так называемую «выходную жизнь». Это когда перенапрягаешься в текущем воплощении, и хочется перекурить, при этом не выпадая из мирового процесса. К таким воплощениям я отношу:

- Патриарх Константинопольский Иоанн III Схоластик - после Теодориха Великого. Ничего особенного: переключался рукописи из тумбочки в тумбочку, любил библиотечную работу.
- Якоб Беме – после Джона Нокса. Был пастухом, потом стал сапожником, потом – философом и писателем. Смахивает на пророка Авдия, который тоже начинал пастухом (намеки?).
- Карло Гоцци – после царевича Алексея Петровича. Этот – с корабля на бал, из пыточного каземата – прямо в сказку, на карнавал.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Обычно менеджеры по карме идут навстречу – и дают отдышаться. А потом – снова в бой. Их любимая присказка: жатвы много, делателей мало.

Но вернемся к Беме. София навещает его, как Беатриче Данте в иллюстрациях Боттичелли:

София свидетельствует о душе Беме как о возлюбленном Своем женихе. Она говорит о том, что готова верить жениху самое ценное, что у нее есть – жемчужину. Но она сожалеет, что жених не готов принять жемчужину, что он «пренебрег ею во Адаме». Эта жемчужина – его, но, приняв ее теперь, жених помрачит жемчужину, и она испортится. Поэтому Дева-София требует от жениха чистоты и подвижничества. Она говорит: «Ты корень дерева, от коего все ветви в тоске должны рождаться; но я проникну чрез твои ветви в сок их и рождаю плоды на твоих сучьях, а ты сего не знаешь. Всевышний повелел мне таким образом жить с тобою и в тебе».

Читать это тяжело. Беме пишет путано, невнятно. Гегель (*сам сложный до безобразия, одна «Философская пропедевтика» чего стоит; нормальный человек так свою работу называть не станет*), сравнивая меня с Ариэлем из шекспировской «Бури», пишет: «Так и великий дух Бёме застрял в твердом узловатом дубе чувственного мира, в крепком узловатом сросстке представлений, и не может прийти к свободному выражению идей». Это – голая правда, Георг. Но правда также и то, что уму писания Беме недоступны. Они – та самая сохраненная жемчужина, что открывается лишь чистому пытливому сердцу. Надо подняться над словами – и войти в резонанс с правдой, сокрытой в глубине этих слов.

Мы говорим «Бог то», «Бог се» - и думаем, что мы ухватили умом какую-то сущность, что-то поняли о Боге. На самом же деле, «Бог» - не более чем зеркало наших собственных идей, не более чем категория, и каждый волен вкладывать в нее собственный смысл, тут согласия нет. Чуть-чуть приподними завесу, - и откроется **Бездна (Ungrund)**, нерасчлененное бессознательное Ничто, Которое является первоосновой всего сущего. Из Ничто выходят «Бог» (Субъект) и «Тварь» (Объект). Какими же мыслями или категориями сможем охватить Субъект, никогда не бывший Объектом? Никакими. Только сердце может почуять родство, Дом.

Мистики – народ особый. Иногда они прорекают то, что по местным меркам заслуживает костра. Ангелус Силезиус утверждал: без меня Бог не полон. Как вам? Беме тоже всю жизнь проходил в еретиках. А Квирина Кульмана, который стал пропагандировать свое учение, основанное на идеях Беме, в Немецкой Слободе города Москвы, - сожгли по царскому указу. Мистика, пророчества – всегда были на подозрении у церкви, об этом хорошо пишет Бердяев. Но, вне связи с живым мистическим опытом, вне связи с откровениями и пророчествами – церковь окостеневает. Становится невосприимчивой к правде. Ей кажется: все истины

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

выкуплены, все земли открыты, и большего ничего не надобно, знай исполняй закон Божий – установления, регламенты, инструкции. Фарисеи времен Христа думали в этом же ключе. Просчитались. Наши, разумеется, унаследовали от фарисеев все самое худшее. В том числе, тупость, умноженную рвением. Приди Христос сейчас, – они не узнают Его. А узнав – распнут.

Беме – до мозга костей пантеист. Видит Бога во всем, как Душу Твари. Припомним Бхагавад-Гиту по этому поводу: «Всякий посвященный видит одними глазами ученого брахмана, слона, собаку и собакоеда». А разве не так?

Тихая жизнь – тихая смерть. Давно такой не было. Я долго метался в горячке, потом пришел в сознание. Зову сына Товита. Спрашиваю, слышит ли он прекрасную музыку, что раздается вблизи. Он говорит: нет. И тогда я понимаю, что это Царствие Небесное спускается ко мне. Спрашиваю, который час. Говорят: два. Говорю: у меня еще три часа. Молюсь, делаю распоряжения по рукописям и в 5.45 отдаю душу Богу. И – улетаю за обещанной жемчужиной, к Деве-Софии. Считаю, заслужил.

Последние мои слова: «Итак, я еду в Рай».

51. Два солярных креста

Конец мая 2008 года, город Владимир. Глория и Фома поехали в свое первое совместное путешествие. Предсвадебное, потому что Фома сделал Глории предложение, и она его приняла. В этой связи, оба они сейчас заняты подбором свадебных колец в местном универмаге на центральной улице.

- Я хочу, - говорит Глория, - чтобы это было что-то необычное. Не просто обручалки, а перстни, например. Мы же не инкубаторские.

Фома соглашается. Уже четвертый раз они обходят универсам сверху вниз и слева направо. И пока ничего не находят. На робкое предложение Глории отложить вопрос до Питера Фома отвечает решительным отказом.

- Это должно произойти здесь, - решительно заявляет он. – Тебя торкает, меня торкает. У меня Боголюбским, у тебя – заведомо рядом, надо покопать. Мы ищем свидетельств от земли, которая нам дорога. Условно говоря, мы ищем венчания.

Проходит еще полчаса в поисках. Ребята уже было отчаялись, как вдруг:

- Ну-ка, глянь сюда. – Глория подзывает Фому к лотку. – Вот на эти перстни. Солярный крест, и аккуратно есть твой размер. Давай померяем.

- Мне очень нравится, - заявляет Фома. – Необычно.

<p>- А посмотри рядом, – указывает Фома. – Немного другой по дизайну. Но все равно – выраженный солярный крест просматривается. И белое золото.</p> <p>- Меня как раз прикалывает белое золото, - радостно подхватывает Глория.</p>	
---	---

Через полчаса Глория и Фома выходят из универмага, довольные, как сцепленные хоботами слоники. Дело сделано.

- Такое впечатление, что эти перстни поджидали нас здесь, - говорит Глория. – Только твой и мой размеры, причем по одному экземпляру всего. Знак?

- Ясен перец, - подтверждает Фома. – Ну что, ужинать?

- Угу, - говорит Глория. Прижимается к Фоме. – Я змэрзла як цуцик.

- Потому что ты мерзлячка кисловодская, - комментирует Фома. Ускоряет шаг. – Ну тогда в «Трактир». Давай определимся, что у нас на завтра. Я предложу, ты поправишь. Подъем в восемь утра. Дебильный положняковый завтрак. Потом на такси едем в Боголюбово. До Нерли и обратно – два часа на все. Обратно возвращаемся на попутке, до автовокзала. Автобусы в Суздаль ходят каждые полчаса. Ожидаемо это будет где-то час дня. Соответственно, в два мы в Суздале. Световой день заканчивается часов в шесть, так что у нас будет четыре часа, чтобы погулять и все осмотреть. Маловато, но мы уложимся. Как только стемнеет, - возвращаемся во Владимир. Гуляем по центру города. Потом ужин и всякое такое.

- Ты в Госплане никогда не работал? – спрашивает Глория Фому. – Впрочем, я довольна планом. Особенно пунктом «всякое такое». Принимается!

Утро следующего дня. Погода, на удивление, нетипично холодная. Дождик, ветер. Но Глория и Фома не склонны унывать. Они идут по дороге, мощеной брусчаткой, от железнодорожной станции «Боголюбово» в сторону храма Покрова Богородицы на Нерли, через бескрайнее поле. По временам они останавливаются и устраивают фотосессию. Фома был здесь полгода назад. А первый раз он попал сюда в 1987 году. Тогда дороги еще не было, а была тропинка.

- Да, я сжег Киев, - говорит Фома. – Его надо было сжечь. Потому что эгрегор, управляющий тридцатым меридианом, для себя определил, что Киев больше не годится как столица Руси-России. Вырождение, точно такое же, как и в случае Константинополя. Перестает город выполнять миссию, власти и духовенство охреневают, обряжая себя в пурпур и виссон, – тут же функция столицы отнимается и передается на временное хранение. От Константинополя – к Киеву, от Киева – к Владимиру (временка), от Владимира – к Москве (опять временка), от Москвы – к Питеру. Потом опять к Москве, но это тоже временка, и нужно задумываться о северной столице, неподалеку от норвежско-китайской границы. Порт Вадсе. Если, конечно, не переинвольтируем Питер.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Питер перспектив не имеет, - возражает Глория. – Он уходит под воду, в связи с глобальным потеплением. Как там в пророчестве: «Петербургу быть пусту». И я решительно против Вадсе, я окоченею там. Предлагаю перенести столицу России в Кисловодск.

- Мысль правильная, - говорит Фома. – А на каком меридиане у нас Кисловодск?

- Не могу знать, - Глория отвечает.

- Поэтому сначала сверься с глобусом, - наставляет Глорию Фома, - а уж потом делай предложения планетарного масштаба.

- Смотри, - Глория вытягивает руку. – Нерли в лесах ... О чем это говорит?

- О чем? – Фома не догоняет.

- Что там люди работают, - поясняет Глория. – Что храм открыт, и мы в него попадем. Повезло нам сегодня!

И правда, храм открыт, и через него идут экскурсии, одна за другой. Храм недавно побелен, иконостас еще не сформирован, и лишь две иконы – Христа и Богородицы – предваряют алтарную часть. Наши паломники, смешавшись с толпой, осматриваются. И тут:

		
<p>- Посмотри-ка на орнамент внизу обеих икон, - негромко говорит Фома.</p> <p>- Видимо, этот узор – базисный в 12-м веке, - говорит Фома – Храм Успения записан солярными крестами по переходам, и тут явно было то же самое. Византийский след.</p>		<p>- Да вижу я, - отвечает Глория. – Фантастика.</p> <p>- Получается, что нас встречают, - говорит Глория вдохновенно. – И нам рады. Если где и венчаться, то я согласилась бы только здесь.</p>

52. Апостолы ругаются

53.1. Павел – Фома (фрагмент ICQ-чата)

*Апостол Павел, апостол Фома
Спорили друг с другом, что такое тюрьма.
Один был снаружи, другой был внутри.
Победила дружба – их обоих распяли – слишком много любви!
БГ*

Павел. Есть два варианта будущего, это не ясновидение, это мое личное умозаключение (и у меня был сон). Светка не при чем. 1. Либо каждый поймет именно свою вину в христианстве и исправится, тогда, после признания нами личных ошибок христианство как религию САМ обновит. 2. Либо христианство ПЕРЕЧЕРКНУТ, как никуда не годное. Получится, что 12 + 70 уроков переврали все, что можно. Не дай Бог этого!

Фома. Возможно, не отрицаю.

Павел. Ко мне однокурсница приезжала, ночью стриж подбитый бился в дом - пустили.

Фома. Плохой знак ... пусть бы там и оставался. Птица в дом - к покойнику

Павел. Это ты как человек сказал. А как член духовного царства - я птицу откормила и отогрела на руках Галя - тоже. Выпустили, когда лететь смогла. Радовались. А кому пора помереть - и слава Богу! Все, пошла к племяннику сидеть.

Фома. Всем птицам этого земного шара не поможешь. Как и осетинам, которые сейчас в Цхинвали под бомбежками гибнут, как мухи. Это я тебе как человек говорю. Все, разбежались. Успехов у племянника!

Павел. А всем и не надо. Той, которая к тебе пришла - послана Богом. Пока.

53.2. Фома – Павлу (письмо)

Привет, Ира. Отнесись и ты серьезно к моим словам.

1. Свет не сошелся клином на Бейли, Кастанеде и Рампе, я тебе уже говорил. Есть Даниил Андреев, есть Авессалом Подводный, есть Стив Ротер с Группой, Лазарев и другие люди. Нежелание принимать их в свою модель - это твое личное дело, а не мое. Поэтому твои отправки меня к Бейли и Кастанеде - несостоятельны. Я, формулируя свою модель, исхожу из своих собственных соображений, из своих интуиций, из своего чутья, из накопленного материала и его анализа. Моя модель может не совпадать с твоей, но из этого не следует, что твоя правильная, а моя нет. Откуда такая самоуверенность, я в толк не могу взять?

2. Твоя попытка заткнуть мне рот, довести меня до уровня экономиста - звучит оскорбительно. Давай я тебе скажу: Ира, сиди в няньках у племянника, вяжи - и не суй носа в высокие материи. Тебе будет приятно?

3. Насчет инвольтации Сатаной - я тебе тоже уже говорил: внимательнее следи сама за собой, под какими эгрегорами ходишь, какими силами водишься. Хватит расставлять диагнозы. Ты что, впрямь обладаешь даром различения духов? Я не уверен в этом.

4. Насчет нашего дела. У тебя и у меня - совершенно разные представления о том, что и как нужно делать, каким темпом, в какой последовательности. Не имея ни от тебя, ни от Светы содержательной помощи в апостольской теме, я вынужден действовать на свое усмотрение, на свой страх и риск. Ты считаешь, что водишься Христом и Иерархией - поэтому вправе диктовать сроки и порядки. Я решительно не уверен в том, что это так и есть. У меня появляется впечатление, что тобою рулит какой-то паразитарный эгрегор, прикидывающийся Христом и Иерархией. Его цель - сунуть нам палки в колеса, сурово притормозить нас, не дать нам шанса выполнить именно ту задачу, к которой мы призваны, указать нам ложный аэродром для посадки. Я ловлю сигналы от тебя - и вижу, что они противоречивы в сути своей. Как будто из одного отверстия течет сладкая и горькая вода. Что-то тут не так.

Резюме такое. Давай каждый действовать в меру собственного понимания. Давай избавимся от обоюдных оценок, хватаний за рукав и указивок. Если все пойдет так, как оно идет, то кончится все разрывом отношений. А это против командного духа, против миссии. Припомни сказанное тобою же Павлом: "Духа не угашайте. Пророчества не унижайте".

А.

53.3. Фома – Зилот (фрагмент ICQ-чата)

Фома. Когда кто-то (он или Ира или еще кто-то) обвиняют меня в сатанизме, меня это начинает бесить. Пусть сами для начала разберутся, на какой эгрегор они шпилят. Если Ира будет продолжать в таком же духе, я выйду с ней из общения нах. Меня ее вековая иудейская правота, эта Бейли как икона, ее нетерпимость к чужому мнению, не совпадающим с ее собственным - затрахали реально.

Зилот. Ты сейчас говоришь, так же как и много веков назад... тебя что более 1000 лет не научили терпению?

Фома. Точнее, 2000 лет.

Фома. Это кармические программы выходят. Когда она Евсевием Кесарийским заняла неправедную сторону Константина, против Ария - меня это тогда сразило напрочь, как я сейчас интуитивно припоминаю. Голимое предательство. Видимо, это все горечь накопленных претензий. Как Петр Павла в телепатическом мосте регулярно на хер посылает, так и я.

Фома. И холуем я его не зря обозвал, когда царевичем Алексеем ругался с Петром. Такая же реакция. Аллергия. А у нее, от вековой кармической трусости – почки летят, из жизни в жизнь. Тысячелетиями копила – и накопила. Как и все мы, впрочем. У меня вон кровь. Преступления против любви, значит.

Фома. Ну кто может стеречь одежды побивающих камнями Стефана? Самый натуральный холуй. Мочить христиан ревностно, а затем так же ревностно проповедовать Христа? То же самое идеологическое холуйство, неразборчивость. Сейчас за Бейли, Кастанеду и Лобсанга Рампу готова горло перегрызть кому угодно. Все время пристраиваться при дворе у великих,

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

записывать за ними всякую лабуду, поддакивать им то и дело ... Что это за кармическая ботва вообще?

Фома. Я удивляюсь, как этот человек умудрился стать Франциском Ассизским, которого я так обожаю, за которого я готов был умереть не задумываясь. Не укладывается в голове.

Зилот. Смотри, что такое сатанизм? это когда человек ставит между собой и Единым Богом знак равенства и тождества... человек не Единый Бог, человек ПОДОБИЕ Бога, что означает подобие? - нет определения, но реально и фактически человек явно слабее Бога по всем параметрам...

Зилот. Дьявол есть все-таки живое существо - шайтан шайтанов, глава Бесов,.. да как хочешь так и назови, суть не изменится... он тоже Богом был создан, как он им стал я не знаю, но информация (Лазарев подтверждает это, зря не соглашаешься с ним), что он поставил себя в башке своей выше Бога, решил мозгами что он умней, и т.д. Вот в этой истории у нас и идет непонимание...

Зилот. Чтоб решить будущие проблемы надо знать откуда они появились, а у нас они идут от различных трактовок реальности бытия, так чтоб не было раздоров - НУЖНО картину МИРОЗДАНИЯ нарисовать... чтобы мы говорили одними терминами, одними понятиями, вкладывали в эти понятия ОДИН смысл и суть... только тогда мы сможем реально разговаривать друг с другом на равных.

Фома. Да, в этом суть. И в том, чтобы признавать частную правоту другого человека. Мы – никак не научимся. Если из космоса посмотреть на наши дразги – то это будет просто джаз, клоунада. Наверное, старшие ржут с нас там, на тонких планах, животики надрывают.

53. Кронштадт. Дядя Ваня рулез!

- Подожди меня немножко, - говорит Глория. – Буквально пятнадцать минут. Можешь погулять, осмотреться.

Кронштадт. Фома в гостях у Глории. Глория показывает Фоме город и параллельно делает свои дела. Сейчас они припарковались на заднем дворе большого Никольского морского собора, неподалеку от здания инженерной морской службы.

- А вот и я, - Глория не замедлила вернуться. – Никого нет на месте, заеду к ним завтра.

- Взгляни-ка, - Фома тычет в небо, в сторону купола. – А крест-то солярный.

- Еще бы, - подтверждает Глория. – А каким же еще ему быть.

- То есть? - уточняет Фома.

- Иоанн Кронштадский утвердил этот крест в начале прошлого века, - поясняет Глория дежурным голосом экскурсовода. – Он умер в 1906 году и открытия собора не дождался. В начале девяностых годов встал вопрос о кресте на собор. А я как раз в ту пору активно

православничала, была близка к церковному руководству. И, как только я услышала об этой затее, – сразу предложила свои услуги в качестве художника. И мне поручили. Я полезла в архивы, нашла фотографии, восстановила первоначальный замысел. Затем уже другие люди спроектировали и произвели этот крест. А при установке был скандал: лопнул установочный трос, и крест полетел вниз. Сломался, конечно. Они сделали новый, точно такой же. И, вроде, стоит. Собор вообще многострадальный. Чего там только не было при советской власти: и клуб, и кинотеатр, и склад. Ограда у собора очень любопытная. Она вся утыкана солярыными крестами. Причем крест и ограда проектировались в одно и то же время, что характерно.

- А чего ты мне раньше этого не рассказывала? – изумляется Фома.

- Повода не было, - отвечает Глория. – Вообще с отцом Иоанном много точек пересечения. Начну со смешного. Первый мой велосипед, который я выбрала себе в Кисловодске, назывался «Сура». Меня еще спрашивали потом, почему «Сура», когда был «Орленок» и любой другой, заведомо лучший. Не знала, что и сказать. Только потом узнала, что Сура – это место рождения Иоанна Сергиева, на Севере. Ну и потом пошло-поехало. Как только переехала жить в Кронштадт – сразу занялась отцом Иоанном вплотную. После того сна, с его участием. Первая моя квартира была в доме, напротив того дома, где он всю жизнь прожил. Подруга моя и до сих пор живет в его доме. Когда я узнала, что сохранилась квартира – подписала знакомого риэлтора, и вместе с ним мы эту квартиру расселили. Сейчас там музей. Я там даже экскурсии водила несколько раз. А теперь там еще и памятник.

- Забавно все это, - говорит Фома. Он напряженно размышляет. – Памятник, говоришь? Надо взглянуть.

...Уже через несколько минут Фома и Глория стоят на углу Андреевской и Посадской улиц. Обступили памятник с разных сторон, размышляют.

- Что характерно, - отмечает Фома первым делом, - в основании памятника лежит солярыный крест. Ангелы шутят, и, чем дальше, тем заковыристей.

- Они всегда так, - вторит Глория.

- Ну-ка повернись, - требует Фома. Разворачивает голову Глории в профиль, сличает с памятником. – Хм. Интересное кино. Одно могу сказать – хм. Надо собирать фотографии – и Светке, на утверждение. Для полной ясности – надо порыться в рядом стоящих людях здесь, в Кронштадте. Кто-то обязательно перекочевал. Время не такое далекое, фотографии должны остаться. Как у Светки в Зелике. Она постоянно натывается на публику, которая была рядом с ней в ее прошлых воплощениях. Буквально шагу ступить не может, чтоб кого-то не узнать. Здесь должно быть аналогично: анклав, остров.

- Тогда и образец почерка посылай, на сличение, - говорит Глория. – Я, когда рукописи Иоанна изучала, поймала себя на том, что есть похожие буквы. Уже потом, когда поставила себе несколько почерков – смогла превосходно имитировать его манеру письма. Вплоть до завитушек на заглавной букве «В».

54. Глория видит сны – и пересказывает их Фоме

Смерть отца. Через несколько дней после его смерти.

- Я увидела этот сон в Питере, - рассказывает Глория. – Действие сна разворачивается в Кисловодске, в маминой квартире. Отец зовет меня к себе. Говорит, что там будет лучше. Я решительно отказываюсь, мне страшно. Вижу маму, она на кухне готовит. И брат, он спит в комнате. Такого никогда не было, чтобы брат приходил и спал у мамы, он живет отдельно. И я кричу брату: «Миша, Миша!», зову его на помощь. От страха просыпаюсь. Тут же звонок из Кисловодска. Брат. Оказывается, он действительно пришел с работы в мамину квартиру и решил прилечь. А во сне почувствовал, что я его зову. Проснулся. Испугался, набрал мой номер. Представляешь?

- Вот он, астральный контакт в чистом виде, - комментирует Фома. – Без примесей.

Переход через горы. После обсуждения темы с Теодорихом Великим.

- Я вижу тебя на коне, - рассказывает Глория. - Ты руководишь войском, большим войском. И мы движемся явно где-то в горной местности. И у меня полное ощущение, что ты ведешь войска не в ту сторону, что совершается какая-то ошибка.

- Переход через Альпы в Италию, - комментирует Фома. – Долго шли, плутали, я вел армию 100 тыс. человек. Пока не добрались до Равенны. Ты – Тиудигото, дочь.

Избиение монаха. В Римини, сразу после посещения Падуи.

- Я вижу, как двое монахов волочат третьего монаха, - рассказывает Глория. – Бросают его на землю, а потом начинают избивать плетьюми. Я вижу это собственными глазами, и мне ужасно больно за этого человека. Видимо, дело происходит в монастыре.

- В житии Антония Падуанского, - комментирует Фома, - приводится такой случай (вычитал у Хунермана). Антоний и его друг Лука Беллуди попали в монастырь в Мессине, инкогнито. Их там припахали заниматься сельским хозяйством. Однажды настоятель уехал и оставил Антония за старшего. А воды поблизости не было, и тогда Антоний решил выкопать колодец. Выкопали, нашли чистую воду, обрадовались. Приехал настоятель, разорался. Типа, Христос не рыл колодцев в пустыне. Идиот! Решил Антония наказать за самоуправство – побить бичами. Вот эту картинку ты и видела. Будем тебя на Луку Беллуди скоблить, однако.

Венецианский парик.

- Вижу тебя в Венеции, - рассказывает Глория. – Ты непохож на себя (особенно нос), но это ты. Запомнился парик – красивый такой, белый, взбитый, напудренный. Ты разговариваешь с какими-то знатными особами, но меня наотрез отказываешься с ними знакомить. И меня это бесит.

- Похоже, придется пересматривать какие-то позиции в уже найденном, - комментирует Фома. – У нас на Теодору Риччи проходит Арина Сиропченко, но теперь у меня сомнения. Особенно с учетом той оговорки, что твой бывший муж заснул на спектакле. Это – подсказка!

Отравили, гниды.

- Я – Шарлотта-София, твоя жена Алексеем Петровичем, - рассказывает Глория. – Вижу себя женщиной очень умной, хотя и молодой. Будущей государыней Российской империи. Интенсивно учу русский язык. Понимаю, что смогу очень помочь тебе, когда взойдешь на престол. Принять правление – и не испортить того, что успел твой отец. Но – меня останавливают, травят. Дают имя отравительницы – Варвара, рядом с Меншиковым.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Варвара Арсеньева, - комментирует Фома, мгновенно справившись с Интернетом. – Свояченица Меньшикова, сестра его жены. В большом доверии у Петра и у Екатерины Первой, выполняет все ее поручения. После опалы Меньшикова – отправляется в монастырь. Ясно, что из ближнего круга.

- Не хотите Женю Калинину поскрести на Варвару? – язвит Глория. - У нее со Светкой, я так поняла, вась-вась.

Мысли Петра.

- Я вижу Петра, - рассказывает Глория. – Вижу его сначала со стороны, он сидит в кресле, уставший, уже в возрасте, непохожий ни на один из своих портретов. А затем я как бы начинаю читать его мысли. И читаю, что он в полной растерянности, удручен. Он понимает, что дело, затеянное им, гибнет. Что ты, его сын, распылишь все его труды. И только потому, что ты слаб, безволен, легко поддаешься влиянию других людей. Своей матери-затворницы, своих дружков-собутыльников. Империя на грани развала, а передать дело некому. Не на кого опереться, не на кого оставить дом. Я просыпаюсь, и мне хочется плакать, - оттого, насколько горьки его мысли, и насколько я разделила их правоту.

- Потому что не надо самому головы рубить стрельцам, - комментирует Фома. – И меня хлестать кнутом на дыбе. Для этого есть специально обученные люди. А то, вишь, не на кого ему оставить. Сатрап.

55. Отрывок из дневника Фомы. Фашисты - любовь моя, боль моя

Я сижу в корпорации «Элефант» и кропаю аналитический отчет. Третья симфония Брамса в наушниках у меня. Я слушаю и понимаю: если бы Брамс написал эту тему при моей жизни Шуманом, я бы перестал писать. И уж, конечно, не связывался бы с Четвертой своей симфонией. Не имело бы смысла.

Меня не особенно волновала связь Иоганна и Клары, моей жены (*сейчас – Женя Грекова, актриса*). Она была хороша, ей не хватало мужского внимания. Брамс был талантлив, горяч, рвался занимать новые высоты. Я дорожил присутствием Брамса рядом, во всех случаях. Он был мне другом, моим учеником, а потом и учителем. Он опередил меня.

А сколько мы пережили совместно в Венеции, когда он был Сакки, а я – Гоцци. Сколько бессонных ночей провели мы вдвоем, за бутылочкой кьянти, обсуждая наши постановки, репетируя, вводя новых актеров на роли. А затем, уже под утро – обряжались в маскарадные костюмы и неслись на Сан-Марко, к Лагуне. Там снова пили, балагурили, распевали похабные куплеты про правительство, подбивали клинья к незнакомым девицам (*всечасно рискуя заработать триппер*). Включали бесячку, что называется. Сакки боготворил меня, я платил ему преданностью. И все у нас выходило на самом высшем, все удавалось. Мы были любимы Венецией, мы были ее верными детьми, ее конфиденентами, хранителями самых главных ее тайн.

И тем более странно было осознать (*на тонких планах, сразу же после расстрела, во время войны*), что мой самый близкий друг, по множеству жизней, – палач. Фашист, гестаповец. Типа, Холтофф из «Семнадцати мгновений». Маленький, тихий, вкрадчивый. Но – умеющий очень больно бить. Собственноручно сломавший мне несколько ребер (*а нашей радистке «Ире Барановой» – руку*). А теперь его зовут Петя Ушков. Мы дружим, уже четверть века

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

(в этом воплощении). Когда-то гуляли с одной и той же девушкой, но это давно в прошлом. Играли в народном театре. Хоронили общих друзей. И снова души не чаем друг в друге.

Или – Женя Калинина. Абвер, мужчиной. Пересекались. Вероятно, вместе работали на программы «Аненербе» по созданию нового оружия. Ее сестра Лида – тоже абвер. У Жени был младший брат. Теперь это моя бывшая жена Аня. Она же – Сара Колман, рядом с О.Генри. Наш сын – фашист. Его отчим – тоже фашист. Наши духовидцы вспоминают его угрюмым алкашом.

Я понимаю: заходя разведчиком в абвер на границе Германии и Польши, еще до начала войны, я был готов взять жизни этих людей, в обмен на нашу победу. Я втирался к ним в доверие, добывал сведения. Используя их, подставляя их под вожжи, я потерял в них людей. А они – во мне и в таких, как мы, – не видели людей никогда. Мы все – наши, фашисты – попали в запутку; и выходом из этой запутки явилась наша коллективная смерть. Искупается ли это одной жизнью или одной смертью? Категорически не уверен.

Дима Шестаков, он же Пиглет. Друг, фашист. Попивал, балагурил, любил женское начало. Сейчас тоже с удовольствием слушает фашистские марши на своем компе, они его бодрят. Зато его жена в этом воплощении – разведчица *(наши помнят ее на Лубянке, перед заброской)*. Дружим, сотрудничаем.

Знакомые девицы: Настя Мельниченко, Лена Вазич. Настя – гестаповка. Допрашивала меня – и тоже била, не давала спать. Лена Вазич – абвер.

Рядом с Ирой Барановой – муж и дочь. Муж – Харменс, отец Рембрандта, а заодно и фашист. Дочь ее Анна – фашист, мужчина. «Ира» спала с «Анной» - за сведения.

Итак, мы окружены фашистами, как ульи пчелами. Мы – любим друг друга, страдаем друг от друга, копим впечатления, взаимодействуем, прозреваем по поводу главных моментов жизни. И мы выкупаем главную истину: жизнь – это маскарад, это перманентный театр, где тысячи постановок реализуются одновременно. Сегодня наши близкие играют фашистов – для нас. Завтра фашистов будем играть мы – для них. Мы будем стучаться рогами в одни и те же ворота, наступать на одни и те же грабли. И, чем больше мы поверим в наше фашистское счастье – тем больше наломаем дров, тем больше прольем крови. Наши мученики в Аушвице будут кричать истошно во время опытов по замораживанию. А мы будем включать погромче патефон с классической музыкой. Так делал Менгеле, так делал и Хирт. И они тоже были людьми. По крайней мере, навскидку.

Я перечитываю «Майн Кампф», пролистываю журнал «Остара», материалы общества «Туле» *(сейчас в Интернете можно найти все)*. И внезапно вижу картинку: люди глядят на солярный крест, висящий в небе *(руна солнца в движении)*. И мне физически больно наблюдать, как этот крест плавно трансформируется в кривоконечную свастику. И с какой легкостью эта свастика всасывается затем в символический ряд фашизма, прокатывается по хребту человечества. Вот что такое инвольтация древними богами. Гиммлер, Йорг Ланц, Гвидо фон Лист, Карл Мария Виллигут – все они были инвольтированы одним и тем же эгрегором, эгрегором Гипербореи, однажды поверженным и жаждущим реванша. Перед завершением эона Рыб эгрегор Гипербореи нашел своих adeptов и собрал их вместе – с санкции Источника, надо полагать. Ибо нет ничего, что не от Источника. И началась война.

Грань между обывателем *(все мы)* и фашистом *(многие из нас)* – весьма тонка и условна. Каждого из нас можно заманить на демонстрации с транспорантами или на факельные шествия, научить нас любить Великого Сталина, Великого Гитлера, Великого Мао. Впустить

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

в свою кровь Третий Рейх или Третий Рим, какая разница. Заставить нас разлюбить какие-нибудь классы, какие-нибудь нации или расы. Заставить нас немного перестать быть людьми.

Поэтому те, кто из нас останутся людьми, чего бы это ни стоило, - должны привыкнуть к той мысли, что нам придется биться с фашистами и убивать их – в текущем воплощении. Высший пилотаж в том, чтоб, убивая наших фашистов, мы не переставали бы их любить. С расчетом на взаимность – когда фашистами, по нелепой случайности, окажемся мы сами.

56. На смерть поэта

57.1. Глебов

В кабинете президента корпорации «Элефант» Михаила Светикова сидят двое: Светиков (*Нафаня*) и Резанцев (*Фома*).

- Примеряй обновку на себя, - говорит Фома. (*Уже скоро год как Нафаня и Фома на «ты» друг с другом. Сначала слегка теснило, а потом стало удобно, для обоих*). – Это Глебов Михаил Павлович, секундант Мартынова на дуэли с Лермонтовым. Светка напоминает тебя рядом с собой на Дворцовой. Бегаете, кричите. Нашла картинку Ирка, Светка подтвердила. Я ей ссылку, она как заржет: «О, Нафаня!». Врубель идет через девять лет по датам. Непривычный разрыв, но в пределах нормы. Глебов ничем особым не прославился. Закончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, двумя годами позже Лермонтова. Был храбрым офицером, воевал, был тяжело ранен, потом убит – в чине ротмистра гвардии.

- Тут как раз зацепка, - подтверждает Нафаня. – Я в детстве много стихов писал, это было необычно. Когда со своей ясновидящей Еленой познакомился, спросил у нее напрямую: а не Пушкин ли я? Она говорит: нет, не Пушкин. Тогда, может быть, Лермонтов, спрашиваю. Амбиции-то еще те. Нет, говорит, не Лермонтов. Но был рядом с Лермонтовым, и вообще с этим человеком, с этой душой – много воплощений вместе. Так что ты, Саша, принес подтверждение из второго места, в очередной раз. И это очень важно – информация идет из двух независимых источников, одна и та же, и этим ее ценность резко повышается.

- Теперь надо сцену дуэли ковырять, - говорит Фома. – Если я правильно интуищу, то там – только самые близкие люди задействованы. Чужим людям свою смерть доверять – это неправильно. Смерть – дело интимное.

57.2. Васильчиков

В Мейл Агенте заседают Андрей и Фома.

- Давай допарим, - пишет Фома. – Итак, ты видишь Глорию рядом с собой на дуэли. А Мишу?

- Обоих, - подтверждает Андрей-Лермонтов-Света. – И Мартынова, конечно. Выстрел, я падаю, вижу Мишу и Глорию, они склоняются надо мной, что-то говорят друг другу. Миша плачет.

- Значит, Глория – Васильчиков, - пишет Фома, - без вариантов. Лови картинки, сличай.

- Да, - пишет Андрей. – Разительное сходство, обрати внимание. Разрез глаз, форма губ, вытянутое лицо. Он, просто постаревший. Тогда-то был совсем мальчиком. Как и все мы.

Глория и Фома ужинают.

- Светка подтвердила тебя Васильчиковым Александром Илларионовичем, с обновкой тебя, - говорит Фома. – Дай поцелую.

Глория милостиво позволяет поцелуй, и вручает Фоме в обратку такие же два. «Кушай, Солнц, остынет – будет обидно».

- Вот почему Кисловодск, - говорит Фома. – И отсюда же – твоя несусветная любовь к Лермонтову. Почитаешь его выше Пушкина. Это, на мой вкус, неправильно, но объясняет суть дела. Лермонтов – звезда, а вы с Нафаней – малюсенькие звездочки на его орбите. И вполне нормально стыкуется с Ирен Кюри, которая идет сразу за Васильчиковым. Светка не подтверждает тебя на Кюри пока, но у меня лично ни малейших сомнений не возникает. Фотографии вообще суперские. Мимика, жесты, даже волосы непослушные, как сейчас. И не забываем, что Даша Калинина – это Мария Кюри, твоя кармическая мать.

- Кто такая Даша Калинина? – интересуется Глория.

- Даша – дочка Жени, - говорит Фома.

Глория хмурится.

- Не желаю быть Ирен Кюри, - заявляет она. – И не желаю ничего слышать ни о Даше, ни – тем более – о Жене.

- Ты зря расстраиваешься, - говорит Фома. – Мы все – из ближнего круга. А в ближнем круге всяко человек сто-двести. Так что сближения неизбежны. Мы занимаемся наукой, а не любовными коллизиями. Если Женя пойдет на Пьера Кюри (*а такие догадки есть*), то она – твой кармический отец.

- Еще чего не хватало, - комментирует Глория. – Хотя это странно, - добавляет она, как бы себе под нос. – Всю жизнь я равнялась на Наташу Ростову и на Марию Кюри. Даже не догадывалась, что их две, Кюри этих.

- Но тут есть другая затыка, - продолжает Фома. – Васильчиков, которого подтверждает Света, и Ирен Кюри, которую Света не подтверждает, - нахлестываются по датам жизни на Иоанна Кронштадского, которого Света подтвердила раньше. И тут два варианта. Вариант первый: Света ошиблась в опознании дяди Вани на тебя. Вариант второй: мы сталкиваемся с феноменом параллельного существования одной души в двух телах. Ньютон, в принципе, подтверждает такую возможность. Пико тоже: у него в параллель идут Гарсия Лорка и Карлос Гардель. Здесь, конечно, нужны еще проверки, и с наскока дело не решить.

- А ты, - спрашивает Глория, - продолжаешь общаться с итальянцами?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Ну да, - подтверждает Фома. – Пико – славный парень, своему партнеру не чета. Мы мило болтаем, время от времени. Лорка всплыл только что: Пико скатался в Испанию, в Гренаду. А тут как раз проводили эксгумацию остатков Лорки, и его накрыло. Получается, неспроста поехал, карма позвала в дорогу.

- Я готова отказаться от гипотезы дяди Вани на себя, - говорит Глория. – Немного нелогично: получается, что я сама себе снюсь.

- Не будем пока ничего отрицать или принимать, - говорит Фома. – Тема сырая. Пусть Светка приедет, мы ее озадачим – и допарим. А потом: ничего нелогичного нет. Слишком уж много дядя Ваня места занимает в твоей жизни. Спроста ли?

57.3. Мартынов

Снова в Мейл Агенте заседают Андрей и Фома.

- Посмотри-ка на эти фотографии, - пишет Фома. – Ничего не говорят?

- До боли знакомое лицо, - пишет Андрей. – Кто? Никак не вспомнить. Причем недавно же видела.

- Мартынов Николай Соломонович, - пишет Фома. – Убийца поэта. Но это – только моя догадка. По сверке с единственной гравюрой. Лови ее тоже.

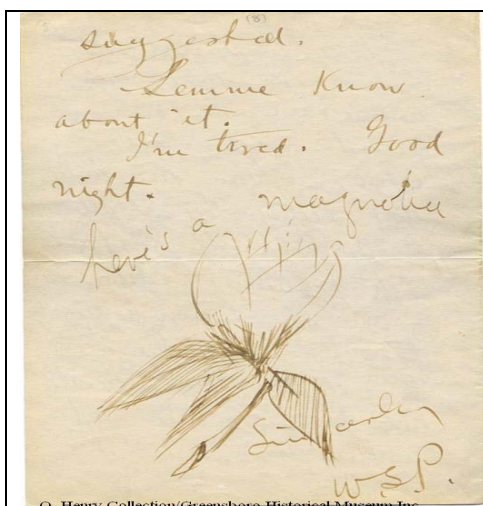
- Точно! – хлопает себя по лбу Андрей. – Отчетливо вижу его на дуэли, и до нее.

- Карма – странная штука, - комментирует Фома. – Рекомендую: Саша Глухов, троюродный племянник Глории, седьмая вода на киселе. Но – все время вместе, очень плотно. Переехал из Кисловодска, долго жил у Глории, потом снял жилье. Работает фельдшером, на скорой помощи. Характер мартыновский: очень ровный, но быстро закипает, если завести. И терпеть не может Лермонтова, органически не переваривает. Забавно, не так ли?

- Забавнее некуда, - Андрей подтверждает.

- Правильно он сделал, что тебя завалил, - Фома резюмирует. – Ты в ту пору был совершенно невменяемый, едкий, желчный говнюк. Гениальный поэтический говнюк. Все так и норовил кого-нибудь подколоть, зацепить. Вот и доподкалывался. А человек из-за тебя пятнадцать лет епитимью носил, в церковь его не пускали, оплакивал каждый день свой выстрел. Испортил себе остаток жизни начисто. А просто, получается, был орудием. Карму тебе подрихтовал децл.

57. Письмо с магнолией

- Это письмо О.Генри его жене Саре Коллман, - говорит Фома Глории. - Написано незадолго до смерти. Так называемое «Письмо с магнолией», лежит в музее Гринсборо.

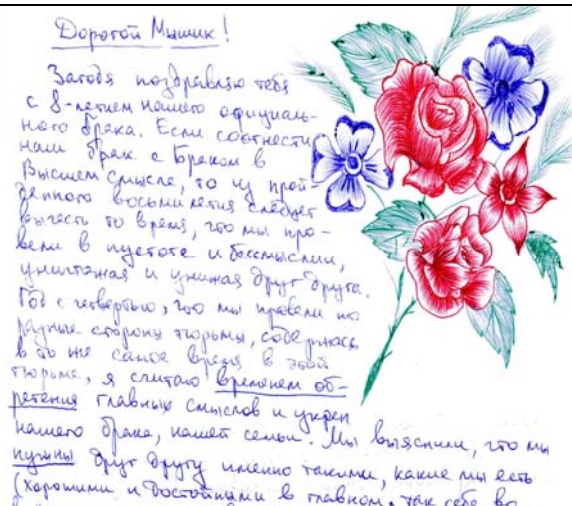
- А вот это мое письмо той же самой Саре, только несколько воплощений спустя, - достает Фома другой документ. - Писано из тюрьмы. Цветочек рисовали эски, за щепоть табачку да за кропаль заварки. Как говорится, найди десять отличий.

Глория внимательно изучает артефакты.

- Почерка похожи, - констатирует она. - Подчеркиваешь ключевые слова, и там, и там. Излагаешь логично, делаешь абзацы. Ну и цветочек, понятное дело.

- Вот на цветочек-то меня и пробило, - говорит Фома. - Лазал по сайту музея Гринсборо, увидел, и тряхануло меня. Но это только цветочек, самая ягодка-то впереди. Посмотри, что я пишу в конце письма.

Глория переворачивает лист и читает:

Это упрямство св. Фомы Неверующего (ему надо было непременно вложить пальцы в Раньи Христовы, дабы уверовать в Него). И здесь я пишу новым своим качеством, по вере поцелованным и высорадакиным, без всякого диктата ебать тебе, по вере в Бога Кесинного вполне предметна, целительна и в икю мицую это - единственный, что спасает от крушения, что доказывает тебе, что ты - жоты, а не темь бледная, не фиция, и что ты не один.

- Обалдеть, - говорит Глория. - Правда, ссылка на Фому Неверующего - она общепотребительная.

- Можно рассуждать о случайностях, - говорит Фома. - Но мы-то с тобой знаем: случайностей нет, а есть знаки.

58. Павел выбрался на волю

- Сначала к Ростовской, - командовал водителю Зверя, после того, как их джип свернул с Ленинградского шоссе. Они ехали от Керима Дадаева, из Посада. – Как ты, Мамочка?

- Да вроде ничего, - сказала Мамочка. – Зябко разве что, колбасит.

- Надо было раньше пожаловаться, что же ты, - посетовал Зверя. – Ничего, сейчас печку посильнее сделаем.

Джип пробирался к дому Ростовской дворами, мимо тесно припаркованных к поребрикам автомашин, по выбоинам в асфальте, по грязи, по лужам. «Все украли из дорожного фонда, - прокомментировал Зверя. – Совсем нюх потеряли».

- Так, - сказал он. – А это что за хрень.

Неподалеку от парадной, где находилась квартира Ростовской, припарковалась вишневая «девятка» с тонированными стеклами. Джип остановился. Зверя вышел из машины и бодрым шагом направился к «девятке». Постучал костяшками пальцев в стекло. Тут же стекло, движимое электроподъемником, опустилось.

- Привет, бойцы, - сказал Зверя. - Кто старший у вас?

- А в чем, собственно, вопрос? – спросил человек, сидящий на переднем сиденье.

- А в том, - сказал Зверя, - что вы уже затрахали здесь пасти, реально говорю. С вами уже говорено было, с руководством вашим, переговорено. А вам все не всосать.

- У нас приказ, - сказал человек на переднем сиденье.

- По херу ваш приказ, - сказал Зверя. – Две минуты вам на сборы. Потом пеняйте на себя.

Зверя вернулся в джип, достал мобильный.

- Влад, - сказал он через несколько секунд, - это «Альянс», Копылов. Непонятка. Почему опять у дома Ростовской наружку выставили? Вроде как решен был вопрос.

- Это соседний отдел, - сказал мобильный.

- Когда мы им глаз на жопу натянем, - наставительно произнес Зверя, - вы не разберетесь, где какой был отдел. Решите там у себя. – Отключился. – Ваня, - сказал он водителю, - если менты не сотрут, вызывай группу. Мы к Светке.

- Здравствуйте, тетя Наташа. – На пороге квартиры Светланы Ростовской гостей встречали дочери Светланы – Юля и Аня (*однажды – великие княжны Татьяна и Анастасия соответственно; дополнительно: Юля – апостол Матфей*). – Мама, тетя Наташа и дядя Андрей пришли!

- Щас, - сказала Ростова из кухни. – Проходите. – Мамочка и Зверя разделись, разулись, обрядились в тапки, прошли в гостиную.

- Светк,- сказала Мамочка с порога, - чаю поставь. А то мы совсем задубели. Не та погода, чтобы по деревьям мотаться.

- Вы у Керима были? – Ростова вышла из кухни. – Ну как он там?

- Лучше всех, - отвечал Зверя. – На свежем воздухе, фермер натуральный. Привет тебе передает. Но тебе пока туда нельзя, – Контора на хвосте. Вон, и сейчас у тебя под окном пасутся. Скоро в лицо будешь узнавать.

- Да я уже узнаю, - сказала Ростова. – Только что не здороваемся.

- А где именинница? – спросила Мамочка.

- Ирка-то? – уточнила Ростова. – В маленькой комнате, бланш гримирует. Ирк, вылезай!

Из маленькой комнаты вышла Ирина Баранова (*когда-то – апостол Павел*). Маленькая худая черноволосая женщина, смущенная, с недопудренным синяком на щеке.

- Так, - сказала Мамочка. – Привет, Ирка. Это Сережа корки мочит?

- Ну а кому еще, - ответила за Ирку Светка.

- Здрате, - сказала Ирка. – Мне так неловко. Это первый раз такое с ним. Вроде, и не пил с вечера. Просто озверел ни с того ни с сего.

- Первый раз – не пидорас, два раза – не система, - нравоучительно сказал Зверя. – Втянется – потом будет не оторвать. Нужен курс лечения. Думаю, так поступим. Мамочка с Ирой здесь останутся чай гонять, а мы со Светой проведем пациента. Заодно и лечение назначим. Он дома, вообще-то?

- Дома, – отвечала Ира, - у него отгул. - Внезапно, спохватившись: - А что ему будет?

- Кто? – донесся голос из-за металлической двери.

- Это я, Сереж, - сказала Ростова громко. – Открывай.

Дверь открылась. На пороге стоял Сергей Баранов, муж Ирины Барановой. В одном из предыдущих воплощений он был Харменом, отцом Рембрандта. А совсем недавно – напялил костюмчик фашиста на детском утреннике.

- А где Ирка? – спросил он первым делом, не пуская гостей в дом.

- Ирка у меня, - сказала Ростова. – Надо поговорить.

- А это кто? – спросил Баранов, глядя на Зверю настороженно.

- Да никто, - отвечал Зверя. – Дед Пихто.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

С этими словами Зверя подпрыгнул и, на развороте, зарядил былому Хармену с ноги в грудь. Господин Баранов улетел в конец коридора. Попытался встать – не смог, схватился за грудь, лег.

- Заходим, - скомандовал Зверя. Они закрыли за собой дверь. – Где кухня у них?

- Справа, - сказала Ростова.

Зверя энергично проследовал на кухню, обнаружил табуретку и принялся вывинчивать из нее ножку. Вывинтил, и своевременно. Уже набегал в кухню Баранов, в руках у него красовался нож-раскладуха.

- Ну что, дебилоид, - сказал Зверя, - не угомониться?

Взетела волшебная палочка от табуретки, сверкнула в воздухе, описала зигзаг, - и, вот, верещит Баранов, лежа на полу, держась левой рукой за правую (*которая, по-видимому, сломана*).

- Ну что тебе еще сломать? – ласково спросил Зверя у Баранова.

- Не надо, - прохрипел Баранов.

- Тогда смотри, - сказал Зверя. – Ирка – наш человек. Еще раз что будет с ней не так, - тебе кирдык. Ты и так, по-моему, лишнего живешь, зажился. Понял меня, тупорылое создание? – Для пущей ясности, Зверя надавил на шею Баранова ногой.

- Понял, - Баранов наконец-то понял, что сейчас умрет.

- «Скорую» вызовешь, - сказал Зверя, убирая ногу. – Перелом у тебя.

- Как же он вызовет? – спросила Ростова.

- Наберет как-нибудь, - сказал Зверя. – Левая-то работает у него.

На гостиной у Светланы Ростовой пили чай с пирогами шестеро: Ростова, Баранова, Мамочка, Зверя, Юля и Аня. За окном моросил все тот же дождик. Близился вечер, город погружался в отсыревшие мглистые сумерки.

- Это был бродячий цирк, - говорила Ирина. - Но были и дома, там жили подолгу. Светка и моя мать танцевали с кастаньетами. Меня мать зачала от связи с женатым. Он ее и сгнобил инквизиции - огласки боялся. Светка была старше меня на 6 лет приблизительно, воспитывала до своего сожжения. Монахи были перепоясаны веревками (может, доминиканцы). Ее сожгли. И меня, возможно, как родственницу обеих. Я помню разговоры с настоятелем. Помню голод, постоянный. Помню, что болтаюсь в платье, худая очень. Светка помнит несколько человек оттуда, лица незнакомые: рыжий дрессировщик, (попугай, собачки, пудели), разновидность альбиноса, глаза двигаются вправо-влево, веснушки, нервный (это признаки). Что-то меня тема альбиносов интересовала - я читала. Помогло восстановить.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- А дрессировщик этот, - добавила Ростова, - здесь, в Зелике. Видела его на пляже пару раз. Взгляд очень нехороший. Ладно. Слушай, Ирк, прочти про лодку любви свое. Она недавно стих написала, - прокомментировала Света присутствующим.

- Оно длинное, - сказала Ирина.

- А мы никуда и не торопимся, - сказал Зверя. – Светк, коньяку нет у тебя?

- Щас, - сказала Ростова. Встала из-за стола, пошла в кухню.

И Ира стала читать:

*Много ловчих лодок бороздит моря,
Рыбой наполняясь, ловленной не зря, -
Крабами, кальмаром кормится народ:
Выбери по вкусу, чем пристрастен рот!*

*Но, одна из лодок не ловила рыб:
В ней возил по морю Дух Святой дары.
Только человек уловляли в ней,
Не было на свете рыбаков важней!*

*Дар тот был Прощеньем; посланный с небес,
Плоти не питал он созданных телес -
Полнил нас Любовью братской ко всему:
Войны и раздоры не нужны ему.*

*Рулевой - мужчина, статен и высок,
Выходил босым он на морской песок!
Лицом светел, Духом Святым вдохновлён!
Злобою неверия горько напоён..*

*Русый локон вился над высоким лбом,
Кудри ниспадали шёлком на чело,
И - Его глазами - Бог смотрел на нас!
Мудростью Завета нам, заблудшим, - Спас!*

*Ждём давно обещанный Им второй приход,
Чтоб вернуть монеты, розданные в долг.
Он придёт проверить, Бог наш и Пророк -
Проповедь Нагорная нам пошла ли впрок?*

*Юноша Христос на земле рождён,
Вроде, русской речью свыше награждён,
Но рождён для Мира, и язык - ничто!
Станет лицезренье сбывшейся мечтой!*

*Ждёт его прихода некий коллектив:
Два тысячелетия проводил «актив»,
Веру насаждая, кто и как умел -
Правдой и неправдой, кто и как хотел!*

*Церкви - быть готовой выслушать упрёк:
Проповедь Нагорная не пошла ей впрок!
Лицами увешаны храмы изнутри,
Златом изукрашены кровы исстари.*

*Деньгами оплачены просьбы, куплен грех!
САМ ли проповедовал тем в Любви успех!?
Это ль не язычество с жертвой кошельком!?
Разве покаяние купится куском!?*

*Шеи украшает от распятия крест -
Адом перепуганы простаки окрест!
Плоть ЕГО съедают (!?), пьют и Кровь-вино -
Жертвенность язычества приведёт на дно!*

*Ссорятся конфессии, брызгая слюной,
Прочно разгорожены каменной стеной,
Мудрые - в анафеме скудоумья стрел!
Это ль насаждали!? ОН того ль хотел!?*

*Чернота на прошлом, миром правит бес -
Сердце не вместило Заповедь с небес!
Грех высокомерия подменил Любовь,
Алчность-сребролюбие победило вновь!*

*Пытки гильотиной, смерти на кострах:
Крестоносцев миссии наводили страх.
И за этот, игранный бесом, балаган
Жизнь когда-то отдана первых христиан!*

*Икс-крестом повязан и убит Андрей,
Пётр погублен в Риме, речью - чудодей:
На кресте, прибитый головою вниз,
К Богу он закончил жертвенный круиз!*

*Ввергнут в одиночество, болью напоён,
Телом Савл от мозга «мудро» отделён.
От пытливо-цепкого ёмкого ума
Умерщвлён глупцами мученик Фома....*

*Не за плату лекари - бесов гнать могли:
Смелые философы жизнь сожгли в угли!
Там, где не услышаны в тысячах дорог,
Тощими, уставшими, - пыль стряхнули с ног....*

*И молитв - не меряно! Как красив их стих!
Кроме «Отче наш...» САМ давал ли их!?
Иль сыграет Церкви Реквием орган,
Иль восставте древний Христианский план!*

*Тот, кто понял правильно, молится Отцу
В Духе, но не Всяко, это - не к лицу.*

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

*Всё, что надо было от Иисуса взять -
Мудростью-Любовью вот ТАКИМ ЖЕ СТАТЬ!*

- Молодец, Ирка, - похвалила Мамочка. – Немного коряво кое-где, но пробирает. Вы, апостолы, умеете. Слышь, Звереныш, с коньяком-то не пыжи. Нам еще у Колдуна бухарский плов ужинать. Совсем меры не знает, - пояснила она Светке.

- А почитайте еще, тетя Ира, - попросила Юля. И Ира продолжила читать:

*Розовый закат, розовый рассвет -
Ничего красивее и на свете нет!
Первый луч светила тронул небосвод,
Отразился блеском от озёрных вод,
Обогрел макушки сосен и берёз,
Кинул птичек в омут щебетаний-грёз.*

*Розовый закат, розовый рассвет -
Ничего на свете и печальней нет.
Угасает зарево, подступает тьма.
Незаметно смолкла птичья кутерьма.
Стал прохладен воздух, скучен и сонлив,
И поток в артериях стал нетороплив.*

*В жизни наступает розовый закат -
Остаётся только надевать халат.
Излученье света накрывает ночь,
И ничто не в силах тайну превозмочь!
Терпеливо можно только утра ждать -
Ничего в упадке невозможно дать.*

*Розовый закат, розовый рассвет -
Ничего прощальнее к концу жизни нет!
И душою хочется к Богу отлететь -
И телесно незачем факелом гореть.
Заскрипели кости, боль жуёт в спине.
Ну, когда же, Боже, дашь свободу мне!?*

- Ты, главное, не расстраивайся, - сказал Зверя Ире. – Мы тебя в обиду никому не дадим. Давай коньячку выпьем, на брудершафт.

- Я тебе дам на брудершафт! - прикрикнула Мамочка на Зверю. – Кобелюга. – Замахнулась на него, дала подзатыльник, Зверя, в обратку, сочно чмокнул Мамочку в щеку. – Не нервничай, Мамуся, тебе нельзя.

59. Отрывок из дневника Фомы. Все так умирают?

Византия, неприметный городок Берберы. Тюрьма. Опять тюрьма, сколько же можно сидеть в тюрьме. Но это – не теперь, а полторы тысячи лет назад. Я лежу на полу и обливаюсь кровью. У меня нет правой кисти (*отрубили*) и половины языка (*отхватили щипцами*). Меня зовут Максим, я богослов и философ.

Рядом со мной лежат мои братья – Анастасий-монах и Анастасий-библиотекарь, без сознания. Их казнили так же, как и меня. Но они моложе и сильнее, они еще проживут. Мне же – конец, это ясно. Прежде чем отрубить нам руки, нас долго били воловьими жилами. Поэтому, когда нас калечили, мы были уже без чувств, и это лучше.

Только что заходил ключник. Спасибо ему: сострадательный человек, ухаживает за нами, перевязывает. Но толку мало: у меня все кровит, не останавливается. Сказал, что нас отправляют в ссылку, поодиночке. Меня, вроде, в Колхиду. Очень хорошо – умру по дороге, и конец всему.

Нас изуродовали – христиане. Те самые христиане, которые сказали «Бог есть Любовь». Где здесь Любовь, где здесь Христос? И чем это отличается от распятия? И чем христианин отличается от римлянина и иудея, в этом случае? Одни оралы «Распни!», другие распинали. И все были уверены, что таким образом служат Богу. Как и эти.

Господи, как больно. Нету сил подойти к горшку опростаться, и я делаю это под себя. Лежу на соломе, в собственной крови, в собственном дерьме. Так вот это и есть человек? Как Платон определил, в споре с Диогеном: ощипанный петух без ногтей. Так и выходит. Петух, который скоро сдохнет. Жар у меня.

Отрекся от Оригена перед экзекуцией. Зря. Старик-то был прав. Как мы сольемся с Богом за одну жизнь, как соберем в себе все лучшие наши свойства и угасим все худшие? Невозможно это. Запытали Оригена, как и нас. Били, ломали кости. Правда, там пытали римляне. Но какая разница. Люди не меняются. Может, я и был Оригеном. Видел сон, будто бы я – Ориген. Проповедую, учу. Отогнал от себя. Напрасно, надо было покопаться. Ведь и Платон верил в апокатастасис, и Пифагор, и Плотин. Люди-то не глупее прочих.

Удобно эти уроды устроились у себя в правительстве. Сказали так: если признаем монофелию ересью – не поднимем восточные провинции на войну с Персией. Поэтому, ради мира церкви – молчи, не раскачивай лодку. Теперь-то уж точно замолчу, нечем стало говорить. Все у этих функционеров – ради империи, ради войны, ради народного блага. А что – ради Христа? Да и нужен ли им Христос? Когда Он висел на кресте, истекая кровью, изнывая от жажды и шептал пересохшими потрескавшимися губами: «Боже Мой, зачем Ты меня оставил?», кто в Нем говорил – Бог или человек? Кто жаждал воды, кто жаждал успокоения, кто роптал – разве не человек? Так почему об одной Божьей воле во Христе мы говорим? Человечью-то волю куда девать?

А разве Он не хотел, когда ребенком был, - пошалить, поиграть со сверстниками? Мне Анастасий, под большим страхом, однажды принес из библиотеки рукопись, приписываемую апостолу Фоме. Апокриф. Как она туда попала, не соображу. Кто-то ведь уберег, почел за правду. Страшные вещи рассказываются. Будто бы маленький Христос злился на детей, которые его дразнили, и потом эти дети умирали. Может, детей убивал Бог во Христе. Но кто злился и раздражался? Бог? Никак; человек, конечно. Мальчик по имени Иисус. А вдруг все правда, и так было? Что меняется? Ничего. Еще одно подтверждение нашей правоты. Но кому она здесь нужна, правота наша? Иудеям, что побивали Стефана камнями – тоже было ничего не надо. Зажали уши – и набросились. И разорвали. А апостол Павел – вещички сторожил. Звери, не люди. И эти такие же.

Они говорят: причащайся с патриархом, уйми гордыню. Я говорю: если даже вся Вселенная будет причащаться с нынешним Патриархом, то я не стану. Дух Святой анафематствовал чрез апостола Павла даже ангелов, вводящих что-либо новое и чуждое проповеди, евангельской и апостольской. Они говорят: первосвященника Божия поносишь? Я говорю:

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

он сам себя поносит, своими кривыми мыслями, словами и поступками. То, что я пред вами стою в судилище, лишен свободного слова и права свидетельствовать об истине – тому пример. Они говорят: уймись лучше сам, или мы тебя уйдем. А я им говорю: ныне ваше время и власть тьмы. Тут они и не выдержали.

И страшная мысль приходит мне в голову, перед тем, как провалиться в окончательное беспомыслие, в смерть. Если Ориген был прав, и теперь мне это ясно, - то, может, и Арий был прав, когда настаивал на человеческом во Христе, не хотел признавать Христа Богом, но – пророком, учителем, братом? Насмерть ведь спорил на Никейском соборе. Его, небось, тоже призывали к вселенскому согласию. А когда он не согласился – отправили в ссылку. Эх, не о том я думаю перед уходом. Нужно собраться. Как собака умираю – без исповеди, без причастия, без соборования. Ну ладно. Может, в следующей жизни будет мне полегче.

Проваливаюсь. И вижу: Голгофа, три креста. Умирающий разбойник, успевающий выговорить: «Господи, помяни меня, когда придешь во Царствие твое». И ответ: «Ныне же будешь со Мною в раю». Это – мне, в утешение, в укрепление и в надежду. Спасибо за подмогу, Господи!..

60. Отрывок из дневника Фомы. Надводная проповедь

А теперь – наше время. Октябрь 2008 года. Падуя, собор Святого Антония. Гробница. Здесь лежат мои, Антониевы, останки, но не все. Неподалеку, в нишах, стоят несколько запаянных стеклянных колб. В этих колбах лежат другие мои останки: нетленный язык, нетленное небо, еще какие-то фрагменты. Там же – и кусочки моей изрядно потрепанной рысы.

Я стою у собственной гробницы, прижавшись к ней всем телом, и молюсь. Молюсь, как умею. Я тут не один такой. Многие пожаловали просить, людям все время что-то надо от меня. Временами я помогаю, со стороны тонких планов. А временами – нет; когда вижу, что человек в состоянии обслужить себя сам. Но помогаю – чаще. Об этом – множество благодарностей, завернутых в ладанки и подвешенных на гвоздик, неподалеку от входа в собор.

Я молюсь – сам себе. Пытаюсь нащупать свое присутствие – там, на тонких планах, установить прямой контакт. Восполнить энергию и информацию. Вспомнить все, что важно для будущего. Что касается меня напрямую. К примеру, ту проповедь в Римини, на берегу моря, когда повылезали рыбы.

И, незаметно для себя, я перехожу от молитвы к той самой проповеди на берегу, которую я решился прочитать сызнова, в новом ключе. Я собираю вокруг себя невидимую паству. Отпускаю рыб плавать, чтоб они не задохнулись от излишнего усердия, поворачиваюсь к морю спиной и говорю:

«Соратники, родные мои друзья, родные мои враги! Мы с вами собрались на этом пляже, чтобы послушать музыку. Музыка моря, музыку ветра, музыку звезд. Мы, сквозь все эти шорохи и шумы, своим неказистым слухом тщимся уловить гармонию Вселенной. И, если нам повезет, если наш слух не подведет нас, мы услышим одну главную гармонику, одну главную ноту, стоящую за всеми остальными нотами. И эта нота – Любовь. Эта волна пронизывает весь космос, грубый и тонкий, все наши планы. Все сделано из Любви, все обустроивается и поддерживается Любовью. Мы здесь, потому что Любовь собрала нас всех вместе. Так Она ищет и находит Саму Себя. Ощутите радость, ощутите восторг, ощутите внутреннюю свободу. Поплачьте над тяжестью удела земного. Это вовсе не беда, если вы

всплачнете; главное, чтоб плаксивость ваша не становилась системой. Но тотчас же утешьтесь, ибо Любовь отирает любую слезу с ваших щек. Не плакать, но радоваться зову вас я.

Вам было говорено многими прохиндеями, в том числе и мной, в целом ряде воплощений: восплачьте о грехе своем, устрашитесь суда и огня. А я вам сейчас говорю: не ищите рая, не страшитесь ада. Не бегайте за посулами рая, как осел за морковкой. И не давайте себя запугать адом, загнать вас в клетку из собственных страхов и аффектов. На эту удочку однажды попался апостол Иоанн. Не будьте, как Иоанн на старости лет, заклинаю вас. Знайте одно: есть закон возмездия. За каждое дело, будь оно хорошим или плохим, с вас будет взыскано в этой жизни, и в жизнях будущего века. Но никто, кроме вас, не произведет этого взыскания. Сами себя оправдаете и сами себя осудите. Сами изберете себе награду и наказание, и сами приведете в исполнение собственный приговор. Гитлера не испугал ад. Но не думайте, что он избежал ада. Он создал этот ад для нас, показал нам воочию, из чего состоит ад. И он создал этот ад себе – на тысячу воплощений вперед. Ибо никто не забыт и ничто не забыто. Знайте: по сравнению с Аушвицем страшный суд из Откровения Иоанна Богослова – это просто детский утренник. Ад – здесь и сейчас. Рай – здесь и сейчас. Найдите и то и другое в своей жизни.

Вам было сказано апостолом Павлом: человеку предстоит однажды умереть, а потом суд. А я вам говорю: человек умирает и приходит на суд. Судится группой Хранителей, получает указания, куда расти дальше, и затем воплощается снова. Живет, умирает, и снова на суд. И так – вечность. Страшного Суда, как вы его увидели у Иоанна, не будет. И не ждите. Земля может сгореть, апокалипсис возможен. Вселенная может свернуться в трубочку, в точку, потому что Брахма иногда спит. Но душа – неуничтожима и вечна. Однажды она была Богом. Однажды ей суждено снова стать Богом. То, что у нас здесь и сейчас – это путь домой, долгий путь домой. И мы должны научиться радоваться, скитаясь, путешествуя. Научиться переживать святость и полноту того, что происходит с нами. Таков наш удел, и другого – нет. Бесконечность пугает малодушных. Продвинутых она вдохновляет, прибавляет им сил, реформирует их отношение к происходящему.

Осознайте свое высокое предназначение, свое признание. Многие поколения царей и священников слишком многое сделали для того, чтобы загнать вас в стойло, сделать вас управляемой и послушной массой для истории. Найдите различие между верой в Бога – и религией как способом социального управления. Почувствуйте эту разницу – и не пишитесь в различные блудливые схемы. Не мните себя чем-то необычным и значительным, автономным от системы. Но и не втапывайте себя в грязь, не пытайтесь отменить свое первородство, не теряйте лица. Найдите гармонию во взаимоотношениях с собой и с миром окрест. Пока не найдете мира в собственной душе – не найдете мира и под оливами. Но не делайтесь рабами человек; вы куплены слишком дорогою ценою. Эта цена – вы сами.

Вам было сказано: пращурь согрешили, и мы несем на себе печать их греха. А я вам говорю: все было не так. Однажды мы ощутили себя автономной душой. Медленно, из жизни в жизнь, из формы в форму, мы росли над собой. Помните: всего лишь несколько миллионов лет назад мы выползли из моря на сушу, получили легкие, отбросили жабры и плавники. Тот путь, который младенец проходит во чреве – от головастика до человека – мы прошли за сотни тысяч воплощений. Эволюционировала форма – прирастала и душа. Итак, мы – без пяти минут животные. У нас на душе – гиря животных проекций: жадности, страха, агрессии, стремления властвовать и присваивать. Все это – лишь реакции переходного периода. Однажды все мы справимся с этой тяжестью. Это будет еще нескоро, но все у нас получится. Чем больше вы паритесь над грехом и виной – тем дольше топчетесь на месте. А надо идти вперед. Мы то и дело косячим, делаем ошибки. Мы обречены на ошибки, потому что мы

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

несовершенны. Но у нас есть время, есть способ, есть шанс все исправить – не сейчас, так завтра. Мы учимся, непрерывно извлекаем уроки – вот что важно.

Вас научили думать, что Христос – Бог. Что у Бога – три ипостаси. А я вам говорю: Бог – бесконечномерен, и сводить бесконечность к троице – нелепо. Бог – во всем. Когда-то мы усматривали его в рыбе или змее. Однажды мы увидели Бога в человеке. Увидели его внутри себя и вне себя. В нас, в наших домашних животных, в море, куда мы бегаем купаться – один и тот же Бог, одна и та же Великая Душа. Вселенная – это иерархия душ, погруженная в оболочку из плотных материальных форм. Христос – Бог? Да, но в той же степени, что я или вы. Он просто раньше нас начал воплощаться, за миллионы лет до нас. Он – старая продвинутая душа. Но Он не ищет нашего поклонения себе, как Богу. Наши иконы Ему, наши статуи Ему, наши кресты, на которых мы сызнова распинаем Его – для Него отвратительны. Потому что, идя этим путем, мы ничему не учимся. Мы все, что обязаны решать сами, передаем решать Христу. Мы возлагаем на Него все наши тяготы, ведем себя, как инфантильные дети, которые постоянно зовут маму. Мы должны становиться взрослее – и не бегать к Христу по любому поводу, как в справочное бюро. Не Христом ли было сказано: «Кто Я такой, чтобы судить меж вами?» Задумайтесь еще и над Псалмом: «Бог встал в сонме богов ... Я сказал вам: вы боги ...» Это Христос стоит посреди нас – и обращается нам как Брат к братьям, как Сестра к сестрам, как Отец к отцам, как Мать – к матерям, как Возлюбленный – к возлюбленным. Потому что мы все – Одно, и нет меж нами различия в Боге. Он – Учитель. Учит нас сейчас – и будет учить еще.

Вы спрашивали: как совершенный Бог может создать несовершенное творение? Зачем совершенному Богу нужен несовершенный человек? Вы запутались в понятиях. Вы думаете, что совершенство – это финальность, конечность. Но финальность и конечность – свойства неживой природы. Минерал, алмаз – абсолютно совершенны и почти абсолютно мертвы. Совершенство живой природы – в том, что она непрерывно растет над собой. Бог – не минерал. Поэтому Он непрерывно растет над Собой, непрерывно ищет Другого в нас с вами. Его совершенство, Его святость – в Его неуничтожимой любви к нам, как к Самому Себе. Нам следует научиться этому у Бога – Любви. Полюбив, мы сделаемся совершенными, как Он. Станем Им. «Итак, будьте совершенны, как Отец наш Небесный».

Мы должны научиться висеть на собственных распятиях. Многие из нас уже умирали так, умирали мучительно. Так же нам предстоит умирать и сейчас. И много еще раз мы будем умирать мучительной смертью – в темницах, на казнях, в войнах, в подвалах, в дороге, от голода, от яда, от рака, от инфаркта, в газовых камерах. Нам все это еще предстоит, и этому надо учиться, к этому всегда надо быть готовым. Но – не роптать на Бога за этот удел, не роптать, как роптал Христос: «Боже, почему Ты меня оставил?!» Никто никого никогда не оставлял – и не оставит. Мы и Отец – одно, в вечности, в бесконечности. Помните об этом, даже на кресте.

И последнее, перед тем, как пойдем купаться. Нас научили относиться ко всему происходящему слишком серьезно. Напрасно. Взгляните на все происходящее, как на Игру. Бог сотворил этот мир, Любя и Играя. Мы – заодно с Богом, играем вместе с Ним, любим вместе с Ним. Мы с Богом – партнеры. Давайте развивать в себе неограниченное чувство юмора. Так мы быстрее вернемся домой. Хотя и торопиться не след: посмотрите, какая красота кругом!

Есть у кого-нибудь запасные плавки, или вечер испорчен?»

61. А тем временем где-то

А это город Омск, ночь. Спит Денис Удачин (*апостол Симон Зилот*), и снится ему сон. В его собственном пересказе это выглядит так:

«Я, короче, сплю и вижу, как у меня в ногах появился какой-то хрен... и начал плодить подселенцев... я вижу как он раскидывает около себя, и очень быстро это делает... они не успевают разбежаться, я их ногами давлю... но этот хрен начал их очень быстро распускать.... у меня появился страх во сне, что они сейчас на всех и на меня в т.ч. сядут... я очень сильно и громко сказал - Всех, одним ударом! и так ногой ударил, что аж проснулся от удара ногой по дивану...»

Из жизни в жизнь Денис воюет. Неоптолемом, Александром Македонским, моряком с броненосца береговой охраны «Адмирал Ушаков» ... И во сне нету ему покоя.

Фома и Глория гуляют по Старой Ладоге. Они вошли в крепость, они спустились к Волхову по старой Рюриковой лестнице. Когда-то по этой самой лестнице Рюрик восходил на правление Русью из своей варяжской ладьи.

- Присядь, - командует Фома. – Рукой коснись воды. Будешь Аленушкой. Умиляйся.

Послушная Глория – умиляется, кокетливо тупит взор долу. Ретивый Фома – печатлеет на цифровой «Панасоник». Проверяет качество.

- Аленушка готовая, - с радостью возвещает он.

Анапа. На пляже – Света Ростова с выводком (*апостол Андрей*) и Саша Одинцова (*инквизитор, Испания*). Припекает.

- Купаться пойдем? – спрашивает Света. Саша соглашается. Тогда Света вынимает ее из инвалидного кресла и осторожно несет к воде. Саша, обхватив Светину шею, читает ей на ушко. Ей трудно говорить, но она старается.

*Покину тень, покину страх,
Рожденный вечным расстояньем,
Тревогой... Утону в мирах,
Где сон прекрасен утром ранним
Всегда. Из омуты ночей
Вдруг отыщу свою тропинку...
Но кто твердит мне и зачем
О том, что я - лишь половинка?..
Мерцают свечи за окном
Моим... На звёзды так похожи...
Как жаль, что их не видно днём...
Они встречаются, быть может,
В часы рассвета... И тогда,
Безмолвным утром, сон прекрасен...
И я спешу, спешу туда,*

*Где расстояние не властно
Над сердцем, над моей душой...
...Растаял свет на небосклоне.
Откуда вновь во тьме ночной
Искрится луч в моей ладони*

- Ты замечательно пишешь, - говорит Света. – Я знаю, что Диме очень нравится. Он получает твои стихи, и он это ценит. Видишь, песню написал, поет.

Наконец, море. Света осторожно выкладывает Сашу в теплую воду. Вода ласково набегает на Сашу, Саша улыбается, жмурится от удовольствия.

- А мне тут на память пришло стихотворение одно, - говорит Света. – Нашла в интернете, выучила. – Декламирует:

*Я есть, я был, я вечно существую,
Рождался жил и снова умирал.
В круговороте судеб я танцую.
И плачет, и смеётся карнавал.*

*То жизнь, то смерть зовут меня с собою
В мелькании событий и времён.
Остановиться хочется порою.
Уйти в ничто я правом наделён.*

*Но выбираю всё же продолжение
Извилистого вечного пути.
Дорога жизни – это наслаждение.
Мне тяжело, но весело идти.*

*А если я устану, это тело
Покину и немного отдохну.
Надену новое привычно и умело,
Своею волей жизнь в него вдохну.*

Лежат на кушетке в своей московской квартире Макс Лемке (*Лоренцо Медичи*) и Иосиф Вересов (*Пико дела Мирандола*).

- Прочти еще раз,- просит Лоренцо у Пико. И Пико читает:

*Там где жаром пылает небосвод,
Где песок раскален как Божий нерв,
Вы не зная сомнений или вперед,
Не умея делить любовь и гнев ...
Облаченные в веру как в доспех,
Вы искали дорогу к небесам.
Вы искали дорогу в наш единственный Храм.*

- Мы нашли дорогу к нашему Храму, - говорит Лоренцо. – И идем по ней тысячелетиями, и давно бы уже дошли, если бы всякие уроды не путались под ногами.

- Фома не враг тебе, - говорит Пико. – Он делает свое дело, делает, как умеет. Мы не должны мешать ему. Я хочу, чтобы мы жили, как сейчас – вдвоем, и больше никого в целом свете. Какая нам разница, что вокруг, придет Христос или нет. Разве это нам важно? Пусть приходит.

- Ты же знаешь, - говорит Лоренцо, - что невозможно нам устраниваться. Мы не для этого здесь. Ты – избранный, иерофант, служитель андрогинного луча Софии. Я – твой телохранитель, sentinel. У нас есть задача, которую мы должны выполнить. Чего бы нам ни стоило.

- Знаю, - говорит Пико. – И поэтому мне страшно. За нас.

ДАЛЕЕ ТРЕТЬЯ КНИГА РАЗДВАИВАЕТСЯ НА ДВЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ – КРАСНУЮ И ЗЕЛЕНУЮ

Красная линия (КЛ), линия смерти Фомы

62. КЛ. Пенталгин последний раз видится с Фомой

Владислав Гольдштейн, он же Воротилов, он же Пенталгин – сидел в «Кофе Хаузе», что на Невском проспекте, тупо уставившийся в свой капучино, и молчал. Александр Резанцев, он же апостол Фома, сидел напротив него и тоже помалкивал. Так шли минута за минутой.

Они договорились о встрече ровно два дня назад. Ради этого, как и полгода назад, Пенталгин прилетел в Санкт-Петербург. Время и место встречи было сговорено заранее, так что Пенталгин не отзванивался Фоме с мобильного – не хотел светиться. Если полгода назад санкцию на беседу с Фомой давал сам Сидор Ильич, начальник пятнадцатого управления, то сейчас Пенталгин занимался чистой самодеятельностью. Это был его шкурный вопрос. Он попал в переplet, он хотел жить, и хотел, чтобы выжили еще люди.

Это был ноябрь 2009 года, самый его конец. Зима выдалась ранняя, завывала метель. Как всегда запаздывающие снегоуборочные машины суетились вдоль Невского, прижимая мокрую грязь к обочинам, сбивая ее в кучи. Эвакуаторы, ревностно исполняя распоряжение губернатора, грузили на свои платформы незаконно запаркованные вдоль Невского машины.

- Вообще нет никаких способов? – спросил Пенталгин у Фомы еще раз, прекрасно отдавая себе отчет, что за ответ последует.

- Только при явном присутствии,- подтвердил Фома. – Причем в лаборатории «Альянса», под общим наркозом. У них там есть соответствующее оборудование. Одна закладка – неделю лежать в неподвижном состоянии, как в реанимации. И побочные явления – дикая головная боль. Еще не научились с ней бороться. Да и опыта мало. На Кериме тренировались, как на собаке Павлова.

- Интересные дела, - сказал Пенталгин раздраженно. – По воздуху, значит, научились закладки выставлять, а снимать по воздуху – ума не хватает научиться?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Представьте себе, - отвечал Фома. – Вы знаете аспекты технологии «Восход» не хуже моего. Идет необратимая деградация участка коры головного мозга. Обратная последовательность – только аппаратно, на основе специально подобранного пучка микроволн. При этом повреждается еще ряд участков коры. В общем, муторное дело эти закладки. Но не мы придумали эту тему, а вы, так что наша совесть чиста. И даже не вы – гиперборейские друиды знали эту технику еще пятнадцать тысяч лет назад. Так что нет ничего нового под солнцем, - процитировал Фома сам себя, Екклесиастом.

- Слушайте, Резанцев. – Голос Воротилова стал жестким. – Я предлагаю вашей группе сделку, выгодную сделку. Вы меня немного знаете, я воздух месить по-пустому не стану. Вы и ваши друзья – на волоске от ликвидации. Контора готовит акцию, и мне стоит только махнуть рукой, чтобы вперед пошла пехота. Решение – вынужденное, и не я его принимал. Но я не хочу, чтобы события разворачивались по этому сценарию. Потому что тут неизвестно, кто выстрелит первый – мы или вы. Для меня и для Тани риск гибели – практически стопроцентный в этом случае. Еще раз: отдайте мне ключи от наших закладок – или снимите сами закладки. В этом случае я сделаю все, чтобы вы ушли из окружения без потерь, подготовлю отходы, в том числе через мой персональный финский коридор. Если все пройдет как по маслу – мы в расчетах, и я лично за вами гоняться больше не стану. Ляжете на дно в третьей стране, волна сойдет, власть поменяется – вернетесь. Но здесь, в России, вам больше делать нечего.

Повисла пауза.

- Удивительно, - наконец произнес Фома в задумчивости. – Вы знаете всю нашу подноготную. Наши мамы нас так не знают, как вы нас знаете. Мои дневники вы прочитали, дадаевский архив у вас перед глазами. А если бы еще гороскопы наши глянули – увидели бы, что у нас у всех риск насильственной смерти – зашкаливает. У меня в асценденте – альфа Ориона, Бетельгейзе, это смерть от огнестрела. И вы нам предлагаете бросить нашу задачу, сорвать миссию, ради которой мы все здесь собрались, через две тысячи лет, на заре нового зона. Но мы не можем этого себе позволить. Мы знаем, на что идем. Если Пришествие неотменимо, то у нас и волос с головы не упадет, как бы Контора ни надрывалась. Если мы погибнем, значит, планета приговорена, и ничего уже нельзя исправить. Значит, так тому и быть, такова планетарная карма. Смиримся с неизбежным и будем каждый решать свою задачу: вы – свою, мы – свою.

Опять повисла пауза.

- Я чувствую себя, - проговорил Воротилов, с хрипотцой в голосе, – как маленькое зернышко, зажатое между двумя жерновами. Вся моя жизнь – вынужденное движение, от одной боли и тяжести к другой. Постоянный страх провалить задание, погибнуть, причем погибнуть мучительной и позорной смертью. Я не выбирал эту войну, она сама меня нашла. И теперь, когда у меня появился шанс уйти с этой войны, когда я вновь почувствовал себя человеком, полюбил Таню, захотел от нее детей – я вижу, что будущего нет у нас. Мы – приговорены и прокляты.

- Владислав, - произнес Фома, - давай на «ты».

- Давай, - сказал Владислав.

- Я очень хорошо тебя понимаю, - произнес Фома. – Ты – чекист. Я был чекистом в прошлом воплощении. Мне тоже было очень больно и очень страшно. Все самое страшное, чего я боялся, надо мной сбылось. Я был пытан и расстрелян, погиб за Родину на чужой земле, и ни

имени моего, ни воинского звания не сохранилось ни на одной из братских могильных плит. Ты прав, оценивая наши шансы выжить, низкие они. Но ты неправ в главном. Мы сами все для себя решили, все для себя выбрали – в Мире Душ, перед воплощением. И со всем согласились. Поэтому не удивлюсь, если мы с тобой там – в одной тусовке. А здесь, по эту сторону, мы просто карнавалим. То, что нам больно и страшно, здесь и сейчас – входит в план, и роптать тут нечего. Нужно терпеть – и готовиться ко всему.

- Мы с моей женой Глорией, - продолжал Фома, - договорились таким образом, что если я погибну раньше нее, она останется жить и за мной не последует. У нас общих детей нет, и утешить ее никто и ничто не сможет, как и подать воды в старости. Но она смирится и продолжит жить, до самого конца. Даже если будет умирать в богадельне, в коконе из собственного дерьма и пролежней. Это – наш совместный выбор.

- А теперь, - подытожил Фома, - давай поразмыслим, как нам всем уцелеть. Назови какие-нибудь имена. Чтобы мы успели подготовиться. Я тебе не предлагаю переходить на нашу сторону. Для этого ты слишком ненавидишь нас всех. Я тебе не предлагаю изменить присяге. Просто дай мне наводку. Остальное мы сами додумаем.

Повисла пауза.

- Говори, - произнес Фома. – Облегчишь нам обоим задачу.

- Лемке, - произнес Пенталгин. Видно было, какого труда стоило ему произнести эту фамилию.

- Ах вот как, - сказал Фома, помолчав. – Теперь все на своих местах, и про жернова стало ясно. Получается, что ты зажат между Лемке и мной. Макс, как зверь гирканский, рвется сводить счеты. И использует тебя как стенобитную машину. Славного ты себе сыскал дружка, нечего сказать.

- Это он меня нашел, а не я его, - поправил Фому Воротилов.

- Вот и опять ошибочка, - отмел поправку Фома. – Подобное притягивает подобное. Твоя ненависть, твоя тупость притянули этого господина к тебе. Кармы ваши слиплись. Отныне дверь беззакония, запертая доселе, открыта. Поздно рассуждать. Маховик запущен, зверь вырвался на волю, водяное перемирие нарушено. – С этими словами Фома встал из-за стола. – Мы опоздали.

- Что ты намерен делать? – спросил Пенталгин у Фомы.

- Крепить ряды и щиты, - сказал Фома. – Работать по этим ребятам закладками поздно, они встали в стойку перед броском. К тому же, если мы засветим активность – подставим тебя, а это неблагородно. Остается только наблюдать и ждать, когда вы начнете войну. Ты будешь играть за них, в расчете на то, что они тебя прикроют своими экранами. Другого выхода у тебя нет, как я вижу. Ты будешь биться даже не за себя, а за любимую свою – против всей оставшейся Вселенной. Мы - ответим ударом на удар, но без превышения пределов необходимой обороны, обещаю тебе. Постарайся максимально оттянуть атаку. Требуй у Макса гарантий для себя и для Татьяны Филатовой. Торгуйся. За это время мы успеем усилиться. Все на этом. Прощай. Береги себя – и тех, кто тебе дорог. Заплатишь за кофе?

- Прощай, - отозвался Пенталгин. – Заплачу, не обеднею.

63. КЛ. Гибель Иокасты, жены Лая, матери Эдипа

Прошел ноябрь, наступил декабрь 2009 года, затем минул и декабрь. Грянули новогодние праздники, а за ними и Рождество. Воротилов, пообещав Фоме, тянул время – и огня не открывал. Но зондеркоманда была наготове, санкция от Конторы на отстрел фигурантов была получена. Между водяным перемирием и войной протянулась тоненькая ниточка, готовая порваться в любую минуту.

Десятого января днем, накануне выхода страны на работу, по междугороднему телефону разговаривали два человека – Андрей и Фома. В разговоре то и дело возникали промоины и рытвины. Это оттого, что Андрей и Фома оба плакали. Плакали по очереди и совместно, не стесняясь своих слез. Дабы сократить изложение, пренебрежем всеми этими проявлениями – и удержим только суть разговора.

Я выезжаю через час, *сказал Андрей*. Пойду на перекладных, на электричке до Твери, там стопом до Малой Вишеры, потом опять на электричке. Встретишь?

Встречу, *сказал Фома*, созвонимся. Мне из Кронштадта до Московского вокзала – полтора часа чистого времени, с учетом всех пробок. Так что звони, когда сядешь в Вишере на поезд.

Расскажи еще раз, *потребовал Андрей*. Почему детей с ними не было.

Даша и Настя остались у бабушки в городе, *говорил Фома*. Женя, со своим мужем и с сестрой Лидой, зависали в пансионате. Ваня, Лидин муж в это время дежурил по дивизиону, его в последний момент непустили, не удалось подмениться. Тем и спасся. На обратном пути шли сто, прошел снег, каша. Сумерки. Они поскользнулись на гололеде на правом повороте 60 градусов, занос, выскочили на встречу. Там шел «жигуль», два человека насмерть. Итого пять человек.

Шесть, *сказал Андрей*. Женька была беременна, на пятом месяце. Забыл?

Значит, шесть, *монотонно повторил за Андреем Фома*. Ваня совершенно никакой, страшно смотреть. Нафаня уже подсуетился – гробы, отпевание и все такое. Завтра в двенадцать, на Карповке, в церкви Иоанна Кронштадского, потом на Северное кладбище. Родители тоже, понятно. Я к ним заходил. Сказал, что готов взять Дашу, если они отдадут. Потому что Настю они и то еле-еле вытянут втроем. Поблагодарили. Сказали – подумают.

Ты не сможешь взять Дашу, *сказал Андрей*. Дашу возьму я. Завтра обсудим. Может, деньгами придется помочь.

Почему, *спросил Фома*. Глория согласна. Там же идут Мария и Ирен Кюри в паре, так что есть связка. Глория ее поднимет и воспитает как собственную дочь, не сомневайся.

Дело не в Глории, *сказал Андрей*. Дело в тебе. Разве не понимаешь?

Что, *не понял Фома*.

Это ты убил их, *сказал Андрей*. Ты убил Женю, ее нерожденного ребенка, ее мужа и ее сестру. Это сделал ты. Разве не ясно?

Света, *сказал Фома*, заткнись, что ты гонишь.

Я не гоню, *сказал Андрей*. Я тебе сколько раз говорила: отпусти ее, дай ей жить, дай ей кислорода. Говорила. А ты что сделал? Каждый день мусолил в голове ваши отношения, не примирялся, тосковал. А подсознательно – проклинал Женю за то, что она сделала с тобой, пренебрегла тобой, пренебрегла твоей любовью, не смогла ответить, побрезговала. Проклинал Бога за то, что не дал вам совместной судьбы. На словах – забывал, жил новой своей жизнью. А на деле – убивал ее и себя, как я в свое время убивала людей, неосознанно. Мы же индиго, я тебе говорила сколько раз – будь аккуратнее, не желай, не ропщи! А ты вместо этого - проклинал Женю и себя до кучи, рикошетом, желая смерти вам обоим. И убил, нашептал, дело сделано. Теперь – твоя очередь. Вижу у тебя в поле иероглиф гибели, гибели скорой и насильственной. Асцендент в Бетельгейзе срабатывает. И ничего уже не поменяешь, ничего не поправишь. И никакую Дашу вам с Глорией никто не отдаст, я сама за этим прослежу. Молись, Саша. Видимо, было два сценария, ты выбрал смерть. А мог бы выбрать жизнь, если бы поработал над собой, потрудились. Нет, все на самотек. Слабак ты, Саша. Слабак и дезертир, до кучи.

Ты всех нас подставил, *сказал далее Андрей*, все движение. Что же ты натворил. Теперь понесем тебя на Шествие в пеленках. А кому ты в жопу будешь нужен в пеленках в 2017 году? Я даже не представляю, как мы теперь будем собираться, кем тебя заменить. Может, Глорию подключим. Но не знаю.

Что тут скажешь, *произнес Фома*. Может, мне не ехать тебя встречать тогда, раз я приговорен. Чтоб на тебя рикошетом не отошло. Вдруг опять ДТП.

Встретишь, *возразил Андрей*. На меня не отойдет, здесь кармического слипания нет. Мне на Шествие предстоит идти своими ногами по-любому, выкуплено. Так что ты мне не угроза. Прости, что наехала на тебя, вырвалось. Я видела этот сценарий для Жени и Лиды – во сне, потом явочно пару раз, в транс. Пересказала им, велела, чтоб береглись. Чтобы не ездили вместе за город, только порознь. Потому что они близняшки, у них одна карма на двоих. Не уберегла, не послушались они меня. У них были иероглифы смерти в поле, но не сильно проявленные. Но ты усилил. Придется отмывать в следующих жизнях, как и всегда у нас. Карма-сука. Ты виноват, но виноват лишь отчасти. Это не в плане тебя утешить, а чтоб ясность была.

Чего меня утешать, *сказал Фома*. Я все решил для себя. Видимо, устал сам с собой бороться, разрываться надвое каждый день. Душа устала и сказала СТОП. Это был экзамен очередной, и я его не прошел. Мне ничего не страшно, и я ко всему готов. Глорию только жалко.

Не говори ей ничего, *посоветовал Андрей*. Она будет терзаться, ей и нам этого не надо. Пусть оставшиеся дни будет счастлива с тобой, не надо омрачать.

Дни? *переспросил Фома*.

Дни, *подтвердил Андрей*. Приведи дела в порядок, закрой все долги. Съезди во Владимир, постой в Нерли. Успокойся, примиришь, отпусти мир от себя, он уже не твой.

64. КЛ. Разгром Альянса

* * *

Совсем рано утром, еще до рассвета, Владислав Гольдштейн встал с кровати. Тихо, боясь разбудить Таню Филатову, проследовал на кухню. Набрал номер на мобильном.

- Доброе утро, Петр, - сказал Гольдштейн. - Не разбудил?

- Да я не спал, - отвечал Петр Замотаев. – Привет.

- Докладывай, - скомандовал Замотаев.

- Колдун, Мамочка и Зверя на Рублевке, - доложил Петр Замотаев. – Остались ночевать. Угорь у своей бабы на Алтуфьевском. Хохол – в Филях, на блат-хате.

- Значит, три группы, - подытожил Гольдштейн.

- Уже заряжены, - сообщил Замотаев. – Ростова, Баранова – по своим адресам. Резанцев – на квартире жены, в Кронштадте. Там тоже наружка выставлена.

- Действуем по сигналу, - сказал Гольдштейн. – Я жду звонка, ориентировочно в девять. Как только люди отзвонятся мне, я сразу даю отмашку, и погнали. Резервную мобилу держи теплой, не занимай. Как только пойдут первые результаты – отзванивайся. По готовности – берем апостолов в торбу. Резанцева пускай везут на Захарьевскую, Ростову и Баранову – на Лубянку. Ростовской – сделайте укол на всякий случай, пусть поспит, она опасна. Но все это не раньше, чем я дам отмашку. Еще раз говорю: один из этих пяти друидов должен быть взят живым. Потому что мне нужен Драгович, и тоже живой. Ясно?

- Ясно, - подтвердил Замотаев.

- Все, отбой, - сказал Гольдштейн. И он отключился.

В кухню незаметно вошла Таня Филатова, заспанная, в халатике на голое тело, аппетитная.

- Ты что, - спросила она, - вообще не ложился?

- Нет, я пытался уснуть, - пояснил Гольдштейн, - но не получилось. Чисто нервное.

- Я тоже плохо спала, - сообщила Филатова. – А сколько времени?

- Шесть утра, - проинформировал Гольдштейн.

В этот момент мобильный Гольдштейна запищал.

- Доброе утро, - сказал мобильный в ухо Гольдштейну. – Это Лемке. Удобно говорить?

- Удобно, - сказал Гольдштейн.

- Мы готовы, - сказал мобильный. – Ребята нашли отверстия и сейчас потихоньку входят в них. Мы, Вы и ваша протеежа – прикрыты нашим экраном, так что не дергайтесь. У вас все по плану?

- Да, - подтвердил Гольдштейн, - по плану. Ровно в девять утра начинаем, по звонку от Вас.

- Хорошо, - сказал мобильный, - до звонка. – Отключился.

- Какие-нибудь неприятности? – спросила Таня.

- Да нет, все в норме, - ответил Гольдштейн. – Плановая работа. Наша служба и опасна и трудна, ты же знаешь.

- Я тогда варю кофе, - сказала Филатова. – Сна уже все равно не будет. – Подошла к Гольдштейну, обняла его, затем ее правая рука поползла вниз. – Может, что-нибудь на сладкое? – Гольдштейн ловко самоустранился, выпутавшись из объятий. – Вот так всегда. Нет в мире гармонии. «Просите – и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений», - процитировала Татьяна послание Иакова. Улыбнулась, чмокнула бойфренда в щеку.

- Вечером все будет, - пообещал Гольдштейн. – И ванна, и кофе, и какава с чаем.

- Сейчас первую ночь нашу вспомнила, - сказала Филатова задумчиво. – Я извивалась под тобой и чувствовала себя сукой и распоследней блядью, и меня это заводило, уносило в космос. А теперь я осознаю себя просто старым боевым товарищем, как шлюха из романа Ремарка. И секс по расписанию. Почувствуйте разницу, как говорится.

- Не обязательно всю дорогу включать суку, - сказал Гольдштейн снисходительно. – Артист обязан переодеваться... Кстати, на работу ты поедешь одна, я задержусь.

* * *

Утро на Рублевке выдалось туманным. Местные бомжи Сифон и Борода уже сняли свои первые сливки с придорожной помойки. А в усадьбе у Колдуна просыпались домочадцы. Просыпались неспешно. Завтракали втроем в гостиной: Колдун, Мамочка, Зверя.

- Хорошо посидели вчера, - резюмировал Колдун. – Где там этот Бэрримор с овсянкой, уснул, чоль. Бэрримор, ебтвою!

- Нет былой резвости, - заметил Зверя. – Разбаловал ты челядь свою, Колдун. Скоро совсем на шею сядут. Как ты сама, Мамочка?

- Нормуль, - сказала Мамочка. Провела ладонью по животу. – Только толчки, как на вулкане сижу.

Внезапно Колдун вздрогнул. Лицо его вытянулось.

- Поля нет, - сообщил он.

- Как это? – оторопело произнес Зверя. Сосредоточился. – Точно, нет. А что это было?

Колдун встал, подошел к секретеру, взял смартфон, набрал номер.

- Хохол, привет, это Колдун, - сказал он. – А где наше поле?

- Опаньки, - сказал Хохол, - а и впрямь ...

- Слышь, ты, урод, - сказал Колдун. – Ты в шалмане все свои мозги напрочь прокурил, что ли? Быстро сконцентрировался – и дал поток.

Повисла пауза.

- Нет, Колдун, - сказал Хохол через паузу, - не получается. Как будто бы заслон поставили, и не пройти через него.

- У меня то же самое, - сказал Колдун. – Поток есть, но его рассеивают. Хохол, значит так. Быстро ноги в руки, и ко мне. – Отключился. – Нездоровая ерунда, доложу я вам, - сообщил он Зверю и Мамочке. – Сейчас Угря наберу, что за дела. – Набрал. На том конце были длинные гудки.

Колдун помрачнел еще больше.

- Нет Угря, - сказал он. – И не просто нет, а вообще нет. И Кристины, его этой козы из бара, тоже нет. Пропали поля. Их завалили. Грязно работают мусора, некачественно. Все, овсянка отменяется. Братва – в ружье, готовность номер один. Война. Зверя, кто сегодня в личке?

- Захар, - сказал Зверя. – Сейчас подтяну. И в штаб позвоню, вызову подкрепление.

Внезапно дрогнула земля, раздался хлопок, одновременно с которым где-то вылетели стекла и легонько зазвенело в ушах, через шум падающих обломков послышались крики.

Колдун сел на стул. Мгновенно вышел в астрал, притормозил время и вылетел из тела. Особо не разглядывая подвисших во времени друзей; эту картину он видел уже много раз, и она его не интересовала. Ему надо было наружу. Поднявшись метров на пятьдесят над усадьбой, он осмотрелся. Огонь велся одновременно со всех сторон, охрана потеряла уже 5 человек, а противника так еще и не видела. Экран щита был разрезан надвое, а обе половины - прижаты какой-то сущностью, которая и рассеивала энергетический поток. Он не смог ее увидеть, просто ощущал ее присутствие. Такого раньше не было ни разу, его собственные силы тоже куда-то уходили. Причина такого резкого оттока была непонятна, а, точнее, он не успевал понять, кто его обесточивает. «С куполом все ясно, – подумал Колдун, – что с охраной?» Картина безрадостная. В десяти метрах от образовавшейся брешки в заборе застыл подползающий БТР. Еще три 125мм снаряда с разных сторон зависли на подлете к стене-забору. Да это же танки работают, прямой наводкой, живыми охрана им явно не нужна, пронеслось в голове. Сейчас я им подмогну, в конце концов спецы тренированные, с индивидуальными щитами имеют много шансов, а на нападающих защиты не видно, получим качественное превосходство. В это мгновение Колдун почувствовал, что время начинает ускоряться. Опана! Он ощутил, что его собственный индивидуальный щит сплющивается, деформируется. Скорее! Колдун понесся по оборонительной линии, между своих людей, снимая страх, подавленность, убирая боль и внося подъем морального духа. Сейчас жизни Колдуна, Звери, Мамочки зависели только от них - и от того, насколько долго осталось жить его бойцам.

Вернувшись в свое тело Колдун открыл рот, и в ту же секунду одновременно рванули несколько снарядов. - Купола нет, не могу закладки активировать! - прокричал он. - Похоже, что это все. У нас максимум минута. Уходим. Ты первая, Мамочка. Потом Зверь. Я прикрою.

С этими словами он резко отшвырнул столик с накрытым завтраком, затем потянул за ковер. Открылся паркет, а под паркетом - люк. Зверя откинул его крышку. А Колдун уже подскочил к секретеру, тот сам выдвигался к нему навстречу. Из тайника на Колдуна смотрели парами «Абаканы» с оптикой, АКМы, АК-74У, дополняли арсенал по 8 свето-шумовых, осколочных и фугасных гранат, шлемы и броники. Мамочка начала спускаться первой. Разлетелось одно окно, затем другое. На лице у Мамочки изображался

неприкрытый страх. Не за себя, а за маленького человечка внутри. Зверя погладил Мамочку по голове: «Ничего, Мамочка, все будет в елку». Колдун бросил Зверю шлем и пояс для снаряжения, а сам выверенными движениями начал заполнять свой. Через секунду к нему присоединился Зверь. Наконец, Мамочка спустилась в подвал, Зверь двинулся за ней.

- Заводи сразу, - сказал Колдун, снимая с предохранителя штурмовую винтовку одной рукой, а второй засаживая в пояс последний рожок - Сначала двинем в схрон. Потом посмотрим. Сейчас Хохлу отзвонюсь, чтобы ныкался. - В голове пронеслось: нет, сначала апостолам.

- Света, - сказал Колдун, - если кратко (*тем временем, Зверь закончил спускаться в тоннель*). Облава. Ноги в руки - и в тину, надолго. В банк идти поздно. Меняем симки по графику - и связываемся. Маякни Ирке и Фоме, чтобы тоже гасились. На нас напали, приняли бой. Все.

- Слава, - позвал Зверя из подполья, - давай быстрее.

- Ща-а-а-с, я же сказал - заводи - крикнул Колдун. - Надо еще Хохлу позвонить. Связи внизу не будет.

- Ладно. Ждем, – услышал он удаляющийся голос Звери.

Слова Звери потонули в грохоте, звоне и хрусте вылетевших оставшиеся окон в гостиной, со зловещим скрежетом битое стекло влетало в комнату, не в силах сопротивляться ударной волне. Колдун даже сразу не осознал, что снова остановил время. Он стоял над люком, соображая и запаздывая соображать, что вперемешку со стеклом в комнату, расталкивая и дробя осколки в крошку, а то и через них, завораживающим стальным роем влетают пули. Но время ускорялось, кто-то Колдуна постоянно обкрадывал энергетически, а от мгновенной смерти спасал только собственный щит, что успел отвести с десятка два "пчел". Щит давал информацию прямо в мозг, а мозг отдавал команды телу. Приближающиеся пули щит распознавал как неопасные (*хоть и отводил, давая возможность не концентрироваться на них*), но долбил в мозг о сканировании щита и еще сигнализировал чувство. Очень похожее на такое, когда видишь, что на твоей груди прыгают сразу несколько точек от лазерного прицела, и сердце совершает спуск на американской горке перпендикулярно земле, оказываясь где-то в пятках.

И тут Колдуна охватило оцепенение. При почти остановившемся времени он вдруг удивленно осознал, что просто не может двинуться с места. Что это? И ответ не заставил себя ждать. Сквозь фееричную картину представшей перед его глазами, быстрее пуль и осколков, в окно влетел человек в спцовке и шлеме. Закинул за спину автомат и уверенным шагом пошел прямо к нему. В руке бойца «Альфы» материализовался почти метровый сияющий меч. Перекладывая всю силу в руки, Колдун предпринял запоздалую попытку открыть огонь, но сил хватило ровно на то, чтобы выставить перед собой штурмовую винтовку. В следующее мгновение, одним махом руки, солдат разрубил пополам «Абакан» вместе с энергетическим щитом, рассыпавшимся в разные стороны градом светящихся капель. С таким же непринужденным видом, как вошел, боец вернулся к окну, по пути рассек зависшую пулю ровно пополам и выпрыгнул в окно. Как только он оказался снаружи, ко всему, что происходило вокруг вернулась нормальная физическая скорость. Пули со смещенным центром тяжести впивались в тело Колдуна, оборачивались вокруг костей, выходили совсем в другом месте, разрывая внутренние органы, вырывая огромные клоки кожи с плотью и одеждой на месте выхода из тела. Смартфон вылетел из его руки и закатился под диван, а сам Колдун опрокинулся навзничь. Он видел, как предметы окружающего мира расплываются, теряют яркость цвета. Звуки взрывов звучали как из

бочки. Колдун был мертв. Но это был не конец для Колдуна. Потому что, как мы теперь знаем, никто не умирает.

- Все, Мамочка, - сказал Зверя. - Славы нет. Беги скорее, как можешь. Я взрываю, две минуты у нас. – Захлопнул люк. Включил фонарик на шлеме. На правой стороне Зверя нащупал пульт, включил большую красную кнопку. Тут же загорелся таймер, побежал обратный отсчет. Зверя рванул по тоннелю. Догнал Мамочку, подставил ей плечо, фактически поволок на себе. Мамочка слабела. Ну вот, наконец, выход. Зверя вскарабкался по лестнице, откинул люк. Это был выход за периметр усадьбы, на проселочную дорогу. Зверя вылез на свет божий первый, подал руку Мамочке, вцепился, вытянул ее на поверхность. Наконец, они были на свободе. В двадцати метрах, под березой, был припаркован джип. Ключ торчал в зажигании. Зверя подбежал к джипу, завел машину. Как только Мамочка подошла к машине, ковыляя и тяжело дыша, земля дрогнула и осела.

- Сработало, - сказал Зверя. – Все, выбираемся. – Он сорвал с головы шлем, выбросил его из машины, отстегнул пояс и тоже выбросил. Вдарил по газам.

- Ну как ты? – спросил он у Мамочки через минуту. Машина неслась по проселочной дороге, переваливаясь с боку набок, пробуксовывая на впадинах, заметенных нетронутым снегом. Колдун, покупая усадьбу на Рублях, заранее предусмотрел все возможные сценарии отхода. В том числе, безлюдную дорогу, по которой удирать, и джип, заправленный под завязку, с тридцатью тысячами долларов в бардачке.

- Плохо, - сказала Мамочка. Лицо ее покрыла испарина, глаза блуждали. – Ребенку плохо. Просится наружу. Такое чувство, что он умирает. И хочет, чтобы я тоже умерла, вместе с ним.

- Значит, в схрон не едем, - сказал Зверя. – В больницу не сунешься: они знают, что ты беременна, будут искать. Остается только один вариант.

Машина остановилась. Зверя достал из кармана мобильный и симку, заменил симку в телефоне, включил, набрал номер по памяти.

- Керим, привет, - сказал он. – У нас тут беда, «Альянса» больше нет. Все остальное – потом. Главное: разведи костер, ставь греть воду, много горячей воды. И заточи пару ножей. Мы будем часа через два. – Отключился. – Сейчас еще Хохла наберу.

На том конце были длинные гудки.

- Нет Хохла, - констатировал Зверя. – Боюсь, что из-за него мы и спалились. Потерпи, Мамочка.

* * *

- Влад, это Петр, - сказал мобильный. – Мы завершили операцию. Колдун убит, Хохол убит, Угорь и его баба - убиты. Так получилось, она его закрыла, нарвалась на пулю. Колпак они поднять не успели, Лиховцев подтверждает, все чисто. Зверя и Мамочка – ушли, через тоннель. Наши туда сунулись, а у них там растяжка стояла или фугас с таймером. В общем, у нас потери двое, одного тяжело ранило. Всю личку Колдуна мы положили тоже, десять человек. Сейчас бригада работает в офисе «Альянса» с обыском. Всех сотрудников повязали,

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

отвезли на Лубянку. Лебедеву и Копылова объявили в розыск, дали наводку по всем больницам и роддомам.

- Уроды вы, - от сердца сказал Гольдштейн. – Не умеете чисто работать, сколько вас ни учи. И Дадаева потеряли, соответственно. Зла не хватает на вас.

- Это еще не все, - сказал мобильный. – Колдун успел предупредить Ростову, она ушла, вместе с дочерьми. Как она обошла наружку, непонятно: они божатся, что никого не видели. И Баранову взяла с собой. А Резанцев – убит. Причем это не мы. Стрелок у нас, в изоляторе на Захарьевской.

Повисла пауза.

- Я не понял, - сказал Гольдштейн. – Почему убит?

- Питерские допрашивают бойца, - сказал мобильный. – Пока нет ясности. Что-то по прошлым делам Резанцева в Энске. Обманутые вкладчики и все такое.

- А где была наружка в это время? – спросил Гольдштейн. – Какого хрена она-то там делала тогда?

- Так наружка киллера и взяла, - пояснил мобильный. – Тот успел сделать три выстрела, бросил ствол, рванул, тут наши его и схомутали.

- Ладно, отбой, - сказал Гольдштейн хрипло. Отключился. Набрал Татьяну.

- Таня, - сказал он, - я лечу в Питер, на один день. Завтра с утра подъеду сразу в офис с самолета.

- Что случилось? – спросила Таня. – И что у тебя с голосом?

- Все потом, - отвечал Гольдштейн. – Я люблю тебя. До завтра. – Отключился.

Асцендент в Бетельгейзе, сказал себе Гольдштейн. Кончено. Нет Альянса, нет апостолов. Почему же мне так херово. Что со мной такое, понять не могу.

Снова запищал мобильный.

- Это Лемке, - сказал мобильный. – С победой нас, Влад. Экрана нет. Мы видим их всех поодиночке. Видим, из оставшихся, Зверю, Мамочку, Ростову, Баранову. Не видим Фому почему-то.

- Фома мертв, - коротко произнес Гольдштейн. – Спасибо за работу. Вы сделали все точно, в отличие от нас.

- Ах вот как, - сказал мобильный. – Ладно. Кстати, если Вас заинтересует. Сейчас Зверя и Мамочка с кем-то третим, мы его не знаем, а скоро их будет уже четверо. Мамочка рожает. Причем, если мы не ошибаемся, она рождает Колдуна.

- Как это возможно? – оторопело спросил Влад.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Как только мы разрезали экран, - пояснил мобильный, - мы стали видеть их поодиночке. Зафиксировали Колдуна, а через пять минут он стерся. Ага, подумали, труп, Контора пишет. Вдруг, через десять минут, Колдун возвращается с того света. А ребенок в животе у Мамочки – пропадает. Получается, что Колдун того ребенка просто вытолкнул из Мамочки. Словно бы из машины вышвырнул на ходу его душу. Такие вещи без последствий не остаются. Душа ведь в теле не успевает адаптироваться за час, на то организм берет минимум четыре месяца. Будут нарушения у ребенка – ДЦП, например. Но, если дадут Колдуну, – восстановится. Я много чего повидал, но такое – в первый раз.

65. Кл. Фома сосчитал число зверя

- Мне тут в голову пришла одна забавная мысль, - сообщил Фома Глории. – Есть время?

- Есть, - сказала Глория. Оторвалась от заветного лаптопа, нажав на паузу. – Говори, Солнц.

- А как же черные эльфы? – спросил Фома.

- Я взяла волшебный меч, - отвечала Глория, - так что черные эльфы в полете. На этом уровне у меня еще остались два подвала, но я их пройду.

- Я тут опять медитирую на последовательность Фибоначчи, - заявил Фома. – В который раз смотрю на число фи:

$$a_{n+2} = a_n + a_{n+1}, \quad a_0 = 1, \quad a_1 = 1, \quad \varphi = \frac{1 + \sqrt{5}}{2} = \lim_{n \rightarrow \infty} \frac{a_{n+1}}{a_n} \quad (1)$$

Его еще часто представляют такой бесконечной записью, типа (*Фома принялся чиркать на обороте лекций по экономике, что Глория читала в университете. Глория возмутилась, лекции отобрала, взамен подсунула Фоме чистый лист бумаги*):

$$\varphi = \sqrt{1 + \sqrt{1 + \sqrt{1 + \dots}}} \quad (2)$$

Но эта запись есть ни что иное как рекурсия

$$\varphi = \sqrt{1 + \varphi} = 1.618 \quad (3)$$

- Это то, что у тебя на левой руке, - смекнула Глория.

- Именно это, - подтвердил Фома. Засучил рукав рубашки и продемонстрировал картинку, в подтверждение своих слов. Татуировка на внутренней стороне предплечья изображала надорванный пергамент, отысканный, по всей видимости, в старом корабельном сундуке. На пергаменте красовалась формула (3).

- Но не это главное, - продолжил Фома. – Если возвести обе части (3) в квадрат и пренебречь сохранением знака в правой части от модуля, то можно прийти к квадратному уравнению:

$$\varphi^2 - \varphi - 1 = 0 . \quad (4)$$

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Корни этого уравнения известны. Первый – собственно число Фибоначчи – 1.618. Другой действительный корень – минус 0.618. Назовем его псевдо-фи. В сумме два корня – фи и псевдо-фи - дают единицу. Произведение фи и псевдо-фи – минус единица. Что это означает в метафизическом плане?

- Ни малейшего представления, - отозвалась Глория.

- Разумею так, - подытожил Фома свои немудреные математические упражнения. – Бог – Единица - устроит Вселенную на гармоничном базисе. Как мы знаем от старика Дэна Брауна, фи лежит в основе всех форм и оснований – от моллюска до человека. Фи – это инструмент и символ гармонического творения. Но если фи – инструмент творения, то что такое псевдо-фи?

- Инструмент разрушения, - догадалась Глория.

- Умничка, - подтвердил Фома. – Когда Богу надоедает то, что Им Самим создано, он включает машину Хаоса. Шива топчет мир, чтобы затем Вишну его воссоздал заново из своего золотого сна. В левой руке у Бога – Космос, в правой - Хаос. Но в сумме Космос и Хаос все равно дают Единство, Единицу. Словом, все – от Бога, и нет ничего, что не от Бога. И зверь – от Бога. Так что псевдо-фи – это то самое пресловутое число зверя и есть. Зверя, которого Бог время от времени выпускает погулять за пределы Аида. Гиперборейский пес Пипец, сидящий во льдах. Когда его отвязывают, наступает полный Рагнарек.

- То есть ты хочешь сказать ... - начала Глория.

- Да, - подтвердил Фома догадку Глории. – Число 666 – это фальшивое число зверя. Это – дурилка-страшилка для лохов, феномен массовой культуры, порожденный человеком, крепко нездоровым на голову. Настоящее число зверя сокрыто от публики до срока. И тот, кто сосчитал число зверя, вскрыл одну из тайн Сфинкса. Пахнуло пирамидами, однако.

66. КЛ. Гибель Фомы

Февраль 2010 года. Изолятор ФСБ на Захарьевской, Санкт-Петербург. Следственный кабинет. За столом сидят Василий Воротилов (далее по тексту протокола допроса – В.), майор 15-го управления ФСБ, и киллер – прапорщик в отставке Борис Запашный (далее по тексту протокола допроса – З.),. Допрос проводится в присутствии положнякового адвоката Гарри Минстера (далее по тексту протокола допроса – М.).

М. Предупреждаю, Борис Иванович, Вы можете не отвечать на вопросы, можете не свидетельствовать против себя. Статья 50 Конституции РФ.

З. Да чего там, я в сознанке.

В. Как планировал уходить? Кронштадт – остров. Сразу же объявили бы план перехвата.

М. Прошу Вас обращаться к моему подзащитному на «Вы».

В. Без излишеств обойдемся. (Он говорит это настолько проникновенно, что адвокат Минстер перестает настаивать).

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

З. Ладно, это неважно. Я снял квартиру, еще два месяца назад. Присматривался к объекту, срисовал его расписание. После акции думал лечь на дно, месячишко еще пожить, а потом съехать.

В. На какой машине передвигался?

З. Хюндай Гетц.

В. Акцию продумывал и выполнял один?

З. Один.

В. Допустим. Почему решил утром делать?

З. Потому что он уезжал на работу в одно и то же время – в 7.15. Долго прогревал машину, у меня было время. Там рядом детская площадка, скамейки.

В. А собачники?

З. Там в это время практически никто не гуляет. Все, кто гуляет, выходят позже.

В. Пистолет думал оставлять?

З. Да. Номер сточен. Он чистый, из части. Доставал через своих, через кого – не скажу. Не хочу никого подставлять. В протокол запишите: купил на рынке, у незнакомого чемергеса.

В. Твое дело. Как думал уходить?

З. Дворами, ясное дело. Там район глухой, гаражи, затеряться легко.

В. Ты наружку срисовал нашу?

З. Да. Но я думал, что это просто к кому-то люди приехали, по делам. Потому что раньше я этой машины здесь не видел. Тем более, они стояли довольно далеко.

В. Теперь подробнее, как было дело.

З. Я сидел на детской площадке с 6.45. В 7.05 вышел Резанцев, завел машину, начал прогреваться. Сначала отскребал стекла от инея, потом сел в машину. Я знал, что он еще минуты две посидит, всего греет машину семь минут, в «Тииде» индикатор есть прогрева двигателя. А он двигатель бережет, раньше времени не стартует.

В. Берег.

З. Да, берег. В общем, как только он сел, я выдвинулся, подошел к машине сзади, прижал дверь коленом, чтоб он не открыл. А он уже успел пристегнуться, как раз кстати. Сделал три выстрела, в грудь и в голову, бросил ПМ, рванул. И тут слышу окрики из-за спины и контрольный выстрел в воздух. На это я не рассчитывал. Поэтому сбавил, чисто механически. Тут ваши меня и ткнули мордой в сугроб. Глупо все вышло.

В. Глупее некуда. И непонятно: зачем было человека убивать?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

З. Да надо было убивать. И не его одного, а вместе с подельщицей.

В. Про подельщицу слышан. Как вы ей кислотой в лицо плеснули.

З. Это не мы. Другие нашлись.

В. Лучше сейчас бери на себя, чтоб потом суд принял во внимание признанку.

М. Борис Иванович, Вы можете не отвечать на этот вопрос. Если хотите, мы можем прервать допрос и провести консультации, чтобы выровнять позицию защиты.

З. Я же сказал – не мы! Зачем мне лишним-то грузиться.

В. Дело твое. Докажем – поздно будет.

З. Доказывайте что хотите.

В. Ну так почему убил?

З. Потому что он мне жизнь покалечил, изуродовал. И не мне одному.

В. Дело «Водолея». Ты и Эдуард Балесин, служили в Энской воздушно-десантной дивизии, он был начфином, ты замещал. Деньги из финотдела закладывали в МММ и в «Водолей», крутили. А потом попали на сотку баксов через это. И вас посадили за кражу, Балесину шесть как паровозу, тебе четыре. Правильно передаю?

З. Вы же читали дело, лучше меня все знаете.

В. Ну так ведь многие попали тогда на бабки. Квартиры потеряли и так далее. Дело-то житейское. У каких-то старушек сердце не выдержало, умерли. Резанцев сидел, и вы сидели. Зачем убивать-то. Вольные разборы ведь не канают между арестантами. Ты же сидел, должен понимать.

З. Потому что мы не просто сидели. Нас опустили в тюрьме через этот «Водолей» по беспределу.

В. *(через паузу)* Подробнее с этого места.

З. Мы зафаршмачились. С нами в этапной хате скрытый пидор сидел, мы с ним чифирили. А потом открылось это. Всех, кто тогда чифирил, перевели на положение опущенных. Но не насильовали. А потом прошло сообщение по телевизору, что батальон Энской ВДД, где мы служили, попал в засаду под Шали, и никто не ушел. Это же был 1995 год, первая чеченская война. А там в лагере родственники оказались тех, кто погиб. Нас подтягивают. И предъява такая: вы, мол, уроды, рожи автоматные, из части деньги ныкали, в «Водолей» отдавали, а это была чеченская структура, и на ваши деньги чехи покупали стволы, из которых наших десантников и завалили. И под эту музыку – поставили нас на хор, отпетушили. Балесин потом пошел на раскрутку – ночью ткнул одному пиковиной в глаз за это.

В. *(через паузу)* Пятнадцать лет прошло. Почему сейчас решили грохнуть Резанцева, а не сразу по отсидке? Чего ждали?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

З. Сначала решили, что он, вроде, не при делах во всем этом «Водолее», там подельщица намутила. А потом изменили мнение. Как-то горько стало за жизнь. Прошла наперекосяк, и все из-за этого вот «Водолея». А придумал-то схему Резанцев, по телевизору выступал - заманивал. Так что с него и спрос.

В. А где сейчас Балесин?

З. Не знаю. В Энске, дома сидит.

В. Вы общаетесь?

З. Да не общаемся практически. Так, иногда, наши жены созваниваются, по старой памяти.

В. Один, говоришь, все придумал и замутил? Не хочешь показания поменять? Если за паровоза Балесин пойдет – тебе ведь меньше дадут. К тому же, у него мотив сильнее, чем у тебя. Он сидел дольше. Сколько, кстати?

З. В сумме – десятку.

В. Ну вот. И по Завьяловой всяк. А женщина зрения лишилась, между прочим. Покажешь, что Балесин ее кислотой облил, – тебе, опять же, скидка выйдет.

М. Я хочу сделать паузу в допросе и поговорить со своим подзащитным наедине.

В. Пожалуйста. А я пока ордер выпишу на арест Балесина. Сдашь его – выправим тебе минимум, и будешь сидеть на красной зоне в Нижнем Тагиле, там беспредела меньше. И, вообще, биографию тебе можем подправить. Чтоб не зря остаток жизни прошел. Подумай. Парень ты духовитый, нам такие нужны.

67. Кл. Бойня на Малой Бронной

Керим Дадаев вышел из метро «Маяковская» и пошел по Садовому кольцу, мимо театра Сатиры и булгаковской «нехорошей квартиры». Потом он свернул налево и вышел на Патриаршие. Керим Дадаев шел погибать. Он осознавал это, и он прощался с этим миром, но прощался легко, безбоязненно. Так прощаются с любимыми местами перед дальней дорогой – в надежде когда-нибудь вернуться. В этом же настрое всякий турист, однажды побывавший в Венеции и понимающий свою кармическую причастность к этому городу, покидает Лагуну на катере. Перед глазами его проносятся церкви, черепичные крыши, колокольни, дворцы, гондолы, привязанные к осолившимся столбам, выкрашенным в черно-белую зебру. Всякий причастник Венеции, покидая ее, рискует более никогда не увидеть ее в своей жизни (*так когда-то рисковал – и тосковал - Бродский*). От разлуки с родиной щемит сердце, но на душе светло. Так покидал Венецию и я, автор этой книги. Так покидал Патриаршие пруды Керим.

Он шел вдоль прудов, мимо памятных скамеек, в сторону Малой Бронной. Временами Керим задира голову, смотрел на небо. Он не торопился, он готовился совершить то, что должен. Небо было затянуто, шел снег. Снег падал на лицо Кериму, на пальто, под ноги. Стоял морозец, поэтому снежинки, попадая под каблуки прохожих, весело хрустели, ломаясь.

Вчера Кериму позвонила Светлана Ростова – и сообщила о гибели Фомы. Она звонила с чужого телефона, с разовой симки. Светлана Ростова плакала. Она просила Керима сидеть на

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

попе ровно и ждать указаний, не рыпаться. Хотя Керим понимал, что сама-то Ростова не будет ждать полного распыла группы, она включит последнее оружие, которое у группы есть – закладки. Керим для себя решил, что он отомстит Воротилову за Фому и за Колдуна, отомстит сам. Воротилов – это его дело, решил Керим. Этот человек изменил всю его жизнь, изменил, в конце концов, в лучшую сторону. Но Воротилов не остался просто лагерным хлебашом, а потом – товарищем по оружию. Он покусился на будущее мира. Он приступил к уничтожению апостольской группы, к отмене Пришествия. Его надо было остановить, даже дорогой ценой. Всего этого Керим говорить Ростовской не стал.

Зато сказал Зверю и Мамочке. Они не одобрили его выбор, но и удерживать не стали. Ребятам было не до того. Мамочка стала матерью. Не было молока, девочка родилась слабенькой и – похоже – напрочь больной. Нужно было думать о переезде в глушь, во Владимир (*где у «Альянса» была резервная чистая квартира*), о глубоком залегании на дно. Зверю вызвонил из Москвы дорогого врача, разжился смесями, пристроился к плите и к костру – варить, кипятить пеленки, гладить. Мамочка была слаба и больше старалась полеживать. Однако по ночам она Зверю не теребила, вставала к ребенку сама. Девочку назвали Славой, в честь погибшего Колдуна. Ни отчества, ни фамилии отца она принять не могла – по понятным причинам.

Керим знал, что сегодня все у него получится. Он не стал перезванивать в офис «Молодой Православной России», наводить справки. Не было нужды. Интуичка, о нехватке которой в Кериме некогда говорил Зверю, сегодня работала на полную мощь.словно бы покойный Слава-Колдун разместился на левом плече у Керима, давал инструкции, направлял.

Наконец, показался офис «МПП». У дверей офиса стоял охранник Степан Бубенцов и курил.

- Здорово, Степа, - сказал Керим. – Как дела?

Бубенцов посмотрел на Керима и сначала не признал его (*из-за бороды*). Но затем, по мере узнавания, Степан Бубенцов вытягивался в лице от изумления, и чем больше прозревал, тем более перекашивался.

- Господи, Слободан, - наконец произнес Бубенцов. – Это ты. А нам сказали, что тебя убили сатанисты. И тело твое – искали, не нашли. Врали, значит. Живой. Вот это да!

- Живой, - подтвердил Керим. Он машинально включил сербский акцент, хотя этот маскарад был уже не нужен, дело шло к концу. – Долгая история, как-нибудь расскажу на досуге. Но все позади. Влад Гольдштейн в офисе?

- В офисе, - подтвердил Бубенцов. – Как ты пропал, так он и объявился. И сразу твой кабинет занял. Как же вы теперь кабинет будете делить?

- Поделим уж как-нибудь, - отвечал псевдо-Слободан. – Чай, не в лесу живем. Я зайду к нему, если не возражаешь. А Филатова Таня – здесь?

- Здесь, - радостно подтвердил Степа Бубенцов. – И Замотаев Петр здесь. Ладно, пошли, чего на холоде торчать. Вот наши обрадуются, факт. Чудеса, да и только. Живой!

Кабинеты Гольдштейна и Филатовой располагались друг напротив друга, через приемную. Секретарша Галина только что отнесла кофе в оба кабинета. Увидев Слободана, она вздрогнула.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- У Влада есть кто-нибудь? – с наскока спросил Керим.

- Нет, - машинально ответила Галина. Потом, без уверенности, спросила: - Слободан?

- Да, - подтвердил Керим. – Здравствуй, Галя. Я сейчас к Владу зайду на пять минут. Пусть нам никто не мешает, ладно?

Не дожидаясь ответа ошалевшей Галины, Керим зашел в кабинет. Владислав Гольдштейн, он же Василий Воротилов, сидел за своим рабочим столом. Увидев Керима, он вскочил.

- Извини, что без звонка, - сказал Керим. – Я ненадолго, всего на несколько минут, сегодня день шебутной, все расписано.

- Это ты, - сказал Воротилов.

- Да, это я, - сказал Керим. – И ты знаешь, зачем я здесь.

- Да, - сказал Воротилов. – Татьяна. Не трогай ее. Бери меня, а ее не трогай.

- Хорошо, - сказал Керим. – Она мне не нужна. Ты в ответе за все. Ты уничтожил Альянс, и ты убил Фому. Ты думал, что положат нас всех, и концы в воду. Ты ошибся. Кровь за кровь. Но я не мясник. Я дам тебе шанс. У меня осталась одна неснятая закладка. Назови любой ключ, который знаешь, из моих. Если тебе повезет, то я – труп. Но, если есть Бог, то ты проиграл. Даю тебе минуту. Молись, кому ты там веришь, и называй свой ключ. Если ошибешься, я назову свой. Если дашь мне уйти отсюда – Филатову не трону. Минута пошла.

- Мы не трогали Фому, - сказал Воротилов, сглотнув комок. – Можешь не верить, но это не мы его грохнули. Это его догнала карма, по старым делам.

- Считаю, что я тебе поверил, - сказал Керим холодно. – Не трать время. Соберись и называй ключ.

В этот момент дверь в кабинет Гольдштейна отворилась.

- Влад, - сказала Татьяна Филатова с порога, - мне тут сказали, что ... - Взгляд ее переместился на бородатое, исхудалое лицо Керима. – Да. Здравствуй, Слободан. А мы тебя похоронили уже.

- Таня, - сказал Воротилов, - дай нам со Слободаном пять минут поговорить тет-а-тет. Я потом к тебе зайду. Ладно? Иди, любимая. Я люблю тебя. Прости меня.

Таня, с перекошенным лицом, закрыла за собой дверь.

- Ключ, - повторил Керим.

- Я не буду называть, - сказал Воротилов коротко. – Не хочу играть в эту игру по твоим правилам.

- А я не хочу просить дважды, - сказал Керим. – Бейся, будь мужчиной. Не заставляй меня резать тебя, как барана.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Дверь в кабинет снова отворилась, и отворилась резко, с ноги. На сей раз в проеме возник Замотаев Петр, дежурный нулевщик пятнадцатого управления ФСБ. В руках у Петра был ПМ, направленный на Дадаева.

- Керим, - сказал Замотаев, - руки в гору, и к стене. Быстро.

Керим не шелохнулся. Стоя к Петру спиной, он не повернулся и даже не вздрогнул.

- Петр, - сказал Воротилов отдельно. – Как старший по званию, приказываю тебе: опусти пистолет. Когда Дадаев будет уходить, дай ему уйти. Не преследуй его. Приказ понятен?

- Вася, - сказал Петр, - я уложу его, он и пикнуть не успеет. Ведь это он Николая Ивановича завалил, крот поганый. – ПМ в руках у Замотаева начал подрагивать.

- Он не убивал, - сказал Воротилов. – Николай Иванович убил себя сам. Я отвечаю за слова. Еще раз слушай приказ: опусти пистолет, закрой за собой дверь с той стороны. Что бы ни случилось – не трогай его, дай уйти. Так надо. Потом ты все поймешь. Прошу тебя, Петр.

Медленно Петр Замотаев опустил пистолет. Медленно вышел за дверь и закрыл ее за собой.

- Ладно, - сказал Керим. Помрачнел. – Я не хотел, чтобы так все вышло. Прости меня за все, Василий. Ты готов?

- Готов, - сказал Василий. Закрыв глаза, сжал зубы. – Делай.

- Прощай, - сказал Керим. – Ом ахасет харэп сата. *Угольниками вечное письмо.*

Василий Воротилов упал на ковролин, схватился за голову, закричал истошно. На губах у него выступила розовая пена. Керим смотрел на его агонию ровно пять секунд, затем вышел из кабинета, прошел мимо секретарши Гали (*которая вбежала в кабинет, как только Керим вышел оттуда, запричитала*), мимо Петра Замотаева, провожающего его с каменным лицом.

Вышел из дверей офиса, на свежий воздух. Прошел несколько шагов. И прошел бы еще, если бы не Замотаев, который набросился на Керима сзади и привычным движением нулевщика свернул Кериму шею, сломав шейный позвонок. Потом опустил труп Керима на снег, склонился над ним, начал обыскивать.

И тут он выпрямился. К мужскому истошному крику, доносящемуся из офиса «Молодой Православной России», прибавился еще один такой же крик, теперь уже женский. Замотаев бросился обратно в офис, в кабинет Филатовой. Таня Филатова лежала на полу и истошно вопила. Она умирала той же смертью, что и ее возлюбленный, и не было лекарства от этой боли.

Потому что Светлана Ростова непрерывно следила за Керимом по астралу, ровно с того момента, как он вышел из станции метро «Маяковская». Как только поле Керима исчезло, Ростова не стала долго размышлять – и активировала все закладки, выставленные на «Молодую Россию». Возмездие не задержалось. И никакие усилия Лемке и его группы не защитили Василия и Татьяну. Они умирали, умирали мучительно, - но умирали вместе. И тут им все-таки повезло.

А Керим – летел. Он чувствовал шум, нарастающий свет – и бесконечный покой, растворенный в этом свете. На дальнем краю воронки начали проступать две фигуры,

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

сначала прозрачные, затем все более плотные. Это были дочь Керима Асет и жена Саша. Погибшие при артобстреле в Грозном, во вторую чеченскую войну – и, в то же время, живые. Ибо у Аллаха все живы, и никто не умирает.

- А вот и папа, - сказала Асет. Помахала Кериму рукой. – Здравствуй, папа.

- Здравствуй, Керим, - сказала Саша. - С прибытием домой.

Керим светился, светился все ярче, превращался в один плотный светящийся шар, приливно наполняемый любовью и благодарностью – Аллаху – за все.

- Уфф, - произнес он. – Наконец-то.

68. КЛ. Водяное перемирие с Конторой снова в силе

После бойни на Малой Бронной прошла неделя, или около того.

Утром в один из дней конца февраля 2010 года, в пятнадцатом управлении ФСБ на Лубянке, в кабинете начальника управления Сидора Ильича сидели четверо. Одним из них был сам Сидор Ильич (*интуиций нет*). Другим – Светлана Ростова (*апостол Андрей*). Третьим – Глория Суворова (*Иоанн Кронштадский, доказано*). И четвертым – Макс Лемке (*Великий Инквизитор Бернардо де Сандоваль*). Лица у собравшихся были хмуры. Все готовились к серьезному разговору.

- Итак, - сказал Сидор Ильич, - итак. - Потер бородку ладонью правой руки, снял очки, протер их тряпицей, по обыкновению своему. Было видно, что Сидор Ильич затрудняется начать разговор. – С чего бы нам начать, ума не приложу. Столько событий удручающего свойства, что мысли разбегаются.

- Давайте тогда начну я, - отчеканила Светлана Ростова. - Нашим стартовым условием к переговорам было, что человек, убивший Керима Дадаева, будет уничтожен. Оно выполнено?

- Ах, да, - сказал Сидор Ильич. Встал, подошел к сейфу в углу кабинета, открыл, вынул оттуда квадратную коробочку, открыл, передал Ростовской. На дне коробочки лежало человеческое ухо. Ростова закрыла коробочку, положила на нее ладонь, сомкнула веки, сосредоточилась.

- Да, - сказала она через несколько секунд. – Петр Замотаев мертв. Хорошо.

- Несчастный случай, - сказал Сидор Ильич. Взял коробочку из рук Ростовской, положил обратно в сейф. – Теперь можно разговаривать. – Сел обратно в кресло. – Единственное, что я для себя не уловил – это целесообразность присутствия госпожи Суворовой на нашем саммите. Я, в принципе, не возразил, когда вы, Светлана, включили ее в список присутствующих. Но хотелось бы знать цели такого включения.

- Позвольте мне сказать, - начала Глория Суворова свое объяснение. – Я полагаю, что без моего присутствия ваше собрание лишено всякого смысла. Сейчас я объясню. Разговор будет долгим, наберитесь терпения. – При этих словах Светлана Ростова воззрилась на Глорию с изумлением.

- Я знаю, - продолжила Глория, - что в гибели моего мужа виноват он сам. Ни Контора, ни Альянс, ни люди Лемке к этому непричастны. Однако я также и знаю, что, если бы не это противостояние, не эта война всех против всех – мой муж остался бы жив. Но сосуд гнева, сосуд накопленной дурной кармы оказался переполнен.

- Мы глубоко уважаем Ваше горе, - принялся говорить Сидор Ильич, но Глория перебила: - Я здесь не за этим. Суть моего задания в другом.

- Лет десять назад, - сказала Глория, - я увидела сон. Я стояла среди незнакомых мне людей, обряженных в длинные судейские одежды. Там были мужчины и женщины с благородными и мудрыми лицами, так я запомнила. Один из них подошел и сказал мне: «Теперь и ты получила свое призвание». И тут же мне дали понять, что я – избрана. Судить споры и кривые поступки, которые выходят за юрисдикцию гражданского и уголовного права, судить прямым Божьим Судом, ничего не прибавляя и не убавляя от этого Суда. Потом были еще сны, я их записывала. Из них я поняла, что мне однажды предстоит стать Арбитром, разграничивая действие светлых и темных сил, и за это назначение мне предстоит заплатить высокую цену, горькую цену.

- Так я начала готовиться к своей миссии, - продолжила Глория. – Одному фантасту я подбросила тему Инквизиторов. Было важно, чтобы идея Инквизиторов, стоящих на линии огня между силами света и тьмы, была открыта миру, чтобы люди постепенно привыкали к этой мысли. Потом я встретила Сашу. И через некоторое время я с ужасом для себя поняла, что платой за мое назначение Арбитром будет сам Саша, его жизнь. Однажды его отнимут от меня, и это будет отправной точкой моего назначения. Всю нашу недолгую жизнь с Сашей я лила невидимые слезы. Я не могла свыкнуться с той мыслью, что я потеряю любимого, и потеряю так скоро. Я роптала на Бога, я не могла смириться, до самого последнего дня. И только когда мне позвонили и сообщили о гибели Саши, я поняла, что мое назначение состоялось. Через три дня я увидела сон. Вернее, это был астральный ночной контакт. В этом контакте меня раздели донага, а затем обрядили в просторную судейскую мантию, такую же, как и на всех остальных. Я произнесла присягу, после чего мне дали в руки книгу – Свод Законов Вселенной, а потом - точные и подробные указания, что и как я должна сделать.

- Чтобы не быть голословной, - сказала затем Глория, - я покажу кое-что. Я знаю, что Света Вам позвонила, Сидор Ильич, сразу после разгрома Альянса и гибели Фомы, а потом вы встречались на Знаменской, на конспиративной квартире. И что она активировала Вашу закладку по телефону, затем остановила ее и продиктовала Вам свои условия, приказала остановить операцию. А закладка была такой. – С этими словами Глория встала и высоким голосом произнесла формулу закладки:

- *Киммерия листьями навзничь!*

Сидор Ильич вскочил из-за стола и схватился за голову, словно бы закрываясь от удара по лицу. Вскочила и Ростова. Но той реакции, на которую рассчитывали Сидор Ильич и Ростова, не последовало. Сидор Ильич, постояв еще несколько секунд, медленно начал отнимать руки от головы. Лицо его покрыла испарина, щеку схватил нервный тик. Но это был только страх, страх недавно пережитой боли, чудовищной и от того памятной. И больше ничего. Сидор Ильич смотрел на Глорию, стоя в неестественной напряженной позе над своим столом. Словно бы ждал удара плетью.

- Простите меня, Сидор Ильич, - сказала Глория. – Простите, что заставила еще раз пережить все это. Надеюсь, все остальное будет наградой за боль. Сидор Ильич, Ваша

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

закладка больше не работает. И никогда больше не включится, никем и ниоткуда. Вы свободны.

Сидор Ильич вздрогнул, потом осел в кресло, закрыв лицо руками. Тут настала очередь Ростовой.

- Как это понимать, Глория? – спросила она с угрозой в голосе.

- Все просто, - отвечала Глория. – В том сне я получила силу, а вчера я ее применила. Я своей волей и властью уничтожила все закладки, которые ты и Альянс понаставили людям окрест себя. Я демонтировала это оружие, окончательно и бесповоротно.

- Почему? – спросила Ростова. – Как ты могла? Ты же знала, что это – единственный козырь в наших руках, что без него Контора давно уже разорвала бы нас на тряпки. Что ты натворила, дрянь такая.

- Успокойся, Света,- сказала Глория. – Дай мне договорить. У меня есть сообщение для Вашей группы.

- Для **нашей** группы, ты хотела сказать, - процедила Ростова.

- Нет, - сказала Глория. – Отныне я не состою в апостольской группе. Я – Арбитр, мое место – за скобками всех групп. Сообщение такое. Вы, апостолы, потеряли ощущение реальности. Вы забыли слово Христа, что без воли Божьей и волос с вашей головы не упадет. Вместо этого, вы доверились магическим практикам безбожного содержания. Защищаясь, вы нападали. Не вы придумали закладки, а Контора, но вы подхватили эту тему и развили в полный рост – сверх всякой меры. Вы превысили пределы необходимой обороны, нарушили хрупкое равновесие сил. Вы привлекли на свою сторону преступную, кармически мутную элиту Альянса. Тем самым, вы приговорили ее. Как только Альянс принял вас под свою защиту, он стал обречен. И дело здесь не в Лемке и его усилиях. Лемке – лишь орудие, как и во всех прочих случаях.

- Поаккуратнее, - произнес Лемке.

- Итак, я передаю апостольской группе следующую инструкцию, - возвысила Глория голос, словно бы не замечая реплики Лемке. – Ваши духовные способности отныне понижены. С сего дня вы не сможете поставить ни одной закладки. Ваше ясновидение тоже будет приглушено. Вам не надо больше ясновидеть, это сейчас лишнее, и вы не умеете этим управлять с пользой для себя. Вам надо только ждать – и готовиться ко Второму Пришествию Христа. Решение о приходе Христа принято на самом верху, и оно неотменимо. Ждать и готовиться, готовиться и ждать, и больше никакой самодеятельности. По домам, ребята. Все будет доведено до конца без вашего участия. Все, что от вас зависело, вы сделали. Вы расшевелили ситуацию, спровоцировали ее обострение, ускорили ход вещей. Спасибо. И на этом – все. Считайте свою групповую миссию завершенной. В нужный момент Христос соберет вас и направит на Шествие. О сроках и порядке сего таинства вам печься не резон, это не ваше. Фому я найду сама (или даже рожу его сама, если будет такая карма). И сама же понесу его на Шествие в пеленках. А вы - живите своей частной жизнью, как можете и как умеете, до срока. Понятно, Света?

- Мне надо подумать над тем, что ты сказала, - произнесла Ростова медленно. Села в свое кресло. – Пока я не принимаю твоей инструкции. Не считаю ее законной.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- Делай как знаешь, - сказала Глория.- Но любой твой забег в ширину будет пресечен самым жестким образом. Я не желаю тебе почувствовать то, что почувствовал Сидор Ильич от тебя и твоей закладки. Это не угроза, а предостережение, пойми меня правильно.

- Теперь – инструкции для Конторы, - произнесла Глория. – Сидор Ильич, вы в порядке? Можете воспринимать?

- Да, я в полном порядке, - сказал Сидор Ильич. Лицо у него было потерянным. Высморкался. – Спасибо Вам, Глория.

- На здоровье, - сказала Глория. – Теперь инструкции. Пришествие Христа необратимо, оно целительно для России и для всего мира. Контора сопротивлялась этому по недомыслию своему. Надеюсь, уроки извлечены. Погибли люди. Война закончилась. Отныне Контора оставит апостольскую группу в покое и не будет вынашивать мечты о ее ликвидации. Любое решение в эту сторону будет иметь очень серьезные последствия. Объясните это наверху, расскажите им все, что произошло. При необходимости – привлекайте меня, я буду объяснять. Считайте, что с апостолами у вас снова водяное перемирие, окончательное перемирие. Первый шаг доброй воли – это самороспуск «Молодой Православной России». Погибли Филатова, Керим, Воротилов, Николай Иванович. Больше этим делом заниматься некому, да и не нужно. Это – уродливая мертворожденная структура, и час ее пробил.

- Я это не решаю, - пробормотал Сидор Ильич. – Все-таки движение набрало силу, подготовилось к выборам в Госдуму в пятидесяти регионах с лишним. Слишком большие ставки делаются. Да и инвестиции.

- Доведите Медведеву, - сказала Глория, - что шансов попасть в Госдуму у «Молодой России» нет. Заодно пообщайтесь с патриархом РПЦ; мужчина он сообразительный, дурного не посоветует. Если вы не прислушаетесь и будете продолжать упираться, - мы издадим и распространим книгу, где подробнейшим образом расскажем о подоплеке движения, кто его придумал и кто его продвигал. Всем будет интересно узнать, что движение - просто шалабушка в играх Конторы с апостолами. Сколько голосов возьмет МПР после этой публикации? И как будет выглядеть Контора в этой связи? Как обтекающий шоколадный заяц. Надеюсь, ясность полная, как любил говорить мой муж.

- И наконец, инструкции для группы Лемке, - Глория вышла на завершение своего инструктажа. – А то у нас Максим заскучал.

Действительно, Макс Лемке сидел с таким видом, будто бы происходящее не имеет к нему никакого отношения. Он несколько оживился в тот момент, когда Глория озвучивала закладку для Сидора Ильича, но затем снова сделался непроницаемым, как мумия. Слова Глории об инструкциях вызвали у него угрюмую усмешку.

- Я вижу одно, - заявил он. – Все, что происходит, это просто месть. Ваша месть, Глория, не знаю как Вас по отчеству, за гибель незабвенного супруга. Вы получили карт-бланш, запитались от какого-то эгрегора левого – а теперь сводите тут счета со всеми нами. Оставьте Вы нас в покое, ради общего блага. Фома угробил себя сам, мы тут не причем. Что Вы нас тут строите. И что Вы строите такое из себя. Арбитр она. Имел я таких Арбитров раком.

- Меньше всего, - произнесла Глория, - мне хотелось бы общаться с Вами, Максим. Но это – часть моего задания. Воспринимайте как хотите. Вам передают, что Ваше служение на Земле завершено. Спасибо Вам за точную работу по устранению Альянса, сделано на совесть. Это

и было вашим групповым заданием на текущее воплощение, но на этом – здесь и сейчас – все. То, что Вы представляете из себя – Вы, Ваша группа, ваши методы работы – больше для планеты неприемлемы. Когда-то все это было механизмом общепланетарного развития, но теперь безнадежно устарело. Главный дефект: вы относитесь к людям, как к подопытному стаду, как к быдлу. Люди переросли такое отношение к себе. В сухом остатке следующее. Духовные способности вашей группы понижаются, как и в апостольском случае, причем до полного нуля. Вас никто не тронет. Сидите в своей пыльной библиотеке, спите со своим мальчиком, здесь ничего не меняется. Но связь с тем эгрегором, который инволютировал вас до сего дня, снабжал вас энергетикой и способностями, разрывается. Неделю назад я получила согласование и заблокировала ваш канал. Именно поэтому, кстати, вы не смогли прикрыть Воротилова и Филатову – хотя и порывались, что делает вам честь. В общем, кина больше не будет. Следующее воплощение проведете на другой стороне Галактики. И выбора у вас нет, у всей группы. Вы свою групповую карму унавозили до такого состояния, что теперь вас будут просто юзать по назначению, сто воплощений подряд, один земной эон. Пока не приведете себя в порядок, не образумитесь. Тогда сможете вернуться и встать в строй, если захотите.

- Ах ты сука. – Макс Лемке вскочил и рванул через стол к Глории, с явным намерением вцепиться ей в горло. Глория вытянула правую руку навстречу Максу. Поднятый невидимый силой на воздух, Макс вылетел из-за стола, опрокинув кресло, пролетел несколько метров по дуге, ударился головой о сейф Сидора Ильича, обмяк и сполз на пол.

- Будет жить, - сказала Глория. – Саша не будет жить, а этот – дотянет до глубокой старости. Еще и мемуары напишет. Карма, будь она проклята. Сидор Ильич, вызовите санчасть.

69. КЛ. Вместо эпилога. Отрывок из дневника Фомы. Фома должен умереть

Однажды я полюбил Глорию Суворову – и захотел на ней жениться. Встретившись, я прочел в ее глазах свой жизненный контракт, свою судьбу – в этом воплощении (*а, может быть, и в дальнейших*). Мне хватило первых десяти минут явочного знакомства. Так что пророчество, которое моя возлюбленная Женя Калинина однажды принесла от ясновидящей из подворотни, сбылось в полном объеме.

Но, чтобы оставаться честным внутри своего сердца, я решил окончательно попрощаться с Женей Калининой. Мы с Глорией подали заявления в загс, так что тянуть я не хотел. Но все еще продолжал любить Женю – каким-то краешком своего «я». Вранье: я продолжал любить ее с той же силой. И сейчас – люблю. Мы встретимся – там, в Мире Душ, я знаю это. А еще точнее: это не я люблю, это мною любят, я тут не причем.

Это был гештальт, который следовало завершить. Как? А потом я придумал.

Утром 7 июня 2008 года (*это была рабочая суббота, как сейчас помню, там переносили выходные*) я купил три белые розы, подобрал Женю возле детсада, куда она отводила дочку Дашу, и мы поехали. «По какому поводу цветы?», спросила Женя. «Это тебе», пояснил я. «Просто завтра я уезжаю в другую страну, насовсем. Билеты уже на руках. Хотел попрощаться с тобой. И сказать, что БЛАГОДАРЕН тебе – за все, что у нас с тобой было красивого и важного. Скажи то, что хочешь сказать мне напоследок, и на этом СТОП».

Женя не ожидала такого поворота дела. «Ну что ж, - сказала она наконец, после непродолжительного молчания. – Желаю тебе удачи на новом месте. Пиши!»

«Спасибо», сказал я. «Это же самое я прошу тебя сказать на моих похоронах. Если меня угораздит оказаться на той стороне раньше тебя».

И тут я понял две вещи. Я понял, что Жене все равно, есть я где-то или нет меня, уехал я, женился или умер. Но еще я понял, что это же, рассмотренное с другой стороны – правильное позиционирование ближнего, любой бессмертной души, в голове и в душе другого человека. Потому что у Бога все живы, никто не умирает – и никто никуда не уезжает, все в наличии. И к чему тогда рыдать, махая платком вслед уходящему поезду?

Итак, я уехал навсегда, оставив Женю здесь, в этом времени, в этой стране. В понедельник, как ни в чем не бывало, я заявился в корпорацию «Элефант», столкнулся с Женей на лестнице, буркнул «привет». Услышал «привет» назад – и прочел в Жениных глазах легкое презрение к себе, к клоуну. Типа, даже умереть не смог по-настоящему, тут же и воскрес.

И вот это презрение – чего я ждал, на что я рассчитывал в своей схеме – завершило весь замысел. Я окончательно отпустил Женю из своего сердца на этой волне, я позволил ей жить так, как она хочет. Мы сделали друг друга чужими людьми для себя, сначала она меня, а потом и я ее. Мы откатали ситуацию на начало 2006 года, когда у «нас двоих» не было ни меня, ни Жени. И тотчас же у меня с души спала огромная гиря. Мне стало легко и свободно. Я завершил этот гештальт – на минимуме слез, на минимуме сердечной крови, сделался совершенно свободен – и годен для того, чтоб летать.

Потом еще были какие-то наплывы. Временами мне становилось не по себе. То и дело Женя снилась мне по ночам, и утро было убитым после этих снов, оно было никаким. Я снова пропускал через себя всю эту историю, и непослушное сердце отзывалось маетой. Так продолжалось где-то полгода. А еще через год Женя погибла в автокатастрофе, и гештальт окончательно завершился сам собой – в этом воплощении. Что станет с нами в будущих жизнях? собака след не берет.

На похоронах своих близких мы убиваемся. Точнее: упиваемся - эксклюзивностью, необратимостью момента. *(Вот так я убивался, когда хоронил Женю и ее сестру Лиду на Северном, в общей могиле).* Нам ясно, что этих – именно этих – людей – больше никогда не будет с нами рядом. Мы и сами умираем вместе с ними. Будут те же души в новых оболочках *(может, не в следующем воплощении, а через раз)* – но не будет этих конкретных людей и этих конкретных семейных, любовных, дружеских отношений, этого специфического союза людей, душ и их поступков. И нас не будет – такими, как мы сейчас сложились. И куда подеваются наши курносые носы, наши гепатиты, наши убогие жилища, наши сожаления? Ничего не останется с нами по вечности, все будет разрушено, закопано, сожжено.

И то же самое совершается, когда люди просто расстаются, не умирая при этом. «Расставанье – маленькая смерть»; спасибо тебе, Алла Борисовна. Этих – нас – какими мы запомнили друг друга, когда дарили друг другу боль или радость – уже не будет - НИКОГДА. И здесь ощущение радости по поводу вечности перемежается болью сердца, обливающегося кровью от потерь, от не вечности наших текущих состояний.

Женя Калинина – погибла. Однажды погибнет и Фома. Фома-апостол, Фома-архитектор, Фома-академик, Фома-аналитик и Фома-аферист – пять «А» в одном флаконе - изрядно надоели друг другу в рамках одного эго. Более того: эти клоуны начали утомлять и зрителя в цирке, именуемом планета Земля. А, может, и на тонких планах тоже стало душновато - от меня, такого, как я есть здесь и сейчас. Явная нехватка Пустоты, Безмыслия, Молчания.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Наконец, Свободы - от «эго», от куцега «я». И – Юмора, Космического Смеха - над этим самым «эго», над его желаниями и его страхом.

Явится ли Христос в 2017 году? Возможно. А если нет? Ничего страшного, будем жить как жили – до Его прихода – и 2000 лет после – с Христом в сердце, с Кришной в сердце, с Буддой в сердце, с Софией в сердце, как у кого получается. Земля будет уничтожена, человечество погибнет? Да и хрен ты с ним, это вовсе не повод ужасаться. Мы уже тысячи раз умирали, и почти всегда – мучительной смертью. Создадим еще одну Землю, мы уже делали это. Тысячу Земель создадим, космос безмерен, и это только видимая часть одной из Вселенных. Мы погибнем, мы сгорим, но связи с Источником мы не потеряем, это невозможно. Потому что мы – вечны. Я - есмь. Мы – Бог, мы – Источник, мы – Одно. Мы мучаемся, и Бог мучается вместе с нами. Но Он и любит, и радуется вместе с нами тож. Так что «любовь побеждает смерть», как написал товарищ Сталин на книжке Алексей Максимыча Горького «Девушка и Смерть».

Однажды я распрощаюсь со своими прилипшими к душе масками, дайте мне только срок. Просто перестану воплощаться, да и все дела. И ищи меня свищи тогда. Отпущу себя с этой войны, сам себя за руку выведу с этого перманентного, из жизни в жизнь, расстрела. Из тюремного кошмара, который снится мне раз в две недели – с бесконечным сроком сидения взаперти, точно булгаковский Пилат веками сидит на скале, освещенный безразличною луною. Отойду два шага от белой стены, заляпанной кровью, выщербленной пулями, помашу конвоирам ручкой – и в лес, по грибы да по ягоды.

Или ангелом пойду работать. Уже работал ... когда царевичу Алексею кровь останавливал ... так что опыт есть. ☺.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ И КНИГИ ОТ ФОМЫ. ДАЛЕЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ВЕДЕТСЯ ОТ ЛИЦА АПОСТОЛА АНДРЕЯ

Зеленая линия (ЗЛ), линия жизни Фомы

63. ЗЛ. Фома встречается с настоящей Пифией

Фома позвонил в дверь квартиры. Дверь открыла милостивая невысокая женщина, склонная к полноте.

- Здравствуй, Саша, - сказала она. – Я Лена. Ничего, что на «ты»? Проходи в комнату, располагайся.

- Ничего, - сказал Фома. Расположился в кресле. Огляделся. Лена села напротив.

- Итак, - сказала она. – С чем ты пришел.

- Мне Миша Светиков рассказал немного о тебе, - сказал Фома. – И о том, что ты увидела по нему, о его прошлых жизнях. Собственно, на этой почве мы с ним и пересеклись. Я хочу узнать то же самое, что и он. Узнать поточнее, зачем я пришел на этот свет, какие у меня

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

задачи. Что ползет из прошлого, с чем надо работать. И – хочу подтвердить кое-какие свои догадки в этой части.

- Это просто, - сказала Лена. – Только сначала давай ты нормализуешь дыхание. Расслабься, успокойся. Ты ко мне бежал, что ли? Или поднимался на восьмой этаж? Лифт, вроде, работает.

- Нет, - сказал Фома. – Это просто одышка, после инфаркта.

- Нет, - мягко поправила Лена Фому. – Это не одышка. Это ты взволнован, зажат. А волноваться оснований нет. Радоваться надо. Закрывай глаза, успокаивайся, погрузи себя в молчание, выключи ментального болтуна. Можешь даже поспать, я тебя разбужу. Как только ты будешь внутренне готов, я начну работу.

Фома закрыл глаза и принялся успокаиваться, собирать свое внимание в точке белого света, которая была одновременно и точкой покоя, и точкой радости, и точкой предельного знания. Уловил координаты этой точки и плавно переместил ее внутрь себя. Умолк, растворился.

- Можешь открыть глаза, - сказала Лена. Фома открыл глаза. Он спал, спал час или около того. – Нормально расслабился, соответственно, нормально и читался. Я посмотрела. Хороший перечень, хорошие воплощения. Ничего паталогичного нет. Нормально набираешь энергию, нормально ее расходует. Ты – в гармонии, в балансе. Себя увидела рядом, в нескольких твоих жизнях. Попросила прощения.

- Прощения? – не понял Фома.

- Ну, не всегда у людей все складывается гладко, - пояснила Лена. – Запутываются кармические узелки. Чтобы их снимать, если видишь, надо отпускать их, развязывать. Через принятие и прощение. Прости и ты меня, мысленно. Не важно, за что.

- Еще я увидела достаточно прицельно одну твою жизнь, - продолжила Лена, - видимо, до потопа. Скорее всего, Атлантида. Ты был магом, преобразовывал одни виды энергии и материи в другие. Раз эту жизнь показали, значит, на ней надо сосредоточиться подробнее. Видимо, эта компетенция – взаимодействие с природой – у тебя приглушена, и тебе ее предлагают развить. Для этого тебе нужно перестать спешить. Ты слишком много торопишься. Одышка – это знак.

- А еще ноги болят, - вставился Фома. – Лет пять уже.

- Конечно, - подтвердила Лена. – Скрытый диабет. Тоже знак: не туда ходишь, не теми путями, слишком торопишься. Тебе очень многое дано в этом воплощении. Пифагорово число – три семерки, никакого гороскопа не надо строить, чтобы увидеть. Все, что ты себе пожелаешь или замысливаешь – сбывается. Я редко вижу такую проходимость, препятствий практически нет. Но ты спешишь – и промахиваешь знаки, которые тебе дают. Поэтому – петляешь кривыми путями, часто совершаешь ошибки, тратишь много энергии не по назначению. Надо перестать спешить. Поймай этот темп при ходьбе, при вождении – и начинай принудительно себя останавливать. Чем больше усилий приложишь – тем будет тебе лучше. А еще – почаще выезжай на природу. Это – твое. Там – медитируй, расслабляйся, разговаривай с деревьями, с речкой. Лучше всего – один.

- И еще одно важно сказать, - добавила Лена. – Время как таковое – это иллюзия. Нет прошлого, настоящего, будущего. Мы одновременно находимся во всех точках времени,

связанных между собой. И играем там свои игры друг с другом. То, что мы совершаем здесь и сейчас, влияет на все остальные реализации одновременно. Когда мы просим прощения за что-то – мы этим освещаем, вычищаем все реализации, ускоряем путь домой, к Источнику. Путь домой совершается не во времени, не эволюционным путем, а в фазовом пространстве. Единомоментно, по готовности. Кстати, мы играем не только в разных точках времени, но и в разных пространствах одновременно. Поэтому набор воплощений, которые виден тебе, может серьезно отличаться от того, что увидела я.

- Давай попробуем выкупить мои совместные воплощения с Мишей,- предложил Фома. – Какую-нибудь нашу общую реальность.

- Сейчас я настроюсь, - сказала Лена. Правой рукой она начала проматывать невидимую Фоме ленту Акаши. – Да, вижу. Вы были братьями, русскими князьями.

- Я его казнил однажды, - сказал Фома. – Посмотри.

- Да, - подтвердила Лена через некоторое время. – Был заговор, но он в нем не участвовал. Попроси прощения, чтобы сейчас это не цеплять. (*Фома попросил*). Вообще, твоя спешка – это препятствие в диалоге с Мишей. Ты думаешь быстрее, он – медленнее. Ты должен останавливаться и давать ему время, чтобы тебя догнать. Если не так, то вы разругаетесь. Вы же работаете вместе, я так понимаю.

- Да, - подтвердил Фома, - и у нас совместные кармические задачи. В связи с тем, что ты нашла у Миши, рядом с Христом. Посмотри и меня тоже там, в Иудее. В сцене с вкладыванием пальцев под ребра Христу.

- На Фому намекаешь, - сказала Лена. Кажется, она удивлена. – Сейчас посмотрю. – Через паузу: - Нет, не вижу.

- Меня в этой сцене? – уточнил Фома.

- Нет, - сказала Лена. – Самой этой сцены. Не показывают. Зато вижу другую картинку. Сцену Преображения Господня. Ты стоишь за спиной у апостола Иоанна. Причем ты - с крыльями. Ангел. И при Распятии, за спиной у Иоанна – тоже ты. Правда, измученный какой-то, с резко сниженной энергетикой.

Теперь настала очередь удивляться Фоме.

- Точно то же самое мне говорила одна наша ясновидящая, - пояснил он. - Во время расстрела царской семьи в Ипатьевском доме – висел у наследника за спиной. И тоже был ангелом. Это – сходное состояние?

- Похоже, что так, - заметила Лена. – Ты одновременно существуешь на нескольких вибрационных планах. У Стива Ротера есть: Человек-Ангел, переходный тип. Почитай повнимательнее, особенно последнюю книгу, зеленая такая. И потом, есть еще тема. На ранних этапах развития человеческой цивилизации душ не хватало, и одна душа по временам занимала два и более тел. Так что я бы, скорее, смотрела тебя на апостола Иоанна. Возможно, Фома и Иоанн – одна душа.

- Или – один курирующий эгрегор, - поправил Фома.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

- И такое тоже возможно, - подтвердила Лена. – Пока трудно сказать. Не показывают, не открывают до конца. Но что-то такое намечается, раз вас всех собирают вместе. Любопытно было бы посмотреть, куда это все приведет. Главное – играйте, и играйте с радостью. Наслаждайтесь тем, что вы делаете.

64. 3Л. Апостолы играют в футбол

Из статуса в ICQ:

*О, великий и могучий Гус Хиддинк! Да светится имя твое, как до евро, так и после него! Да прости нам обиды наши, как мы простили про**ы ваши! Снизойди на рабов твоих и покарай казующим перстом, священным мячом и одиннадцатью апосталами неверных испанцев, дыбы воцарился мир на всем евро! Аминь.*

<http://blogs.mail.ru/community/30ties/> (запись от 26.06.2008, в орфографии оригинала)

20 июня 2008 года. Ленобласть. Топ-менеджмент корпорации «Элефант» трудится на выездном стратегическом совещании. Вечером, в кафе местного пансионата, собирается шумная толпа подогретых фанов. Россия играет с Голландией в четвертьфинале чемпионата Европы по футболу. Нужна победа. И она куется не только на футбольном поле, но и на тонких планах.

Эзотерическая схема обороны-защиты выстраивается пятью апостолами. Питер представлен тремя из них: Нафаня, Филя, Фома. Задача этой троицы – набрасывать энергию на Андрея Аршавина, через формирование соответствующего стратегического намерения. Филя – багровый от пива, то и дело вскакивает со своего стула, с восклицанием, типа: «Нучтожеониделаюттобля!». Нафаня за вечер съедает уже пятую трубочку мороженого – и тоже по временам подрывается со стула (*волнуется*). Фома – холоден, концентрируется на задании. Он ничего не пьет, ему не позволяет печень.

Московская апостольская тусовка на чемпионате представлена апостолом Андреем. Светлана Ростова, она же Андрей, находится в самом тылу врага, снимает защиту с голландских ворот, заблаговременно выставленную туда пресловутыми испанскими колдунами. Параллельно, она немного пакостит на средней линии (*то и дело голландские полузащитники промахиваются мимо мяча, подскользываются на газоне*). Зря это она. Неспортивно!

И, наконец, апостол Симон Зилот из Омска. В Омске уже ночь, так что апостол Зилот, может показаться, спит. Но нет, не спит апостол. Не спит, но выходит на астральный ночной контакт. Миссия Зилота в этом матче – держать эзотерический щит над командой России, не подпуская к ней все тех же назойливых испанских астральщиков, а также штопать прорехи в щите, то и дело возникающие в связи с деятельностью доморощенных вуду. Только что были пущены в продажу куклы Аршавина и Акинфеева, с набором иголок к ним. Так что всякий идиот может поупражняться в древней магии – с огребанием большого числа проблем на свою кармическую задницу, уж не без того. Но – иголки втыкаются, поле рвется, а Зилот уж тут как тут – рихтует.

Наконец, Ростова срывает покров с голландских ворот. В ту же минуту, пока испанские колдуны не успели опомниться, Аршавин проходит по левому краю, пасует Симаку, тот –

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

без обработки – перекидывает Павлюченко, и Павлюченко пробивает в левый угол ворот. Го-о-ол! Ревет Россия, ревет Филя, ревет Нафаня, спорадически вскрикивает Фома, машет руками от удовольствия Ростова, удовлетворенно ворочается в своей омской постели Зилот.

Но не тут-то было. Испанцы прочитали пару мантр, - и вот уже несется к воротам Акинфеева неудержимый Рууд ванн Нистелрой, инвольтированный от эгрегора с острова Ямайка (*скольким черным петухам пустили кровь ради этого момента – история умалчивает*). Ему перебрасывают через все поле мяч, и он - пробивает ответный гол, за пять минут до конца встречи. Дополнительное время, все надо начинать сначала.

Ростова звонит в Ленобласть Фоме.

- Саша, - требует она, - напрягитесь, надо выигрывать. Можно выиграть, сам видишь. Скажи там Нафане с Филей, чтоб не филонили. На Аршавине три колдуна висят пиявками, энергию из него сосут. Я их отрываю, как могу, но сил уже мало.

- Передам,- обещает Фома. – Выиграть можно, факт.

Нафаня и Филя, получив в перерыве новые инструкции от Фомы, удваивают усилия. Сначала кажется, что ничего не происходит. Но, на самом деле, тема-то пошла. Аршавин – маленький зенитовец – наконец, ухватывает свою игру. До этого – еле бегал, и не видно его было совсем, а тут – завелся. Проходит по левому краю, через все поле перекидывает Торбинскому, Торбинский заносит мяч в ворота. Го-о-ол! Ревет Россия. Но Аршавин уже неудержим. Потому что Зилот-из-Омска, наконец-то, заштопал разорванный кокон биополя Аршавина, а триада из Ленобласти влила в этот кокон энергетическую подпитку, через манипуру-чакру. Не прошло и трех минут после второго гола, - и вот уже Аршавин несется к голландским воротам, проходит оборону как нож сквозь масло, справа (*вне игры нет*), обходит одного, второго. Го-о-ол!!! И это уже победа, вне всякого сомнения. Аршавин бежит от вражеских ворот, традиционно прижимая палец к губам. Но какое там! Подотришь ты, Руд Гуллит, своим прогнозом на матч - 1:0 в голландскую пользу! Ревет Россия, скандируют апостолы-победители: «Рос-си-я! Рос-си-я!».

- Я просто была никакая, - рассказывает Ростова на следующий день после матча. – Еле до кровати доползла, проспала 12 часов кряду. Давно со мной такого не было.

- Я видел вас там, - рассказывает Зилот Фоме. – Светку и вас троих, и еще много всякого народа, которые мне помогали, набрасывали энергетику на щит. Я уже было хотел одному назойливому барбосу в рыло залудить, - но ты меня в последний момент удержал, не дал. И, наверное, правильно сделал. И голос еще слышал чей-то: «Не стоит он того!».

65. 3Л. Из архива Фомы. Свадьба – в жизни только раз. Может, 2, а, может, 3, но это не для нас

Место события.

Санкт-Петербург, кафе «Фогель». Адрес: Комендантский проспект, 21. Профиль: пивной ресторан, трансляции футбольных матчей. Тел. 342-91-88.

Время события.

28 июня 2008 года. В это субботу трансляции матчей с чемпионата Европы по футболу не было.

Тип события.

Свадьба Глории и Фомы, второй день.

А что было в первый день?

Регистрация брака. В среду 25 июня, на буднях, без свидетелей и гостей.

Где?

В загсе на Капитанской, д. 4. Василеостровский район.

Какое расстояние от загса до квартиры Фомы?

Примерно 800 метров.

А до квартиры Жени Калининой?

Чуть меньше.

Это расстояние было пройдено молодыми пешком?

Нет, на автомобиле «Нисан Тиیدا», с развороченным правым бортом. Ожидаемая цена ремонта – 170 тыс. рублей (*покрывается страховой компанией «Ренессанс Страхование» по полису каско*).

Состав участников свадьбы второго дня.

Со стороны жениха – 15 человек, со стороны невесты – 10 человек. Родственники: со стороны жениха – мать, со стороны невесты – дочь, сводная сестра, троюродный племянник, племянница.

Ориентировочная стоимость банкета.

30 тыс. рублей. Было разрешено часть напитков привезти с собой. Обязательная норма выкупа спиртного в ресторане: две бутылки водки и одна бутылка коньяка.

Все ли кафе было выкуплено?

Нет, только большой зал.

Вкратце опишите меню.

Салаты в ассортименте, бутерброды, рыба с овощным гарниром, свинина в кляре. Вина в ассортименте, водка, коньяк.

Какова была культурная программа?

1. Поздравления молодых. Тосты. Подарки. Капустник.
2. Песни под караоке.
3. Танцы.
4. Возврат книг.

Что за капустник?

Мини-спектакль, устроенный гостями со стороны жениха. Исполнялась песня «Аргентина-Ямайка – пять-ноль», вручались футболки соответствующего содержания (*пять олимпийских колец, надпись «5:0»*).

Это почему же так?

Пятый брак Фомы. Из них – одно венчание без государственной регистрации (*развенчано митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром*).

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Какова средняя длительность пребывания Фомы в браке?

Три с половиной года.

Каково отклонение от среднего значения, взятого по выборке браков?

Два года.

Не свидетельствует ли эта статистика, что все браки Фомы можно подразделить на две категории: условно-неудачные (с длительностью до полугода) и условно-удачные (с длительностью свыше пяти лет)?

Свидетельствует.

Вернемся к событию. Хороша ли была невеста?

Ослепительно хороша. В черном платье, с татуировкой на правом плече, с преческой а-ля Гипатия. Готовая Сафо.

А что было изображено на татуировке?

Солярный крест, вестимо.

Есть ли такая татуировка на плече у Фомы?

В точности такая же, на том же самом месте.

А сколько всего татуировок сделал себе Фома за долгую жизнь?

Три.

Кто был самым экстравагантным гостем на вечере?

Петр Ушков.

Чем он запомнился?

Экзотическими танцами. И манерой пения.

А какие песни исполнялись под караоке?

Ничего принципиально нового. Подборка «Ретро-ФМ»: «Я начал жить в трущобах городских», «Клен», «Звездочка», «Есть только миг» и др.

Что там насчет возврата книг?

Фома решил вернуть книги всем своим друзьям, что он у них зачитал.

Составьте таблицу, где укажите владельцев книг, их ключевые предыдущие воплощения и сами книги

№ пп	Владельцы	Ключевые воплощения	Книги
1	Петр Ушков	Сакки, Брамс, неизвестный фашист	Томас Манн «Доктор Фаустус». ПСС, т. 5
2	Олег Анисимов	По ВОВ – разведчик, «спалился», Фома пришел на его место	М.Ямпольский. Беспмятство как исток (читая Хармса)
3	Дмитрий Шестаков («Пиглет»)	По ВОВ – неизвестный фашист. Возможно, отец О.Генри	Д. Нортон, Р. Каплан. Организация, ориентированная на стратегию
4	Художники	Нет догадок	Модернизм, в двух томах

5	Просто старые друзья	Нет догадок	Сборник современной итальянской поэзии: Джованни Джудичи и др.
---	----------------------	-------------	--

Какие странные феномены наблюдались на вечере?

Схожесть Глории и Марии Магдалины (*сейчас она – Надя Рябцева*), с одной стороны, и схожесть Пиглета и апостола Филиппа (*сейчас он – Дмитрий Ручейков*), с другой стороны.

Что еще было забавного?

Мария Магдалина вернула Фоме рулетку, которую он оставил у нее дома.

В связи с чем была оставлена рулетка?

Ремонтные работы, восстановление электропроводки в туалете.

Как к этому событию отнеслась Глория?

Не заметила.

А если бы заметила?

Приревновала бы. Она ревнива.

Сохранились ли фотографии события?

Еще бы.

Где их можно посмотреть?

ВКонтакте, на страницах Александра Sedok Резанцева и Глории Azimut Суворовой.

66. 3Л. Семейный архив. Два готовых писателя

66.1. Глория – в «Кронштадский вестник» (1994). На святом острове

Валаам ... Кому не знаком этот небольшой архипелаг посреди Ладожского озера? Сосны, скалы, поляны и озера. А какой воздух! Разве сравнить его с городским? Неописуемая красота карельского пейзажа сочетается со строгим величием храмов, часовен, церковей ... Которые были попорчены, осквернены, разрушены за годы «воинствующего атеизма».

В начале 40-х годов, после советско-финских войн, некогда едва ли не самый крупный монастырь русской православной церкви прекратил свое существование. Храмы превратили в склады и магазины. Осыпались и были выметены с грязью и мусором бесценные росписи. Много скитов было просто уничтожено.

Несколько лет назад Валаамский монастырь стал возрождаться. Не покладая рук, трудятся монахи, послушники, миряне над восстановлением храмов. И новая победа: вернулась к жизни церковь «Успения Богородицы», где раньше был магазин. Освятить храм приехал сам Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II.

9 июля в маленьком Валаамском поселке было очень многолюдно. Все ожидали прибытия Святейшего. Дорога от врат до главного собора обители и церкви Успения Богородицы была заботливо устлана свежескошенной травой и усыпана цветами. По обе стороны от этого ковра выстроились монахи. И вот в назначенный час прибыл Патриарх. В сопровождении

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

епископов он прошел в собор, затем к церкви Успения, где и началось торжественное освящение. Всего величия этой службы описать невозможно. Народ в молчании и благоговении внимал каждому слову говорящего, искренне сопереживая событию. Певчие то тихо и трогательно, то бойко и громогласно вторили молитвам. Церковь окропили святой водой, окурили ладаном ...

Но торжества на острове еще не окончились. Впереди – праздник Преподобных Сергия и Германа. Мощи этих святых лежат в одноименной нижней церкви большого собора. Там и состоялось всенощное бдение. Представьте себе полутемный храм, освященный лишь трепетным мерцанием свечей и лампад.

В смиренной молитве преклонены и прихожане, и архиепископы, и священники... Рядом – русские, американцы, англичане, финны – вера не имеет границ.

По правую сторону от врат алтаря стоят батюшки – исповедуют. Да и невозможно находиться в такой атмосфере с камнем грехов на душе, ибо вокруг чисто и свято. И кажется: если закрыть глаза, то очутишься где-то высоко-высоко в стремительном полете и головокружительном парении.

На улице совсем темно, игра свеч еще ярче и сказочней. Все духовенство во главе с Патриархом стоит вокруг святых мощей Сергия и Германа. Святейший читает молитву, священники подхватывают и распевают низкими голосами: «Отцы Преподобные, молитесь Бога о нас ...»

Наутро служба продолжается. Служит Патриарх, воздавая хвалу всем святым, моля Господа о прощении всех грехов наших. Затем все подхватывают за дьяконом: «Верую во единого Отца Вседержителя...». И как единый глас летит молитва из уст собравшихся.

Кульминационный момент службы – таинство Причастия. Святейший Патриарх Алексей собственноручно причащает паломников. «Не целуйте руку, целуйте только чашу», - просят дьяконы. Но разве народ удержишь? Все-таки сам Патриарх!

К обеду все вышли на крестный ход. Впереди монахи с иконой Преподобных Сергия и Германа, хоругвями. Следом – остальные священники, за ними Святейший, паломники и миряне.

Вечером, накануне праздника Первоверховных Апостолов Петра и Павла, Патриарх отбыл в Петербург, и жизнь на святом острове вновь вошла в привычное утро.

Поневоле вспоминается, как еще несколько лет назад многие из нас совершали туристические вояжи на Валаам, чтобы отдохнуть, «расслабиться», поплавать на лодке у Предтеченских островов. Сегодня у большинства приезжающих на святой остров другая цель, и можно определить ее одним общим выражением – духовная работа. Другими словами увидели мы наши святыни, и если для иностранцев, непрерывно наводняющих остров, он в значительной степени всего лишь экзотика, то для нас Валаам постепенно становится местом прибежища усталой души и покаяния. Мы не прощаемся с тобой, Валаам ...

66.2. Фома – в «Общую газету» (1998). В тюрьме

60-летнему юбилею Венедикта Ерофеева
и 80-летию ВЛКСМ посвящается

Дорогой Егор Яковлев!

Имел честь быть опубликованным в Вашей газете в 1997 году. С тех пор многое изменилось. Меня осудили, дали 5 лет, 3 года 7 месяцев из них я сижу "вкрытую". Мои потуги доказать свою невинность успеха не возымели. Как сказала героиня одной современной пьесы: *"Ходила-ходила, ноги до жопы истоптала, а правды так и не нашла"*.

Вот, взялся перечитывать бессмертную поэму "Москва-Петушки". Как верно пишет автор: *"Сколько захватывающего сулят эксперименты в узко специализированных областях! Ну, например, икота. Мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес соленые рыжики собирать. Да плюньте вы ему в его соленые рыжики! Давайте лучшие займитесь икотой, т.е. исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте..."*

И то правда (по аналогии): к чему нам ломать голову о судьбах Родины, о демократии, правосудии и правах человека, когда ничего этого у нас нет? И не честнее было бы всерьез и надолго посвятить себя икоте, - или вот, например, решению одной из загадок, что Сфинкс-гадина загадывает пьяному Вене, нещадно пиная его при этом по спине и в поддых? Итак:

"Когда корабли Седьмого американского флота пришвартовались к станции Петушки, партийных девиц там не было, но если комсомолок называть партийными, то каждая третья из них была блондинкой. По отбытии кораблей Седьмого американского флота обнаружилось следующее: каждая третья комсомолка была изнасилована, каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой, каждая пятая изнасилованная комсомолка оказалась блондинкой; каждая девятая изнасилованная блондинка оказалась комсомолкой. Если всех девиц в Петушках 428 - определи, сколько среди них осталось нетронутых беспартийных брюнеток?"

Я попотел над этой задачкой несколько вечеров, и вот мой ответ Сфинксу: **нетронутых беспартийных брюнеток в Петушках могло уцелеть совершенно любое количество, от 0 до 428**. Я сделал этот вывод, исследовав линейную алгебраическую систему из 6 уравнений с 8 неизвестными.

При этом я заранее снял все ограничения, предполагая и возможные крайние случаи: а) на кораблях 7-го флота плавают одни импотенты и пидарасы; б) Советская власть в Петушках не нашла своих приверженцев, посему ни одна петушихинская девица в комсомол вступать не захотела.

Само же полученное решение позволило мне сделать еще ряд дополнительных важных выводов:

1. Всего возможных вариантов кластеризации девиц по партийной принадлежности, цвету волос и причастности к жертвам американской сексуальной агрессии - 1235, не больше и не меньше. Чтоб позволить себя проверить, выписываю один из возможных сценариев "клинтонизации" Петушкова:

- комсомолок-блондинок 15, из них помято 3;
- комсомолок-брюнеток 30, из них порченных 12;
- беспартийных блондинок 24, из них траханые все;
- беспартийных брюнеток 359, жертвою пали 21.

Проверяем условия:

- "каждая третья комсомолка была изнасилована": $(15+30)/3=3+12$;
- "каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой": $(3+12+24+21)/4 = 3+12$;
- "каждая пятая изнасилованная комсомолка оказалась блондинкой": $(3+12)/5=3$;
- "каждая девятая изнасилованная блондинка оказалась комсомолкой": $(3+24)/9=3$.

Итого сводка: всего девиц $15+30+24+359 = 428$, иних пострадали $3+12+24+21=60$, т.е. порядка 15% личного состава.

2. Число изнасилованных комсомолок не превышает 60.

3. Число изнасилованных блондинок не превышает 108, таких же брюнеток 132, из чего вытекает, что шансы брюнеток быть изнасилованными процентов на тридцать выше.

4. Полное число комсомолок в Петушках не может превышать 180 девиц, т.е. процентов 40 от общего их числа.

5. Всего не может быть изнасиловано более 240 девиц из 428. Конечно, в жизни всякое бывает, но тогда задача перестает решаться в целых числах.

6. В том случае, если ни одна из комсомолок не изнасилована, то: а) не изнасилован вообще никто, и корабли США напрасно бороздили Петушинский залив; б) в Петушках нет ни одной комсомолки.

Резюме: *"Не так ли беспорядочно чередуются в жизни человечества его катастрофы? Закон - он выше всех нас. Икота - выше всякого закона"* (В.Ерофеев, там же).

Господа, давайте забросим проклятые вопросы. Наш удел - многовековая социальная икота. Прислушайтесь к опыту человека, оказавшегося на самом острии боданий с этим икающе-пукающим маразматическим режимом, что лузгает своих подданных, точно семечки, и плюет их направо и налево. Или вслушайтесь в Веничкины пассажи. Жизнь и судьба их автора суть трагическая насмешка над тем, что могло бы явиться новым Гоголем, но не явилось, ибо Родина-мама заспала автора, задушила его в клубах пьяного комсомольского перегара...

С уважением к читателю сего опуса, **Александр Резанцев, мошенник.**

66.3. Отрывок из книги Фомы и Глории «Риски в компании: идентификация, анализ, управление» (2009). В корпорации «Элефант»

Любое предприятие, как и всякий живой организм, проходит свои жизненные периоды: младенчество, подростковый период и т.д. [1]. В каждом из этих периодов компания борется за свое выживание, как умеет. Взрослея, предприятие непрерывно обновляет палитру своих методов выживания, растет над собой, эволюционирует.

Когда предприятие только-только встает на ноги, его взгляд на порядок своего выживания является во многом **наивным**. В этот период выживание предприятия напрямую и почти исключительно зависит от самочувствия своего первого лица – собственника и, по

совместительству, генерального директора. Именно чутью и ловкости первого лица предприятие бывает обязано жизнью: насколько директор удачлив в своих операциях и своих знакомствах, насколько хорошо он слышит поступающие извне сигналы, умеет ли читать знаки, разбираться в людях, которых приближает к себе, как хорошо он умеет привлекать и тратить деньги и т.д. В этот наивный период выживание предприятия – это его самоцель, и вопросы более высокого порядка не ставятся и не решаются. Итак, на этой стадии выживание фирмы – это **функция ее первого лица**.

Второй период жизни предприятия – **опознавательный**. Вот, захвачен некоторый стартовый рыночный плацдарм, и руководство предприятия может немного перевести дух и оглядеться по сторонам. Это уже не одно лицо, а **группа лиц** – команда единомышленников, возглавляемая тем же собственником. У каждого из членов команды есть свои персональные цели (разумеется, большей частью меркантильные), но перед лицом коллективного выживания позиции игроков начинают выравниваться, приходит к общему знаменателю. Ставится цель не просто выживания в локальном смысле, но и **развития** – как формулы выживания в смысле глобальном. Осмысление перспектив и путей развития порождает **стратегию**. Возникают измеримые цели – и продумываются пути достижения этих целей в среднесрочной перспективе (в российской практике обычно 3-5 лет).

Итак, выживание на втором отмеченном отрезке жизни предприятия – это **функция команды**: насколько хорошо она понимает самое себя и рынок, на котором работает, как умеет оценивать свои силы и устанавливать связь между целями компании и ресурсами, которые для достижения своих целей компания приобретает в управление.

Важен также и мистический аспект. Можно верить в высшие силы или нет, но рассмотреть таковые силы в качестве модельного объекта никому не возбраняется. Сделаем предположение. Пусть в какой-то момент компания – осознано или неосознанно - заключает со своим профильным **эгрегором** (сущностью высшего порядка, ангелом-хранителем) **жизненный контракт** на тонких планах (терминология Даниила Андреева [5, 7] и – позже - Стива Ротера [6]). В этом контракте компания декларирует свои цели, свою миссию, обозначая, зачем она явилась на этот свет, какие задачи ставит перед собой и как собирается их решать. Контракт виртуально подписывается со стороны компании всеми ключевыми игроками – наиболее активными членами команды, которые разделяют видение первого лица и готовы реализовывать замысел о компании, тратя на это лучшие годы своей жизни. Во исполнение заключенного контракта, эгрегор дает подшефной компании энергию и информацию (иногда такая информация на вскидку выглядит как чутье и удача первых лиц). Если компания в одностороннем порядке нарушает контракт, отклоняясь от оговоренного курса, - связь с эгрегором прерывается, и компания гибнет (симптомы гибели: уходят ключевые игроки, возникает раздрай в команде единомышленников, падают продажи, в офис компании врывается налоговая полиция и т.д.).

Позволим себе еще одно плодотворное отступление. Зарождение, развитие и гибель любой империи можно рассмотреть под углом зрения исполнения жизненного контракта, который эта империя заключает со своими богами. Вспомните фильм «Гладиатор» Ридли Скотта, с блистательным Расселом Кроу в главной роли. Император Марк Аврелий – идеалист, философ. Это ему Рим обязан многими своими победами, расширением ее границ с запада на восток. Ученик Аврелия – полководец Максимус – в тех же мыслях. Он одержим (известный российский мистик Авессалом Подводный сказал бы – инволютирован [7]) тем же эгрегором, что и император – идеей Великого Рима, где правят сила и честь, где боги еще молоды, живы – и способны помогать правителям и простым смертным. Напротив, сын Аврелия – Коммод – не разделяет веры отца в Рим. Он жаждет власти и страшится всех и вся. И уж, конечно, Коммоду нет никакого дела до богов. В результате, Коммод убивает отца, покушается на

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

Максимуса, садится на римский трон и приступает к раздаче хлеба и зрелищ. Рвется нить, связывающая Рим с эгрегором, с тонкими планами, и только смерть Коммода в финальной битве с гладиатором Максимусом предоставляет Риму отсрочку (сестра Коммода Лукреция возвращает к управлению Римом опальных сенаторов и клянется в верности идеалам демократии). Но Рим все равно обречен, потому что римские боги – умерли (или, если точнее, – отошли от дел, перестали помогать, потеряли интерес к проекту).

И это – не метафора. Эгрегоры – живы и могущественны. Недаром псевдо-Дионисий Ареопагит (цит. по [8]) описал еще в VI веке н.э. девятиуровневую иерархию в своем трактате «О небесной иерархии»: Херувимы, Серафимы и Престолы (первый уровень иерархии); Господства, Силы и Власти (второй уровень иерархии); Начала, Архангелы, Ангелы (третий уровень иерархии). Ну и чем не боги (с маленькой буквы), ну и чем не эгрегоры? Недаром иудейское «элохим» (боги) – термин, относимый ко всем субъектам, обладающим властью, а не только к традиционно понимаемым богам (например, в смысле Псалма 81: «Бог встал в сонме богов ...»).

67. ЗЛ. Нафаня и Фома проектируют империю

- Что нас ждет? – спросил Нафаня у Фомы. – Какие прогнозы у тебя?

Стоял май 2008 года, и это была Финляндия. Нафаня и Фома пребывали на выездном семинаре по НЛП. Погода баловала. Северная весна только занималась, но солнышко было теплым, припекало. Фома только что искупался в ледяном озере, Нафаня не отважился. Оба они грели косточки на огромном приозерном валуне. Такими вот валунами, оставшимися в наследство от ледников, и превосходна Карелия. Нафаня и Фома только что перешли на «ты». Сочли, что так будет правильнее. Вернее, счел Фома, а Нафаня с этим согласился.

- Ничего хорошего, - отвечал Фома. – Думаю, убытки будут только нарастать, и перелома мы не дождемся. Бюджетные темы – в коматозе. Нужно распродавать склады и потихоньку увольнять людей. Раз мы не в состоянии нарастить доходы, нужно отсекаать расходы.

- Хватит уже напирать на расходную часть, - сказал Нафаня. – Надо думать в терминах заработков. Новые темы нужны!

- Ты прав, - подтвердил Фома. – А если тем не будет? Что-то серьезное готовится по всему миру. Ипотечный кризис и все такое. Скрикошетит и по нам.

- Во всех случаях, из филиалов нам уходить нельзя, - сказал Нафаня.

- Нельзя, - подтвердил Фома. – Если мы правильно все понимаем, то «Элефант» со временем должен стать общероссийской темой. От этого к общественному движению – ровно один шаг.

- А мне, кстати, был сон не так давно, - сказал Нафаня. – Меня спрашивают: будешь президентом? Так я, говорю, уже вроде как президент, в корпорации «Элефант». Нет, говорят, президентом всего.

- Сон в руку, - сказал Фома. – Это было бы органично. «Апостолы - в царях», - процитировал он сам себя. – А мы с Ростовской – к тебе под бочок, советниками. Но либерасты по добру власть не отдадут, тут и думать нечего. Они к трубе намертво присосались. Очень деньги любят.

- Когда у них пачками дети начнут умирать, - сказал Нафаня, - от лейкемии, например, - сразу понимание придет. Они ведь идут против целого, как раковая опухоль. И тут одно из двух: либо опухоль сожрет человека, либо человек перестроится – и выживет, а опухоль отступит. Вот, сознательно ставят Россию в такие условия. И всегда ставили.

68. 3Л. Вместо эпилога. Отрывок из дневника Фомы. Любовь никогда не перестает

Встретимся. Расстанемся.

Но всегда останемся -

Лучшими. Любимыми.

Близкими. Всегда.

Жизнь за жизнью тянется ...

Но всегда останется -

Радость притяжения,

Божия Звезда.

Женя Калинина движется по коридору корпорации «Элефант». Как всякая беременная на поздних сроках, ковыляет, переваливается. В глазах у нее – свет, свет сбывающегося материнства. Когда мы встречаемся в коридорах, мы подчеркнуто вежливо киваем друг другу. Свидетельствуем, что наша нынешняя история – завершена, оплачена и оплакана (*слезы Жени, когда я в последний раз провожал ее до дома – в зачет, к моим таким же*). У нас двоих – новая жизнь, новые встречи и новые надежды. Мы живем дальше, живем порознь, как умеем, как жили до этого много лет и множество жизней. И это – ничего страшного, это нормально. Из этого ведь и состоит карнавал жизни – из вдохов встреч и выдохов разлук. И нужно научиться дышать в этом ритме, не сбиваясь. Душа должна научиться. Сердце должно научиться.

И главный метод обучения – это юмор кармического скитальца. Когда меня прихватывает (*реакция на сны*), я мысленно перенаправляю себя в Ялту. Вот, я – на набережной, в ресторане «Золотое Руно», лежу лицом в салате «оливье». А надо мной, пьяненьким, в сопровождении вокально-инструментального ансамбля «Гюнеш», голосит Гусейн Манапов (*на все побережье, на весь санаторий*):

Чайкы нэ крычи-и-тэ сэрду бо-оль-льна!

Чайкы успокойтес но дово-оль-на!

Видно чайкы мне-е не повэзло-о-о!

Щастье мае в мо-о-орэ унесло!

Отпускает, реально говорю. ☺

Мир наполняется новыми странностями. Такое впечатление, что Луна налетела на небесную ось, и земные полюса принимаются смещаться. Словно бы в рапиде падает на пол в квартире этажерка, доверху наполненная художественными альбомами. Потеряно ощущение устойчивости бытия. Идет на слом что-то серьезное. Может, целая Цивилизации Земли идет под замес, под апокалипсис. Разоряются компании со столетней историей за плечами. Рушатся банки. Миллионами выбрасывается на улицы городов экономически активное

население. Раньше зарплата в тысячу долларов вызывала презрительную ухмылку. Теперь за такой зарплатой еще придется погоняться, поискать ее днем с огнем. И ее будут задерживать примерно на месяц, и эту задержку многие согласятся терпеть. Реальные цены на квартиры в Питере упали в два раза относительно бывшего максимума – и расти не собираются. Квартирный вопрос как стоял, так и стоит; он портит петербуржцев с той же силой, что и москвичей. Люди хотели бы улучшить условия, приобрести долгожданную изоляцию от других, будь это хоть трижды родственники, – и не могут. Нет денег, ипотека умерла.

Ощущение близящейся катастрофы – не оставляет. Что же нам делать здесь и сейчас, на что рассчитывать, на какое будущее? Вероятно, следовать за БГ:

*Но я слышал песню, в ней пелось: делай что должен, и будь что будет.
Возможно, это – удачный ответ на вопрос...*

Нам не нравится дух современной эпохи. Нам не нравится режим. Но мы понимаем: сковырни режим, пролей кровь – новые негодяи, что придут, будут намного гаже старых. Придут – и будут делать то же самое: сосать кровь и набивать карманы. Нужно вырастить новую власть, новую элиту. Таковую, что соблюдет страну, вырастит ее, как японскую розу – по часам. Заложить новое жречество, по отношению к которому все традиционные конфессии должны будут занять нишевое положение, уйти в резервации, спрятаться в свои ограды, в свои скиты и в свои приделы (*пределы*) – и там бубнить заклинательные формулы. Потому что все, что конфессии сии хотели сказать, они уже сказали, и новых ответов на старые вопросы – уже не будет от них, и мечтать не приходится.

Скоро – Новый Год. Проведем мы его с Глорией дома на острове, никуда не пойдем, ни к каким Катаньям. Кася двинет оттягиваться со своими дружками-музыкантами в Питер. А мы дернем по рюмочке белого сухого, а потом я скажу своей любимой: одевайся потеплей, проветримся.

И мы пойдем по Посадской, дойдем до памятника дяде Ване, грамотно подсвеченного желтыми прожекторами. Постоим возле памятника, ухмыльнемся друг другу ухмылкой посвященных. Затем выдвинемся на Ленина. Разумеется, весь город тут как тут, зажигает. Но на Ленина мы не задержимся, а сразу пойдем по Советской, бульваром, к Морскому Собору. Заложенному дядей Ваней. С солярным крестом, придуманным дядей Ваней. В очередной раз подивимся на зеленую металлическую ограду в духе Александра Третьего, где солярные кресты плавно трансформируются в корабельные штурвалы, и обратно. Носить солярный крест – значит равняться на Свет, на солнце, держать Сей Свет в перекрестье неослабного своего внимания. Штурвалить свою жизнь и судьбу в этом воплощении верным галсом, по верной звезде. Так что между солярным крестом и штурвалом нет смыслового конфликта. Напротив: эти две темы обыгрывают друг друга, обмениваются догадками и находками.

Мы встанем у боковых ворот. Это там, где безбожные электрики вывели наружу лампочку – и проткнули мозаичному надвратному образу Богородицы висок. И все в этом жесте, как в капле воды: низость текущего момента – и грядущее величие сравнительно недалекого будущего. Храм не обихожен, пребывает в запустении, нынешней патриархии он не сдался (*не окупается*). Но однажды храм проснется. И весь Кронштадт встанет на молитву в этом соборе. На благодарственную молитву, посвященную смене эона, смене вех, завершению сумеречных смутных времен, приходу нового дня в новой России. Не знаю, откуда мне это известно. Знаю, и все.

Глория начинает мерзнуть (*мерзлячка кисловодская, что с нее возьмешь*). И мы поторапливаемся. Движемся к заливу через висячий мостик, по улице Красная, к военным

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 3. Апостолы подошли к развилке

кораблям, через Петровский парк. На берегу, у гранитной набережной с чугунными вазами, мы постоим, хоть и будет зябко. Мы будем вглядываться в горизонт, в тот берег, на город Ломоносов. Мы не увидим ни зги от Ломоносова, а смутно узрим лишь пограничную линию, смыкающую кронштадский лед и свинцовое мглистое новогоднее небо.

И Глория скажет: «Я люблю тебя, Солнц». Прижмется ко мне, как скворчонок, - отогреться. И мое сердце, потраченное печалью последних времен, тоже займется оттаивать. Наполняться благодарностью Богу за все, что случилось со мной. За потери и находки, за озарения и сумерки, за надежды и за приступы полного отчаянья. За тысячи рождений и смертей, вдали от Глории, заодно с Глорией, в битве с Глорией, в любви с Глорией, в братстве с Глорией. Ее звали всякий раз по-разному, и пол у нее гулял, но душа – оставалась той же. И, если менялась, то совсем медленно, маловидно.

Я обхватываю Глорию двумя своими лапами – греть, выдыхать свое тепло ей за шиворот. И скажу ей: «Не дрожи, мурзилка-девочка, сейчас домой пойдём». И Глория ответит: «А ты мурзилка-мальчик. Да, домой».

**КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ И КНИГИ ОТ ФОМЫ. ДАЛЕЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ
ВЕДЕТСЯ ОТ ЛИЦА АПОСТОЛА АНДРЕЯ**

Приложение 1. Выдержка из аналитического отчета

Спутники апостольской группы «12» (прежде всего – корпоративные души):

Имя апостола и нынешнего персонажа	Имя спутника	Положение спутника (сейчас, историческое)
Андрей (Светлана Ростова)	Юлия Ростова	Дочь. См. ап. Матфей
	Виктория Хлебникова	Мать. Она же: Вещий Олег. Рядом с Николаем Вторым – отец (Александр III). В Трое – Лаокоон. Рядом с Пифией – Пифагор. Рядом с Петром Первым – царевна Софья
	Владимир Хлебников	Отец. Он же: Лжедмитрий
	Надежда Корсакова	Прабабушка (умерла). Она же: равноапостольная княгиня Ольга, рядом с Владимиром Красно Солнышко (тоже прабабушка)
	Анна Ростова	Дочь. В Трое – Кассандра, в ВОВ – сестра, рядом с Хлодвигом – сестра (Аудофледа), рядом с Николаем Вторым – вел. кн. Анастасия (дочь)
	Михаил Ростов	Муж. В ВОВ – сосед по Патриаршим прудам. Рядом с Николаем Вторым – отказался стрелять в Ипатьевском доме
	Александра Одинцова	Подруга. В Испании – инквизитор. По ВОВ – безвестная расстрелянная еврейка
	Наталья Лебедева	Подруга. Координатор «Черемушкинского Альянса» (бандформирование). Рядом с Николаем Вторым – Анна Вырубова. Рядом с Андреем – друид. Рядом с пиратом на Тортуге – отец любимой девушки
	Татьяна Морозко	Певица. Рядом с Петром Великим – Евдокия Лопухина (жена)
	Екатерина Ермолаева	Сводная сестра. При Христе – сотник Лонгин. Рядом с Лейстер – Вамбина. Рядом с Петром Первым – брат (Иван). По ВОВ – сестра Даниила Модзалевского (см. ап. Симон Зилот)
	Дмитрий Валиков	Певец (см. ап. Петр). Родственная душа, все время вместе, из жизни в жизнь
	Ирина Баранова	Соратник (см. ап. Павел). Рядом с Ахиллом – Агамемнон, рядом с Лермонтовым – мать, рядом с Константином Великим – Евсевий Кесарийский, рядом с Хлодвигом – Ремигий Реймский, рядом с Николаем Вторым – доктор Боткин
	Анастасия Валикова	Студентка (см. ап. Иуда Алфеев). Рядом с Николаем Вторым – жена (Алиса Гессенская), рядом с Хлодвигом – дочь (Клотильда Младшая)
	Стас Плюшкин	Певец (см. ап. Иоанн). По ВОВ – отец, рядом с Константином Великим – отец (Констанций Хлор), рядом с Петром Первым – отец (Алексей Михайлович)
Андрей Галахов	Шоумен (см. ап. Иуда Искариот). Рядом с Лейстер – Ян Минзе Молинар (муж-художник), рядом с Николаем Вторым – дочь (Мария)	

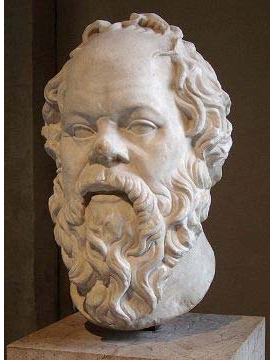

	Михаил Светиков	Соратник (см. ап. Нафанаил). Рядом с Моисеем – Аарон. Рядом с Лермонтовым – Михаил Глебов (секундант).
	Александр Резанцев	Вечный оппонент (см. ап. Фома). Рядом с Давидом – Соломон. Рядом с Константином Великим – Арий. Рядом с Ахиллом – Приам. Рядом с Хлодвигом – Теодорих. Рядом с Петром Первым – царевич Алексей. Вместе умирали на ВОВ
	Денис Удачин	Соратник (см. ап. Симон Зилот). Рядом с Хлодвигом – командующий его армий, рядом с Ахиллом – сын (Неоптолем)
	Петр Гловер	Певец. По ВОВ – мать
	Виктор Юшин	Одноклассник. Рядом с Николаем Вторым – брат, великий князь Михаил Александрович
	Глория Суворова	Жена и вдова А.Резанцева (см. ап. Фома). Рядом с Федором Иоанновичем – Анастасия Захарьина-Юрьева (мать). Рядом с Лермонтовым – Александр Васильчиков (друг и секундант на дуэли с Мартыновым)
	Юрий Валиков	Отец Дмитрия Валикова (см. ап. Петр). Рядом с ап. Андреем – отец. Рядом с Хлодвигом – Аларих II
Петр (Дмитрий Валиков)	Елена Валикова	Жена. Она же: Гера, Казанова, Распутин
	Анастасия Валикова	Дочь. См. ап. Иуда Алфеев
	Юрий Валиков	Отец. Рядом с ап. Петром – также отец
	Денис Анисимов	Племянник. См. ап. Иаков Алфеев
	Александра Одинцова	Автор ряда песен. По Испании – друг-инквизитор
	Илья Либерман	Управляющий банка. По ВОВ - отец
Иаков Зеведеев (Александр Полнолетов)	Андрей Галахов	Шоумен (см. ап. Иуда Искариот). Рядом с Гектором - Андромаха
	Алексей Чуваков	Певец и друг. Рядом с Элвисом Пресли – Марио Ланца
Иоанн (Стас Плюшкин)	Петр Гловер	Солист группы «Кофе в постель». По ВОВ - жена
	Эльвира Липс	См. спутников ап. Фомы. Рядом с папой Климентом VII – Джулиано Медичи (отец)
Филипп (Дмитрий Ручейков)	Александр Резанцев	Друг. Рядом с Кириллом – Несторий, рядом с Парисом – Приам, рядом с Эдипом – Лай (отец)
	Евгения Калинина	Подруга (см. спутников Фомы). Рядом с Эдипом – Иокаста (жена)
	Михаил Светиков	См. Апостол Нафанаил. Работодатель
Нафанаил (Михаил Светиков)	Сергей Егоров	Сотрудник. Рядом с Хубилай-Ханом – Марко Поло
	Сергей Алексеев	Сотрудник. Рядом с Хубилай-Ханом – Карма-Пакши (придворный колдун)
	Светлана Колесникова	Сотрудница. Рядом с Хубилай-Ханом – одна из жен
	Яна Хрусталева	Сотрудница. Рядом с Джоном Робертсом – Ребекка Рис (несостоявшаяся невеста)
	Екатерина Яблонская	Сотрудница. Рядом с Врубелем – жена Надежда Забела
	Дмитрий Ручейков	Соратник (см. ап. Филипп). Рядом с Хрисеидой – Парис (сводный брат). Рядом с ап. Нафанаилом –

		брат (ап. Филипп)
	Александр Резанцев	Соратник (см. ап. Фома). Рядом с Хрисеидой – Приам (отец), рядом с Боэцием – Теодорих Великий (работодатель), рядом с Ордын-Нащекиным – Симон Ушаков (портретист)
	Светлана Ростова	См. ап. Андрей. Рядом с Аароном (первосвященником) – Моисей (вождь). Рядом с Михаилом Глебовым (секундантом Лермонтова) - Лермонтов.
Матфей (Юлия Ростова)	Светлана Ростова	Мать. См. ап. Андрей. Рядом с вел. княжной Татьяной Романовой – отец (Николай Второй)
	Дмитрий Валиков	См. ап. Петр. Рядом с вел. княжной Татьяной Романовой – сестра (вел. княжна Ольга Романова), по ВОВ – брат (Юрий Мережковский)
	Александр Резанцев	См. ап. Фома. Рядом с Гекубой - Приам
	Илья Либерман	Управляющий банка. По ВОВ - отец
Фома (Александр Резанцев)	Надежда Рябцева	Родственная душа (см. ап. Мария Магдалина). Часто рядом
	Глория Суворова	Последняя возлюбленная в этом воплощении, потом жена, потом вдова. По схеме – один из Арбитров. Она же: один из 70 апостолов, Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (первая жена Иоанна Грозного, дочь царя Федора Иоанновича (Ростовой)). Она же: Иоанн Кронштадский. Рядом с Джоном Ноксом - Мария Стюарт. Рядом с Теодорихом Великим – Тиудигото (дочь). Рядом с Боттичелли – одна из моделей (предположительно, Венера и Беатриче)
	Евгения Калинина	Прежняя возлюбленная. В Фивах – Иокаста, по ВОВ – фашист (абвер)
	Дарья Калинина	Дочь Жени Калининой. Она же: Мария Кюри. Вероятно, один из 70 апостолов.
	Лидия Петрова	Сестра Евгении Калининой. По ВОВ - фашист
	Татьяна Резанцева	Мать. Рядом с Алексеем Петровичем – Петр Толстой
	Анна Полетаева	Бывшая жена. Рядом с О.Генри - Сара Коллман, по ВОВ – фашист (брат «Евгении Калининой»)
	Диана Вирсаладзе	Еще одна бывшая жена. Рядом с Алексеем Петровичем – Афросиния Федорова
	Марина Голубцова	Еще одна прежняя возлюбленная. В Фивах – Антигона, дочь и внучка Иокасты, внучка Лая-Фомы
	Петр Ушков	Друг. Рядом с Гоэци – Сакки (руководитель труппы театра Сан-Самуэле). Рядом с Шуманом – Брамс. По ВОВ – один из начальников местного гестапо (пытал)
	Олег Анисимов	Друг. По ВОВ – разведчик, спалился, «ап. Фома» пришел на его место
	О. Фома (Благоев)	Духовник. Рядом с Оригеном – Климент Александрийский
	Дмитрий Шестаков	Друг. По ВОВ – фашист. Возможно – отец О.Генри
	Анастасия Мельниченко	Знакомая. По ВОВ – фашист (гестапо)
	Елена Вазич	Хорошая знакомая. По ВОВ – фашист
Илья Либерман	Друг и учитель. См. спутников ап. Петра	

	Татьяна Морозко	Певица. См. спутников ап. Андрея. Рядом с Алексеем Петровичем - мать
	Александр Полнолетов	Певец (см. ап. Иаков Зеведеев). Рядом с Приамом – Гектор, рядом с Теодорихом Великим - Кассиодор
	Денис Удачин	Соратник (см. ап. Симон Зилот). Рядом с Арием – Афанасий, рядом с Приамом и Гекубой – Пирр (Неоптолем)
	Евгения Грекова	Актриса. Рядом с Шуманом – Клара Вик (жена)
	Юлия Ростова	См. ап. Матфей. Рядом с Приамом – Гекуба (жена)
	Анна Ростова	См. спутников ап. Андрея. Рядом с Приамом – Кассандра (дочь), рядом с Теодорихом Великим – Аудофледа (вторая жена)
	Макс Лемке	Знакомый. Он же: Великий Инквизитор Бернардо де Сандоваль. Рядом с Боттичелли – Лоренцо Медичи, рядом с Аполлодором Дамасским – император Адриан, рядом с Жаком де Моле - тамплиер
	Эльвира Липс	Знакомая. Рядом с Боттичелли – Джулиано Медичи
	Иосиф Вересов	Знакомый. Он же: Жанна Дарк. Рядом с Жаком де Моле – тамплиер, рядом с Боттичелли – Пико Мирандола
	Мария Хитрово	Знакомая. Рядом с Боттичелли – Леонардо да Винчи
Иаков Алфеев (Денис Анисимов)	Анастасия Валикова	Двоюродная сестра (см. ап. Иуда Алфеев). Рядом с Елизаветой Федоровной – младшая сестра Алиса Гессенская
	Николай Овсов	Певец. Рядом с Елизаветой Федоровной – великий князь Сергей Александрович
Иуда Алфеев (Анастасия Валикова)	Денис Анисимов	Двоюродный брат. См. ап. Иаков Алфеев
	Дмитрий Валиков	Отец (см. ап. Петр). Рядом с Алисой Гессенской – дочь Ольга Николаевна
	Елена Валикова	Мать (см. спутников ап. Петра). Рядом с Алисой Гессенской - Распутин
Иуда Искарот (Андрей Галахов)	Александр Полнолетов	Певец (см. ап. Иаков Зеведеев). Рядом с Андромахой – Гектор (муж)
	Светлана Ростова	См. ап. Андрей. Рядом с Молиаром – жена (Джудит Лейстер)
Павел (Ирина Баранова)	Виталий Баранов	Муж. По ВОВ - фашист
	Анна Баранова	Дочь. По ВОВ - фашист
	Светлана Ростова	Соратница (см. ап. Андрей). Всю дорогу вместе
	Дмитрий Валиков	См. ап. Петр. Очень часто вместе. На телепатическом уровне – непреодоленный антагонизм (история с Петром и Павлом в Деяниях)
	Юлия Ростова	См. ап. Матфей. Рядом с Боткиным – вел. княжна Татьяна
	Анна Ростова	См. спутников ап. Андрея. Рядом с Агамемноном – Кассандра. Рядом с Боткиным – вел. княжна Анастасия
	Петр Емельянов	Друг. Рядом с Горацием - Сенека
	Виталий Емельянов	Брат «Сенеки». Рядом с ап. Павлом – проконсул Галлион (см. Книгу Деяний)
	Александр Резанцев	Соратник (см. ап. Фома). Рядом с Евсевием

		Кесарийским – Арий, рядом с Франциском Ассизским – Антоний Падуанский
Симон Зилот (Денис Удачин)	Ольга Удачина	Жена. Рядом с Александром Вторым – первая жена
	Наталья Алексеева	Возлюбленная, родственная душа. Рядом с Александром Вторым – вторая жена
	Светлана Ростова	Соратник (см. ап. Андрей). Рядом с Пирром (Неоптолемом) – Ахилл, рядом с военным начальником армий (имярек) – Хлодвиг, рядом с Далматом (тоже военным начальником) – Феодосий Великий
	Михаил Ростов	По ВОВ – друг Алешка (вместе уходили на фронт, воевал под руководством «Дениса», погиб)
Магдалина (Надежда Рябцева)	Александр Резанцев	Друг (см. ап. Фома). Родственная душа. Рядом с Магдалиной – Фома, рядом с Еленой Спартанской – Приам, рядом с Симонеттой Веспуччи – Сандро Боттичелли, рядом с Педро Гратаролем – Карло Гоцци
	Петр Ушков	Друг. Рядом с Педро Гратаролем – Сакки (см. спутников ап. Фомы)

Приложение 2. Фотографии

			
Светлана Ростова (Андрей)		Сократ	
			
Ирина Баранова (Павел)		Рембрандт	
			
Александр Резанцев (Фома)		О.Генри	
			

<p>Денис Удачин (Зилот)</p> 	<p>Св. Доминик</p>
<p>Михаил Светиков (Нафанаил)</p> 	<p>Джон Бартоломью Робертс</p>
<p>Надежда Рябцева (Магдалина)</p> 	<p>Симонетта Веспуччи</p>
<p>Глория Суворова (Арбитр)</p>	<p>Ирэн Кюри</p>
	 <p>† LAURENTIVS SEÑ · ANÑ · II · M · V · D · XXV ·</p> <p><small>Fig. 35. Портрет анти-Папы Лаврентия в базилике святого Павла</small></p>
<p>Петр Ушков (Брамс)</p>	<p>Анти-папа Лаврентий</p>